

уральский
1992 4
СЛЕДОПЫТ

Пасха

фото Олега Капорейко

Читайте на 2 стр.

Учредители —
Союз писателей России,
Ассоциация советских
книгоиздателей,
трудова́я коллектив журнала,
Издатель —
Средне-Уральское
книжное издательство

Редакционная коллегия:
Станислав МЕШАВКИН
(главный редактор),
Евгений АНАНЬЕВ,
Виктор АСТАФЬЕВ,
Виталий БУГРОВ,
Юний ГОРБУНОВ,
Герман ИВАНОВ
(заместитель главного редактора),
Сергей КАЗАНЦЕВ
(ответственный секретарь),
Владислав КРАПВИН,
Юрий КУРОЧКИН,
Николай НИКОНОВ,
Олег ПОСКРЕБИШЕВ,
Борис СТРУГАЦКИЙ,
Юрий ШИНКАРЕНКО,
Марат ШИШИГИН

Художественный редактор
Дмитрий ЛИТВИНОВ
Технический редактор
Людмила БУДРИНА
Корректор
Ольга НАГИБИНА

Адрес редакции:
620219, г. Екатеринбург,
ГСП-353, ул. Декабристов, 67
Телефоны отделов:
22-36-62 (фантастики),
22-45-01 (краеведения, секретариат),
22-10-74 (писем, науки и техники),
22-04-81 (прозы и поэзии, публицистики,
молодежных проблем)

Сдано в набор 06.01.92.
Подписано к печати 21.02.92.
Формат бумаги 84×108¹/₁₆.
Бумага газетная.
Высокая печать.
Усл. печ. л. 7,14.
Уч.-изд. л. 11,26.
Усл. кр.-отг. 11,34.
Тираж 458.500.
(2-й завод: 200 001—458 500).
Заказ 435.
Цена 4 р. 50 к.
Типография издательства
«Уральский рабочий».
620219, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

© «Уральский следопыт», 1992.

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ!

Эта журнальная книжка — последняя для тех, кто подписался на «Следопыт» осенью прошлого года. Восемнадцать рублей едва-едва хватило на выпуск четырех номеров. И то, как Вы заметили, ценой утраты цветных вкладок во 2-м и 3-м номерах, да и четвертый несколько похудел.

Сейчас во всех отделениях связи России и других суверенных государств открыта дополнительная подписка на журнал «Уральский следопыт». Цена номера — 7 р. 50 коп. Подписка на год (5—12 номера) — 60 руб., на квартал — 22 р. 50 коп. Индекс журнала в каталоге Российской Федерации — 73413. Подписка продлится до 1 июня 1992 года.

Дороговизну издания диктует не редакция — рынок. Единственное, что в наших силах, — повысить творческий потенциал коллектива, не разочаровывая читателя. На последней странице журнала мы публикуем краткий перечень материалов на 5—12 номера. Естественно, из-за нехватки места многие интересные публикации, уже имеющиеся в редакционном портфеле, остались за бортом рекламы. Как всегда, ждем от вас советов и предложений.

К СВЕДЕНИЮ НОВЫХ ПОДПИСЧИКОВ! Обработка данных подписки, да еще в чрезвычайных условиях, займет довольно много времени. Поэтому 5 и 6 номера выйдут сдвоенным (точнее, полуторным) выпуском. Он поступит подписчикам в конце июня — начале июля 1992 года.

В связи с этим наша просьба к читателям, продлившим подписку: не затруднитесь прислать открытку, подтверждающую эту приятную для редакции весть. Текст свободный, типа «Я — ваш подписчик» и т. п. Это поможет нам оперативно определиться с тиражом.

ФОНД ЧИТАТЕЛЯ

Как мы и предвидели, ориентировочная цена 5 руб. за экземпляр журнала, приведенная нами в февральском номере, оказалась действительно ориентировочной и повысилась, увы, до 7 р. 50 коп. Из этой суммы на содержание редакции, командировки, гонорары и прочее приходится 30—40 копеек, остальное — на бумагу, типографию и связь.

По внешним временам стоимость подписки на оставшиеся 8 номеров 1992 года божеская — 60 рублей, но редакция глубоко озабочена тем, что многим и она окажется не по карману. Когда приходится выбирать между хлебом насущным и хлебом духовным, предпочтение, чаще всего вынужденно, отдается первому. ПОЭТОМУ РЕДАКЦИЯ «СЛЕДОПЫТА» ОБРАЩАЕТСЯ К ДРУЗЬЯМ ЖУРНАЛА — ГОСУДАРСТВЕННЫМ И НЕЗАВИСИМЫМ ИЗДАТЕЛЬСТВАМ, К КЛУБАМ ЛЮБИТЕЛЕЙ ФАНТАСТИКИ, ВЕДУЩИМ ХОЗРАСЧЕТНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, К ПРЕДПРИЯТИЯМ, ФИРМАМ, БАНКАМ И ДРУГИМ КОММЕРЧЕСКИМ СТРУКТУРАМ С ПРОСЬБОЙ СОЗДАТЬ ФОНД ЧИТАТЕЛЯ «СЛЕДОПЫТА». ДЕНЬГИ ФОНДА ПОЙДУТ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО НА ПОДПИСКУ ДЛЯ МАЛОИМУЩИХ, МНОГОЛЕТНИХ ПОДПИСЧИКОВ ЖУРНАЛА. ОТБОР ПИСЕМ ПРОСЬБ БУДЕТ ВЕСТИ РАБОЧАЯ ГРУППА ПОД РУКОВОДСТВОМ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА.

С позиции редакции это не столько благодеяние, сколько простая человеческая норма. Читатель выручал журнал в трудную для него минуту, сейчас — с помощью друзей — наша очередь.

РЕДАКЦИЯ С УДОВОЛЕТВОРЕНИЕМ ОТМЕЧАЕТ, ЧТО В КОПИЛКУ УЖЕ ВНЕСЕНЫ ПЕРВЫЕ ВЗНОСЫ ОТ ЕКАТЕРИНБУРЖЦЕВ. ПО ПЯТЬ ТЫСЯЧ КАЖДАЯ ВНЕСЛИ «ТВОРЧЕСКАЯ МАСТЕРСКАЯ КВН УПИ», АССОЦИАЦИЯ УРАЛЬСКИХ ИЗДАТЕЛЕЙ, ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ФИРМА «КОНВЕР», АССОЦИАЦИЯ «АЭЛИТА» ПРИ ЖУРНАЛЕ «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ». КТО СЛЕДУЮЩИЙ БУДЕТ НАЗВАН В ЖУРНАЛЕ? СПЕШИТЕ ДЕЛАТЬ ДОБРО!

Наш расчетный счет 161802/700710, МФО 253006, код 871400, Средуралбанк, ОперО ОблГосбанка г. Екатеринбурга. В платежном поручении укажите: «На благотворительные цели».

Станислав МЕШАВКИН,
главный редактор журнала

По многочисленным просьбам наших читателей ПОДПИСКА на первый том «Библиотеки фантастики «Уральского следопыта» (книга бр. Стругацких) ПРОДЛЕНА до 1 июля 1992 г. Перечислите почтовым переводом 20 рублей (за один экземпляр) по адресу: г. Екатеринбург, Средуралбанк, ОперО ОблГосбанка, р/с 161802/700710, МФО 253006, код 871400, с пометкой: «Библиотека фантастики». На почтовой открытке (или в письме) укажите Ваш точный почтовый адрес, сумму и дату перевода, номер квитанции перевода, количество заказанных экземпляров книги. Открытку отправьте по адресу: 620219, г. Екатеринбург, ГСП-353, ул. Декабристов, 67, «Уральский следопыт», «Библиотека фантастики».

уральский 4
СЛЕДОПЫТ 1992

Всеволод
КОЛОСНИЦЫН

ПАСХА

Пасха — день Воскресения Христова — главнейший из христианских праздников. В этот день, согласно всем евангелистам, Иисус Христос восстал из мертвых, и это явилось залогом возможного воскресения каждого человека. Апостол Павел писал в Послании к римлянам: «...Как Христос воскрес из мертвых славою Отца, так и нам ходить в обновленной жизни. Ибо если мы соединены с Ним подобием смерти Его, то должны быть соединены и подобием воскресения». Вот почему это самый радостный праздник, дарующий людям надежду, укрепляющий веру, утверждающий любовь как закон жизни.

Пасха каждый год празднуется в разные дни. Поскольку точная дата воскресения и смерти Христа неизвестна, она соотносится с иудейской пасхой, в первый день которой (14 нисана) Иисус был распят, а в третий воскрес. У евреев бытовал лунный календарь, не совпадающий с солнечным. Нисан был месяцем весенним, он приходился на период наших марта-апреля. 14 нисана — день смерти, как и 16 — день Воскресения вычисляются по особым таблицам, впрочем, эти дни расчислены на десятилетия вперед. Нынче пасха празднуется 26 апреля.

Еврейская пасха была установлена Моисеем по указанию Господа как праздник освобождения евреев из египетского плена. В день пасхи принято приносить в жертву Богу пасхального агнца, который в христианстве стал сим-

волом распятого Христа. Но Христос — не просто Сын Человеческий, но и Сын Божий, единосущный Своему Отцу. Его смерть на кресте была искуплением грехопадения Адама и Евы, первородного греха человеческого, который заключался в том, что человек, созданный безгрешным, впустил в свою душу зло и предался ему. Крестные муки Спасителя искупили зло и открыли человечеству путь к духовному самоусовершенствованию, к восстановлению утраченного подобия Божия.

Христианская история знает немало пророков, которые были подвергнуты страшным мукам и приняли жестокую смерть. Но крестный подвиг Христа отличен тем, что Он сознательно идет на позорную смерть, на муки; Он вочеловечивается, чтобы разделить участь страдающего человека, испытать его страдания и боль.

Уже по пути в Иерусалим на празднование пасхи Иисус говорит своим ученикам о грядущей и неизбежной своей смерти. А ученики не понимают. Привыкнув к языку притч, они и эти его слова воспринимают как иносказание. И только Петр в ужасе сознает, какая участь ожидает его Учителя. «...Отозвав Его, Петр начал прекословить Ему: будь милостив к себе, Господи! да не будет этого с Тобою! Он же обратившись сказал Петру: отойди от Меня, Сатана! ты мне соблазн, потому что думаешь не о том, что Божие, но что человеческое». Так мог сказать человек, который боится собственных колебаний, которому страх мучений и смерти может помешать исполнить великую миссию и казнью на кресте доказать истинность своей главной идеи — любви к ближнему. Христос здесь — воистину Сын Человеческий, и ничто, кроме греха, ему не чуждо. «Он во всем подобен нам по человечеству», значит, и страх смерти Иисусу приходится преодолевать, как и всякому живому человеку.

Верность слова и дела, учения и деяний — вот то свойство Христа, которое отличает Его от многих известных истории учителей, наставников и вождей человечества. Смертью своей доказав силу любви к человечеству, Иисус даже для неверующих становится идеалом искренности, духовной возвышенности и чистоты.

Пасхе, как известно, предшествует Великий пост, смысл которого — в духовном очищении, в приуготовлении себя к Светлому Христову Воскресению. Так и сам Христос сорокадневным постом готовил себя к выполнению великой миссии. А затем идет Страстная неделя — неделя страстей, т. е. страданий Господних.

В последнее воскресенье перед Пасхой христиане отмечают Вход Господень в Иерусалим. Это один из двунадесятых праздников, иначе называемый Вербным воскресеньем. В этом году он отмечается 19 апреля. Вербы, веточки которых срывают и ставят в воду в этот день, заменяют или символизируют пальмовые ветви: ими приветствовали Христа, въезжающего в Иерусалим на осле, жители священного города. Они кричали ему: «Осанна (спасение) Сыну Давидову».

Для нас Вербное воскресенье — день ожидания весны, тепла, радости, но и предчувствие тяжелых испытаний, которые выпали на долю Иисуса.

Крики христианства спрашивали: откуда у Христа осел? Почему, всегда передвигаясь пешком, в этот день он попросил привести Ему молодого осла? Ответ прост: Христос хотел, чтобы в Нем увидели предсказанного мессию, который, по пророчеству Захарии, должен въехать в Иерусалим на осле. Не на коне, как воитель, а на тихом и скромном животном.

Все дни, предшествующие страшной пятнице, Христос проповедует, разоблачает лицемерие фарисеев, которых называет очень резко «порождениями ехиднинными», ибо их демонстрация преданности закону Моисееву не подкрепляется делами и истинной любовью к человеку. Эта проповедь, бросающая в толпу великую истину, еще более озлобляет врагов Иисуса.

Страстной, Великий четверг. В этот вечер Христос последний раз говорит со своими учениками. Здесь, в доме на окраине Иерусалима, Он вводит таинство причащения. И здесь, как бы торопясь сказать самое главное, Он еще

раз провозглашает заповедь любви. «Заповедь новую даю вам, да любите друг друга; как Я возлюбил вас, так и вы да любите друг друга». В антирелигиозной пропаганде мы противопоставляли заповедь любви к Богу заповеди любви к человеку, а ведь это единая любовь: любя человека, мы любим в нем образ Божий и верим в возможность восстановления богоподобия; любя Бога, мы обрзаемы творить добро людям, потому что любовь не в словах, какими бы пышными они ни были, а в делах любви и милосердия. Считается, что религия унижает человека, называя его рабом божьим! Христос же в последней перед казнью беседе сказал: «Вы друзья Мои, если исполняете то, что Я заповедую вам. Я уже не называю вас рабами, ибо раб не знает, что делает господин его; но Я назвал вас друзьями, потому что сказал вам все, что слышал от Отца Моего».

Затем Иисус выходит в Гефсиманский сад, чтобы помолиться Богу. И здесь Его охватывает страх. «Душа Моя скорбит смертельно... И отошел немного, пал на лице Свое, молился и говорил: Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия, впрочем, не как Я хочу, но как Ты». «И находясь в борении, прилежнее молился, и был пот Его, как капли крови, падающие на землю». Но любовь, которая требует «положить душу свою за друзей своих», помогла преодолеть страх.

Здесь, в Гефсиманию, и приводит воинов предатель Иуда и указывает на Иисуса своим подлым лицемерным поцелуем.

Наступает пятница. Суд синедриона. Здесь собрался те, кто давно и страстно ненавидит Христа, те, кто задумал Его погубить. Ни о каком объективном рассмотрении дела и речи быть не может. Они ищут только предлог для предания Христа смерти. Ах, ты Царь Иудейский? Значит, ты не только самозванец, но и враг римских властей, самого великого кесаря! И никто не хочет и не может понять, что царство Его не от мира сего, ибо подлинная духовность давно утрачена членами синедриона и самим первосвященником.

В атеистической литературе мы отрицаем историчность Христа, ссылаясь на противоречия евангельских рассказов. Противоречия есть, и они следствие естественных ошибок человеческой памяти. Но можно ли было тогда, в первом веке новой эры, за 1900 лет до рождения социальной психологии, понять изменчивость толпы, которая всего лишь пять дней назад кричала: «Осанна», а теперь орет: «Распни Его!» Подлинная драма Христа — в том чудовищном непонимании Его миссии, которое было свойственно даже Его ученикам. От Него ждали земного царства, проявления земного могущества. Вот Он уже распят. Проходящие злословили Его, кивая головами своими и говоря: «э, разрушающий храм и в три дня созидающий! Спаси Себя Самого и сойди с креста».

А в самом деле: почему бы Христу не совершить чуда и не сойти с креста публично? Ведь уверовали бы! Но надолго ли? Такое чудо, как справедливо пишет А. Мень в книге «Сын Человеческий», было бы духовным насилием над мыслью и чувством человеческими, принуждением к вере и проявлением все того же ожидаемого земного могущества. Но царство духа утверждается только собственными усилиями человека, его духовным трудом. Путь указан — иди! Сила любви, ради которой Христос душу свою положил, доказана — найди в себе силы любить! Вот к чему звало самопожертвование Иисуса, Сына Человеческого.

Поздно вечером в ту же пятницу тайный последователь Иисуса Иосиф Аримафейский, испросив разрешение Пилата, снял тело Учителя с креста и предал его погребению в пещере. «Свершилось!» — были последние слова Христа. Что свершилось? Смерть? Да, но и великий подвиг спасения человечества, за которым последовало воскресение.

Сейчас есть попытки естественнонаучного объяснения воскресения Христа. Говорят, например, об опыте йоги,

который он будто бы приобрел во время пребывания в Тибете, и об анабиозе, в котором он, якобы, пребывал, не будучи мертвым... Надо ли искать такие объяснения? Ведь они снижают подвиг Христа, делают его просто благочестивым обманом. А. Мень пишет: «Много непостижимо хранят анналы истории, но можно смело сказать, что самое невероятное в ней — жизнь Иисуса Назарянина и тайна, которой Его жизнь увенчалась. Справедливо считают, что эта тайна выходит за пределы, доступные человеческому знанию. Однако есть и осязаемые факты, находящиеся в поле зрения историка... Самое раннее и непосредственное свидетельство об этом событии принадлежит человеку, в жизни которого встреча с Иисусом произвела полный переворот. Встреча же произошла спустя пять-шесть лет после Голгофы. Этот человек — Савл Тарсийский, впоследствии Павел — писал христианам Коринфа: «Я передал вам, во-первых, то, что и принял; что Христос умер за грехи наши, по Писаниям, и что Он погребен, и что Он воздвигнут в третий день, по Писаниям, и что Он явился Кифе, потом — Двенадцати, затем свыше чем пятистам братьям одновременно, из которых большая часть донныне в живых, а некоторые почили; затем явился Иакову, потом всем апостолам, а после всех явился и мне, словно недонскому. Ибо я — наименьший из апостолов, я, который недостойн называться апостолом, ибо гнал Церковь Божию».

Конечно, чтобы верить этим свидетельствам, надо быть верующим во Христа как Бога. Но думается, что и для неверующих Христос обладает истинным бессмертием, ибо жива Его мысль, живо христианство, живет в людях чувство любви — несмотря на трудности нашей жизни, всеобщее раздражение и погоню за хлебом насущным.

Пасха — праздник, который начинается глубокой скорбью и разрешается великой радостью. В пятницу Литургии не служат. После полудня в храмах совершается вечерня, и в конце ее выносятся плащаница — изображение лежащего во гробе Христа. Молящиеся с благоговением прикладываются к изображению. Поздно вечером или ночью совершается утренняя. После чтения погребальных стихов плащаницу несут вокруг храма, совершая трагический крестный ход. А в воскресенье торжественный звон раздается со всех колоколен. Люди стекаются в храмы, приносятся туда для освящения куличи, творожные пасхи с буквами ХВ (Христос воскрес), крашенные яйца — память о древних культах жертвоприношения. Служба начинается в ночь с субботы на воскресенье с пения «Воскресение Твое, Христе Боже...» Открываются Царские врата, выносятся хоругви, и крестный ход идет через храм. Процессия обходит вокруг церкви и останавливается в дверях. Звучит пасхальный тропарь: «Христос воскрес из мертвых, смертию смерть поправ и сущим во гробах живот даровав. — Христос воскрес! — Воистину воскрес!» Храм залит светом. Смерть повержена, торжествует жизнь и добро. Всеобщая радость объединяет людей, собравшихся в храме. Происходит то, что Аристотель назвал катарсисом, — духовное очищение, торжество радости над скорбью. Эмоциональное воздействие пасхального богослужения так велико, что светлые, радостные чувства долго еще остаются в душе человека.

В народе Пасха слилась с весенним древнеславянским праздником плодородия. Начинается весна, пробуждаются к жизни творческие силы природы, но весеннее тепло еще борется с холодом и мраком зимы. И люди стремились помочь победе весны разнообразными обрядами. Крашенные кровью (теперь чем угодно) яйца приносились в жертву духам, чтобы задобрить их. Светом разгоняли тьму. Громкими и звонкими звуками отгоняли злых духов. Обильные еда и питье должны были дать силы земледельцу, которому предстоял нелегкий труд весенней пахоты и сева.

В течение веков, прошедших с крещения Руси, воскресение природы слилось в сознании людей с Воскресением Христа, и возник единый праздник торжества сил жизни — поистине «праздник праздников».

Давнему и верному другу нашего журнала — Венедикту Тимофеевичу Станцеву — в апреле исполняется 70 лет. От души поздравляя поэта-фронтовика с юбилеем, коллектив «Уральского следопыта» желает ему неиссякаемой бойцовой бодрости и новых творческих дерзаний.

Венедикт
СТАНЦЕВ

ВСТРЕВОЖЕННО БЬЕТСЯ МОЙ ПУЛЬС...

КРАТКИЙ КУРС

В юные годы твердили мне, —
восторженно бился мой пульс:
«Если ты хочешь блага стране,
живи, как велит Краткий курс»...

Канули годы... Я дедом стал.
Теперь мне твердят со смешком:
«Ты, солдат, не за то воевал
и писал стихи не о том,
и грудью ты вставал не за тех,
и сытым твой не был калач,
и был сквозь слезы
твой бодрый смех,
и сквозь смех был
твой скорбный плач,
и поклонялся ты в простоте
молитве и правде не той»...

Жизнь, прости: пел я гимны не те,
сбитый с толку пустой мечтой...

Где же те блага? Одни слова!
Встревоженно бьется мой пульс...
Скрежещут мозги, как жернова,
размалывая Краткий курс...

АТАКА

В подсумках — роковая пустота,
Сомнения нет:
дойдет до рукопашной...
И вот пошли — ни ямки, ни куста —
моряки опустошенной пашней.

Картинно шли — с «Варягом»,
забыв, что здесь не палуба,
в полный рост,
а суша...

Пехота в крик:
куда же ты, матрос —
любит пуля удалые души..

И все почти, кто кинулся в штыки,
ушли в могилу, тесную, как кубрик.
И лежат по-братски моряки
изо всех 16-ти республик.

БЕДА

Пересохли губы у полей:
с ледохода не было дождей.
В пояснице надломилась рожь:
тучи, тучи, принесите дождь...
Встали тучи, тихие, как зной,
чуть, всплакнули над бедой земной.
Упали капли на морщины нив,
от пыли белой чуть лицо омыв...
Обреченные стоят поля,
о дожде Всевышнего моля.

ПОЛМОСТА

Убить человека не просто,
если даже — приказ.
У немцев в руках полмоста,
и, ясно, чуть меньше у нас.

От ухарства — шаг до погоста...
Надо прямо сказать:
они боялись сдать полмоста,
а мы, естественно, взять.

Атака не любит осечки,
но не о том сейчас...
У них кровь стекала в речку
и, само собою, у нас.

Убить человека не просто,
если даже — война...
Кровь, двумя струйками, с моста —
мирно смешивала волна.

* * *

...Они вошли, когда совсем стемнело,
и каждый был при желтой кобуре.
Отец привстал: «Ко мне какое
дело?»
Стенала трубно вьюга на дворе.

Один с бумагой: «Собираться
треба...»
На ней — печати красное пятно.
Другой добавил: «Прихвати-ка
хлеба...»
Но хлеба в доме не было давно.

Рабочий ватник подпоясав туго,
отец ушел с поникшей головой...
Ах, как стенала за порогом вьюга:
брал эстафету год 38-й...

Был приговор поистине чекистским —
шел по стране тотальный беспредел:
Отца сослали с правом переписки,
да вот беда — писать он не умел.

СТРИЖИ

Посмотри, какие виражи
выкомаривают стрижи!
Они мчатся по своим законам,
проносясь, как пули, над балконом.
Были только что у самой тучи,
раз моргнул —
уже над дальней кручей,
были только что под самым солнцем,
миг один — и под моим оконцем,
а потом за город с разворота...
Ах, стрижи!
Вы гении полета!

* * *

Опять поэт
с душой своей в разладе.
Влюбиться бы... Но это так старо.
Без рифм скучают белые тетради
и сохнет от безделия перо.

Не пишется...
А что тут удивляться!
Господь давно устроил наперед:
когда поэт перестает влюбляться,
он и поэтом быть перестает.

ЭЛЕГИИ

1
Когда-то годы нас поставят
на колени.
Ах, годы!.. Прошлые, конечно, жаль,
но это — в высь идущие ступени,
чем больше их, тем шире даль.

Но сколько бы, друзья,
не раздвигались шири,
пойдем мы, став на крайнюю
ступень:
как хорошо побыть в подлунном
мире
еще бы день, еще хоть день.

2
Редует наш, когда-то тесный строй,
и скоро на меня он сиротливей
будет...

Я вас прошу, пока еще живой,
пока со мной цветы и люди:
когда мой гроб опустят на ремнях,
я не смогу сказать ни слова,
ни полслова,
пусть кто-нибудь прошепчет за меня:
«Прощай, земля,
и здравствуй снова!»..

3

Я видел смерть и смерти не боюсь,
но все ж хотел бы умереть во сне:
пускай останется уверенность
во мне,
что я посплю немного и проснусь...

Рассказывают заведующие отделами Федерации космонавтики А. П. Колядин и А. П. Помозов:

— Будущее любого государства связано с образованием молодежи, а аэрокосмическое образование — одно из перспективных направлений. Федерация, ее секция аэрокосмического образования молодежи под руководством Б. Н. Чугунова поддерживает 65 клубов юных летчиков-космонавтов: в Самаре (руководитель С. В. Бойцов, получивший звание Героя за воздушные сражения в Корею), Ярославле (курирует летчик-космонавт В. В. Терешкова), Махачкале, Оренбурге, Ейске, Краснодаре, Саратове, более 300 школьных музеев космонавтики в Нижнем Тагиле, Кишиневе и других городах и селах. Работает Малая космическая академия в Ивантеевке, традицией стали Малые Королевские чтения для школьников. Совместно с ВАКО «Союз» и молодежными астронавтическими организациями США проведен школьный конкурс «Вместе к Марсу», готовится международная встреча в Москве юных космонавтов, молодых ученых и специалистов, работающих в сфере мирного освоения космоса, передвижная выставка «Использование достижений космической науки и техники в отраслях народного хозяйства», рассматриваются возможности использования космодрома Плесецк в аэрокосмическом образовании молодежи...

Отчет ФК занял бы целую брошюру, а ее планы — еще одну. Надеюсь, после очередного съезда Федерации такие брошюры появятся для массового читателя — это тоже часть аэрокосмического образования, — вот только точит горькая мысль: а суждено ли этим планам сбыться? Найдутся ли спонсоры (или, по-русски говоря, спонсерники)? Их было немало: Минсредмаш, ВЛКСМ, ДОСААФ... где они теперь... Найдутся ли новые богатые структуры, готовые задуматься о будущем, а не о сиюминутном нахапе? Да, посеявший ветер — бурю пожнет, мы в этом уже убедились. А не посеявший зерно — останется голодным. Нам в этом обязательно придется убедиться?

Такие же проблемы у Всесоюзного* молодежного аэрокосмического общества (ВАКО) «Союз». Рожденный ВЛКСМ, «Союз» остался без родителя еще до того, как тот изволил скончаться: С ноября 1988 года сирота, благодаря энтузиазму — не учредителей, большинство которых почило в бозе вместе с СССР, — а рядовых исполнителей, вдохновленных одной лишь возможностью выступить наконец под единым флагом, — успел создать около полутысячи «первичек», специализированные аэрокосмические школы и лицеи в Москве, Харькове, Самаре, Красноярске, Днепрпетровске, провести девять международных аэрокосмических лагерей, связав свои программы с аналогичными молодежными обществами США, Японии, Южной Кореи, Китая, Великобритании, учредить 100 стипендий для школьников и студентов... стоп! Сохранились ли эти стипендии сегодня? Отчеты и планы ВАКО — еще одно собрание сочинений. Что сделано — то сделано, а перспективы... Не останутся ли они такой же ненаучной фантастикой, как пятилетние «Основные направления»?..

— В связи с коммерциализацией всех сторон жизни, — говорит исполнительный директор ВАКО А. С. Калмыков, — могут потеряться юные таланты — будущие Циолковские, Цандеры, Королевы. Мозги рублями не измерить — если из тысячи, ста тысяч ребят, с которыми мы занимаемся, вырастет хоть один Корольев, считайте, окупилась все вложенные в ВАКО миллионы.

1992 год Организацией Объединенных Наций объявлен Годом Космоса. Станет ли он для России горькой насмешкой — или еще одной ступенью из колыбели?..

* Названия, должности, фамилии — из 1991 года.

Сергей КАЗАНЦЕВ,
член Федерации космонавтики

ШАГНИ ИЗ КОЛЫБЕЛИ

ОРГАНИЗАЦИЕЙ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ 1992 ГОД ОБЪЯВЛЕН ГОДОМ КОСМОСА.

А кому у нас он нынче нужен, этот космос?! Деньги, что ли, некуда девать?! Да хлеба-то... прости Господи!.. Такое мнение, похоже, сегодня становится массовым, а вчера высказывалось, пусть не так захлебываясь голодной слюной, лишь на съездах народных депутатов.

И мне сегодня страшно неудобно предлагать стремительно нищающим народам — не останавливать развитие космонавтики, не давить ребенка в колыбели, более того, уже сейчас пошивать ему штанишки и ботиночки, ведь скоро он научится ходить, а там, глядишь, запросит и велосипед...

Мне также неудобно повторять банальные истины: что наука и техника не могут стоять на месте, что мы и так уже отстаем... Что отставание это будет тем больше, ведь Соединенные Штаты Америки на 25 % увеличивают свой космический бюджет и, побывав на Луне, к 2019 году собираются высадиться на Марсе («До празднования 50-й годовщины посадки «Аполло» на Луне, — заявил президент Буш, — американский флаг должен быть установлен на Марсе»). Мне неудобно, да и не хочется повторять это взрослым политикам, которые не могут поделить космодром Байконур и готовы утопить в океане уникальную орбитальную станцию «Мир». Не к ним обращаюсь я — а к их и нашим детям. У вас хотят отнять ваш Космос — не отдавайте!

Кто поможет вам?

Есть такая организация — Федерация космонавтики. Многие думают, что ее составляют только те, кто побывал на околоземной орбите. Между тем, не каждый космонавт — член Федерации. В ней более двадцати секций и советов: печати и лекций, истории и научных чтений, прогнозирования, природных ресурсов Земли, медико-биологических проблем, школьных музеев, научно-технического и художественного творчества молодежи... Здесь работают, в основном с молодежью, ветераны ракетно-космической техники, контрольно-измерительных комплексов, Байконура — А. Г. Захаров, В. В. Савинский, Г. Д. Дуров, В. А. Покровский, И. А. Меркулов (к сожалению, умерший в 1991 году, гирдовец, конструировавший ракеты с С. П. Королевым еще в бериевской «шарашке»). Запомните эти фамилии, долгое время скрытые от печати... Возглавляют Федерацию летчик-космонавт Н. Н. Рукавишников, участник программы «Союз-Аполло», и И. Г. Борисенко, спортивный комиссар ФАИ, регистрировавший рекорд Ю. А. Гагарина, бережно хранящий подаренный Королевым ключ от гагаринского старта.

КЛЮЧИ ОТ КВАРТИРЫ ГЕРЦЕНА

Владимир
ЛЮБИМОВ

Еще четверть века назад вопрос о вятских пристанищах А. И. Герцена вызвал бы бодрый ответ: ул. Герцена, 1. Старый каменный дом на перекрестке улиц Герцена и Большевиков, именовавшийся машковцевским, светил мраморной доской: «Здесь в 1835—1837 годах жил, находясь в ссылке, революционер-демократ А. И. Герцен».

Правда, дотошные исследователи могли бы пояснить, памятуя о вятских письмах изгнанника, что в Кирове-Вятке должны быть еще два дома, где он жил с апреля по декабрь 1837 года. Но это ведь такой малый срок, что стоило ли рушить мраморную легенду?

Начало ее развенчанию положил писатель-краевед Е. Д. Петряев, который, основываясь на мемуарах и архивных документах, дал следующие герценовские адреса: Московская улица, дом Леушиной (ныне здесь громада АТС) — май 1835 года — апрель 1836-го; «дом с колоннами» архитектора А. Л. Витберга (сейчас ул. Дрелевского, 41-б) — до апреля 1837 года; далее (времененно) дом «Машковцева»¹, квартира Эрна. Последний адрес («новая квартира») не установлен.

Эта версия держится уже добрый десяток лет. Давайте попытаемся отыскать герценовскую квартиру начала июня 1837 года, не отрицая пребывания писателя в домах Леушиной и Емакина-Евсюкова («дом с колоннами»).

Начнем с выдержки из письма Герцена к невесте (датируется восьмым июня 1837 года). «...Вот что прервало мое письмо: слышу пение, подхожу к окну, и из ворот против моего дома несут покойницу, жену бедного офицера (здесь и далее подчеркнуто мною — В. Л.). Холодно провожают гроб человек десять посторонних; отирая слезы, идет старик-муж; перед крышкой гроба какой-то юродивый с кривляньем, с сумасшедшим видом, — пронесли, и след простыл, но что-то мрачное осталось на душе; лучше те похороны, где нышность заглушает думы, лучше те, где плач и стенания — на живых обращается тогда внимание, а тут смерть во всей своей наготе. Спн же мирно, незнакома!».

Образная картина похорон убеждает, что эпизод не выдуман. Ищем в пыльных метрических книгах имя незнакомки. В Вятке было всего десять (невелик городок!) приходских храмов.

В начале июня (до восьмого числа) 1837 года в городе умерла лишь одна чиновница (офицерша) — прихожанка Предтеченской церкви, «жена неслужащего 14 класса Федора Андреева сына Касьянова Анна Ионина дочь». Скончалась от чахотки 7-го июня тридцати лет от роду.

Осталось только определить, где жили Касьяновы. И потом — через улицу — указать герценовский адрес. Версия с домом «Машковцева» уже отпадает: между ним и приходским храмом Касьяновых находились еще два со-

бора и церковь. Но сначала несколько слов о самой «незнакомке» и ее «старике-муже».

Анна Ионовна Касьянова — старшая дочь бухгалтера Вятской удельной экспедиции (конторы) Ионы Ивановича Антропова (рано овдовев, умер отставным титулярным советником в 1832 году) — родилась в Вятке 18 октября 1807 года. Крещена в Воскресенском соборе (ныне разрушен). В 1830 году вышла замуж за прапорщика Вятской инвалидной команды Федора Андреевича Касьянова 47 лет. Итак, Антроповы жили в Вятке уже в 1807 году. А в исповедных 1829 года у Анны указаны две сестры (одна на воспитании у чиновника Суворова) и два брата (оба служат) и неслужащий отец. Не исключено, что помощник Н. И. Лобачевского по возведению нового (взамен сгоревшего) здания Казанского университета, инспектор казенных училищ Василий Ионович Антропов был старшим братом нашей героини.

Федор Андреевич Касьянов — уроженец слободы Кукарки. Видимо, по жребию попал в солдаты. Участвовал во франко-прусско-русской войне. В печально знаменитом сражении при Фридрихе был дважды ранен и списан в инвалидную команду. Снова оказался на Вятке, уже прапорщиком. Тут и женился. Был смотрителем Вятского провиантского магазина.

Так где же жили Касьяновы в Вятке?

Список жителей 1845 года называет адрес: дом Варфоломея Лебедева. Ныне на этом месте (ул. Халтурина, 15) — дом-памятник, в котором родился художник Е. И. Чарушин. Увы, этот «ключ» к квартире Герцена не подходит. Ибо дом этот — прямо у алтаря Предтеченской церкви, и от домов напротив его отделяет бывшая Предтеченская площадь. При такой топографии герценовское описание похорон было бы явно иным.

Теряется ключик. Ведь отыскать место жительства любого квартиранта в Вятке 1830-х годов (при отсутствии списков жителей) — все равно что квартиру самого Герцена! Так стоило ли городить огород?

На сей раз стоило, так как в отличие от большинства мелких чиновников той поры, смотритель провиантского магазина (иначе «провиантского штаба комиссионер») был фигурой видной — в его ведении был казенный фураж, — и фамилия Касьянова запечатлена на многих документах. На одном из них, датированном 26 января 1839 года, с мим Касьяновым указано: «Квартирование имею в 1 части у мешанна Максима Швецова».

...Дома этого давно уже нет. На месте усадьбы Швецовых (позднее владельцами стали Аверины) — двухэтажный дом из белого кирпича (ул. Ленина, 66А) и хоккейная коробка. Напротив — 4-х этажное, 50-х годов, жилое здание с аптекой внизу, а слева от него, на углу улиц Ленина и Ст. Халтурина — еще один старый дом с мезонином.

Мысленно восстанавливая вид этого участка бывшей Вознесенской улицы, получим против усадьбы Максима Швецова именно этот дом с мезонином. Тогда он был не столь «широк» и принадлежал чиновнице Еськовой. Это лишь в квартале (в трехстах метрах) от Предтеченской церкви, и путь от швецовского дома к этому храму обязательно пролегал мимо дома с мезонином.

Вот и все. Назван еще один дом, где мог проживать А. И. Герцен и его знакомые Эрны (в том числе и Маша Эрн, в замужестве Рейхель).

Но почему мог, почему речь лишь о ключах, а не о самой квартире? Просто поиск не завершен, и герценовский адрес вычислен по документу, отдаленному от цитированного письма полтора годами. За это время Касьянов мог сменить жилище.

Но как бы там ни было, дом нуждается в нашем внимании и опеке. И не только ради Герцена. В доме Еськовой, когда хозяином его был уже чиновник Шубин (1902 г.), останавливался в квартире П. И. Стучки поэт Ян Райнис. И это уже не догадка, а доказанный факт. В конце концов, великие имена — это тоже лишь ключи (увы, только ключи!) к спасению старого города — нашей умирающей Вятки.

г. Киров

¹ Уже Е. Д. Петряев (со ссылкой на исследования архитектора-краеведа А. Г. Тинского) установил, что дом этот никогда не принадлежал Машковцевым.

Художник из «Шершня» и «Гнома»

**Евгения
ДЕМЧЕНКО,
Александр
СИДОРЕНКО**

Выходил в начале века в Киеве «Шершень» — юмористическо-сатирический еженедельник с карикатурами на общественно-политические темы — по образцу столичных журналов. Его издателем был дворянин Владимир Иустиневич Лозинский, отставной коллежский асессор корпуса лесничих. Многие из тогдашней жизни попадали под острое жало «Шершня». Такие, например, появлялись в нем телеграммы и объявления: «Константинополь. Султан турецкий требует немедленно 100 000 черной сотни и 100 000 хулиганов. Отказано, так как еще у себя нужны». «Потеряны честь и стыд. Кто найдет, просят принести, городскому председателю. Адрес тот же, что и прежде». Время от времени слишком смелые карикатуры запрещались цензурой, поэтому три номера «Шершня» вышли сдвоенными.

С восемнадцатого номера редакция порвала отношения с денежными меценатами. «Шершень» становится убыточным: выручка от подписки и розничной продажи, часть гонорара, отчисляемого сотрудниками, не покрывали расходов. А журнал между тем был привлекателен: помещал большие цветные иллюстрации, печатался на хорошей бумаге. Цена же была небольшая — всего десять копеек. Чтобы могли купить и неимущие читатели.

Новая редакция объединила вокруг журнала лучшие украинские литературные и художественные силы. Печатались И. Франко и Леся Украинка, В. Самийленко и И. Нечуй-Левицкий, О. Маковей и Н. Кузьменко... Были и анонимные «шершни»: полтавские, киевские, миргородские... Иллюстрировали еженедельник художники Иван Бурячек, Афанасий Сластийон, Фотий Красицкий, Владимир Ризниченко, Михаил Яковлев.

Среди тех, чьи фамилии значились в объявлении о выходе журнала, был и В. Тихачек. Кто он? Что помещал в «Шершне»? Изучая историю журнала, мы предположили, что это — настоящая фамилия художника, который выступал под псевдонимом Валерий Брехачек. Судя по стиливой манере, ему принадлежат и несколько анонимных рисунков. Однако наше предположение требовало аргументов. Их мы не имели.

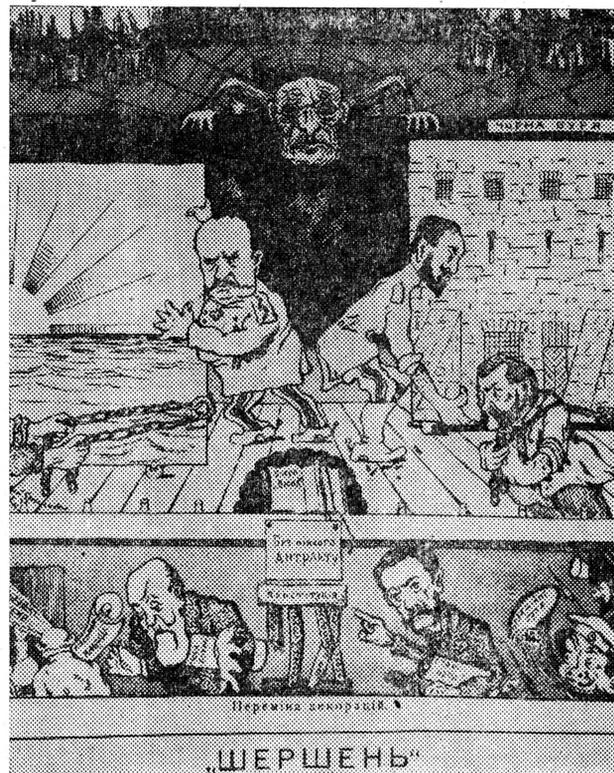
И вдруг в отделе книговедения Центральной научной библиотеки Академии наук УССР появилось миниатюрное издание под названием «Екатеринбург в лицах. Из альбома Маргариты Тихачек». (Свердловск, 1983). Составитель и автор текста Ю. М. Курочкин и издательство выражали благодарность за помощь в подготовке книги Елене Сергеевне Тихачек.

Возник вопрос: а нет ли родственных связей между художницей Маргаритой Тихачек и художником «Шершня» В. Тихачеком? Так началась наша переписка с племянницей Валерия Иосифовича Тихачека — ученого-лесоведа, талантливого художника-самоучки.

...В роду Тихачеков искусство было и профессией, и призванием. Дед Валерия — Ян (обрусев, стал Иваном Ивановичем) — чешский маэстро, приехавший на Урал из Праги, чтобы создать свой оркестр, но осевший здесь навсегда. Отец Валерия — Иосиф Иванович — также стал музыкантом, дирижировал оркестром оперного театра в Екатеринбурге, сам играл в театральном и клубном оркестрах, учил музыке других. Мать — Татьяна Михайловна — талантливая художница, писала маслом и акварелью; выжигала на дереве, вышивала.

Семья жила театром, музыкой, живописью. На вечера к Тихачекам собирались не только местные меломаны, театралы, художники, но и приезжие. Поэтому, едва Валерию исполнилось восемнадцать (к тому времени он окончил Алексеевское реальное училище в Екатеринбурге), родители посоветовали продолжить учебу в Московской консерватории. Экзамены сдал блестяще, но вскоре вернулся домой и заявил: судьба профессионального музыканта не для него, хотя играть он будет всегда. Юношу влекла природа, и он хотел учиться только на лесоведа.

Так В. Тихачек попал в Новую Александрию (сейчас это город Пулавы на территории Польши), в институт сельского хозяйства и лесоводства. Здесь он познакомился с девушкой, которую горячо полюбил. Окончив учебу, гостил у нее в Киеве. Имя и фамилия этой художницы скрыты историей. Но с уверенностью можем утверждать, что именно она свела начинающего графика-любителя с представителями передовой украинской интеллигенции, которые в то время намеревались издавать сатирический еженедельник «наподобие новых столичных журналов».

Валерий входит в организационный комитет «Шершня». Одна за другой появляются карикатуры Тихачека. В первом номере — «Пихнограф», во втором — «Перемена декораций», «Типы хулиганов», в пятом — «Судьба русской конституции»... Мы насчитали в «Шершне» семь его рисунков. В этом сатирическом журнале он впервые заявил о себе как искусный карикатурист.

Злободневными были рисунки и других художников «Шершня». Именно острая сатира графических материалов служила причиной цензурных изъятий, а следовательно — и выхода сдвоенных номеров журнала (№№ 16—17, 22—23, 25—26). За полгода существования (первый номер вышел 6 января 1906 г., последний — 14 июля) удалось выпустить в свет двадцать шесть номеров. Официального запрещения не было, но постоянные преследования авторов и издателей сломили волю редакции. Издание «Шершня» прекратилось.

Итак, до недавнего времени авторство шести рисунков оставалось неизвестным. Под одной из карикатур («Перемена декораций») стоит подпись — «Валерий Брехачек». Путем сравнения удалось определить, что часть анонимных карикатур объединяет одинаковая стилевая манера: своеобразно нарисованные босые ноги и руки, изогнутые волосы на голове, крючковатые носы, выпуклые глаза с черными зрачками... Автору свойственен и прием штриховки предмета параллельно контуру. Эти наблюдения и дали основание утверждать, что автором семи рисунков «Шершня» был один и тот же художник. А именно — Валерий Тихачек. Сведения, полученные нами от его племянницы — Елены Сергеевны Тихачек, — убедили нас в правильности предположений.

Демократические традиции украинского «Шершня» В. И. Тихачек перенес в русский общественно-сатирический журнал «Гном», появившийся в разгар революционных событий в Екатеринбургe. Администрация нередко штрафо-

вала журнал, заключала в тюремную камеру редактора, изымала готовые тиражи, а в середине 1907 года и вообще запретила издание. Для «Гнома» Валерий вместе с сестрой Маргаритой рисовал карикатуры, которые подписывались псевдонимом — «Т-во Брехачек». Когда журнал преследовали, многие художники отказывались от сотрудничества с ним. Тихачеки же продолжали рисовать для «Гнома», только придумали другой псевдоним: палитра, над которой возвышается два гриба, т. е. две буквы «Т» — «Два Тихачека».

Остроумные рисунки Валерия Иосифовича появлялись и в последующее время. Но сполна он отдавал себя служению своей главной профессии — лесоводству. С 1917 года занимался лесным хозяйством горнозаводских дач, когда находился на должности инженера в тресте «Свердлес». С 1920 по 1923 год работал лесничим в Саратове, а с 1923 — опять возвратился на Урал и стал начальником лесного отдела облсовнархоза. С началом войны (Валерию Иосифовичу тогда было уже за шестьдесят) его перевели в Уральское военно-строительное управление на должность главного инженера, со временем стал главным инженером лесного хозяйства Уральского военного округа, где трудился до конца жизни. Умер он 24 апреля 1947 года.

...В одном из домов на юго-восточной окраине Екатеринбурга расположена квартира, где хранятся много редчайших вещей: здесь письма, документы, газетно-журнальные вырезки, афиши, рисунки и фотографии. Есть карикатуры Валерия Иосифовича и его сестры Маргариты. Сохранились рисунки любимой украинской девушки В. Тихачека. Как семейные реликвии хранит все это Елена Сергеевна Тихачек, врач, кандидат медицинских наук. Часть материала из ее архива выставлена в краеведческом музее, а то, что не попало в экспозицию, с удовольствием предоставляется краеведам.

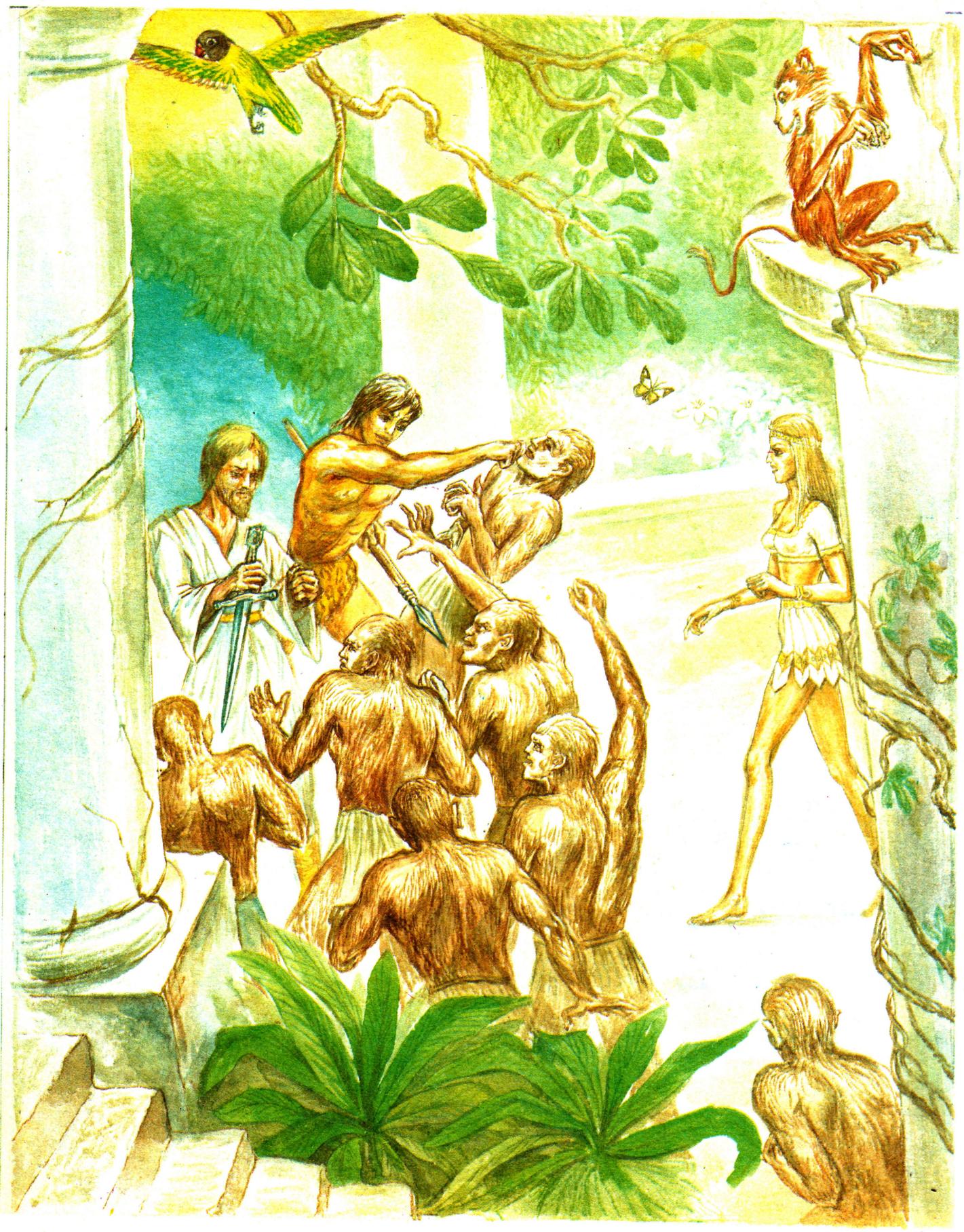
г. Киев

ЭДГАР БЕРРОУЗ

**ТАРЗАН
И СОКРОВИЩА
ОПАРА**

I Бельгиец и араб

Только доброе имя предков, которое он покрыл несмываемым позором, спасло лейтенанта Альберта Верпера от разжалования. Покровителю удалось добиться для него назначения в один из отдаленных военных постов Конго, и поэтому он избавился от тяжелой необходимости предстать перед военным судом. Альберт Верпер знал, что суд наверняка приговорил бы его к расстрелу, и потому первое время был искренне доволен своей судьбой.

Но шесть месяцев тягучего однообразия и полнейшей оторванности от внешнего мира изменили его взгляд на вещи и отношение к окружающим.

Он тосковал по веселой, шумной жизни Брюсселя, этой оживленной столицы. В душе его зарождалась глухая ненависть к людям, которым он еще так недавно был признателен за избавление от унижения и позора.

Чувствуя свое бессилие по отношению к сославшим его властям, он мало-помалу перенес всю накопившуюся злобу на их представителя в Конго — своего непосредственного начальника.

По вечерам Верпер и его начальник — холодный замкнутый человек — просиживали часами на веранде их общей квартиры, молча выкуривая одну папиросу за другой. И по мере того как ненависть Верпера к капитану росла и превращалась в манию, он стал рассматривать природную молчаливость своего начальника как личное оскорбление. Ему казалось, что капитан презирает его за прошлое.

Однажды они сидели по обыкновению на веранде, и в молчании докуривали свои папиросы. Вдруг Верпер вскочил. Глаза его сузились и налились кровью, веки дрожали, пальцы судорожно сжимали рукоятку револьвера.

— Вы опять оскорбляете меня! — крикнул он, подбегая к капитану. — Это в последний раз! Я благородный офицер и не позволю всякому подлецу издеваться над собой!

Капитан с удивлением повернулся к нему. Ему уже приходилось видеть людей, одичавших в джунглях, обезумевших от одиночества, гнетущей тоски и изнуряющей лихорадки. Он встал и протянул руку, чтобы положить ее на плечо лейтенанта, успокоить, образумить его. Но Верперу показалось, что капитан хочет его схватить; дуло револьвера было на уровне сердца капитана, и не успел тот сказать хоть слово, как Верпер спустил курок.

Без крика, без стога упал человек на дощатый пол веранды...

Туман, заволакивавший сознание Верпера, внезапно рассеялся, и он увидел себя и свой поступок в настоящем свете. Возбужденные голоса донеслись до него из помещения солдат; в темноте кто-то бежал к веранде.

Сейчас они схватят его, убьют, а если и не убьют, то свяжут и отвезут вниз по Конго, где эта операция с наименьшим успехом будет произведена полномочным военнопольным судом.

Верпер не хотел умирать. Никогда прежде не испытывал он такой жажды жизни, как сейчас, когда и в самом деле лишил себя права жить.

Люди приближались. Что делать? В отчаянии он побежал через двор, все еще сжимая в руке револьвер. У ворот его задержал чернокожий часовой. Верпер не задумываясь пристрелил его. Схватив винтовку и патронташ убитого, он распахнул ворота и исчез во мраке джунглей.

Всю ночь Верпер бежал, углубляясь все дальше в чащу джунглей, пока не свалился, наконец, совершенно обессиленный. Голод и усталость так изнурили его, что он потерял сознание.

В таком состоянии и нашел его Ахмет-Зек.

Увидав заклятого врага — европейца, спутники Ахмета схватились за копья и хотели заколоть его, но Ахмет остановил их. Следовало сначала допросить человека и лишь потом убить.

Лейтенант Альберт Верпер был перенесен в палатку Ахмет-Зека, и несколько черных рабов стали приводить его в чувство. Они по каплям вливали ему в рот вино и жидкую пищу, и понемногу пленник очнулся. Открыв глаза, он увидел фигуру араба у входа в палатку. Араб, встретив взгляд пленника, вошел в палатку.

— Я — Ахмет-Зек. — объявил он. — Кто ты такой и что ты делал в моих владениях? Где твои солдаты?

— Ахмет-Зек!

Глаза Верпера широко раскрылись от удивления, а сердце сжалось от страха. Он был в руках самого отчаянного из разбойников, известного своей ненавистью к европейцам, и в особенности к тем, которые носили бельгийскую военную форму. Уже много лет военные силы бельгийского Конго безуспешно боролись с этим человеком и его приспешниками.

Теперь в самой ненависти этого человека к бельгийцам блеснул луч надежды для Верпера. Он сам был таким же бесправным и отверженным, как и разбойник, и Верпер решил воспользоваться этим.

— Я слышал о тебе, — отвечал он, — и искал тебя. Соотечественники отвернулись от меня. Я ненавижу их. Бельгийские солдаты рыщут по моим следам, чтобы убить меня. Я знаю, что ты защитишь меня от них, потому что ты тоже ненавидишь их. В благодарность я готов поступить к тебе на службу. Я — опытный солдат, я умею драться, и твои враги — мои враги.

Ахмет-Зек молча разглядывал европейца. Вероятнее всего, неверный лжет. Но возможно он говорит правду, а в таком случае его предложение достойно серьезного внимания. Опытный боец никогда не бывает лишним в отряде, тем более, если он обладает опытом и знанием военного дела.

— Ну что ж! — проговорил Ахмет-Зек. — Если даже ты и солгал, убить тебя я всегда успею. Какой награды ожидаешь ты за свои услуги, если не считать того, что я дарую тебе жизнь?

— О, мне нужно только, чтобы ты кормил и одевал меня первое время, — отвечал Верпер. — а там, если я заслужу большего, мы всегда сможем сторговаться.

Так лейтенант Альберт Верпер стал членом разбойничьей шайки знаменитого Ахмет-Зека. Вместе с дикими разбойниками-арабами дезертир-бельгиец теперь совершал дерзкие набеги на караваны и деревни туземцев и возвращался в стан с награбленной слоновой костью и толпами пленников, которых разбойники продавали в рабство. Он старался ни в чем не уступать своим новым товарищам и сражался с такой же яростью и жестокостью.

Ахмет-Зек с видимым удовольствием следил за успе-

хами своего нового воина и начинал проникаться к нему доверием.

У Ахмет-Зека была одна заветная мечта; он давно ее лелеял, но не мог найти случая осуществить ее. С помощью европейца задача решалась значительно легче, и Ахмет-Зек решил довериться бельгийцу.

— Слышал ты когда-нибудь о человеке, которого зовут Тарзаном? — спросил он как-то Верпера.

Верпер кивнул головой.

— Слышал, но никогда не встречался с ним.

— Если бы не он, мы вели бы наши дела спокойнее и с гораздо большей прибылью, — продолжал араб. — Много лет уже он преследует нас, изгоняет из самых богатых областей страны, восстанавливает и вооружает против нас туземцев. Он очень богат. Если бы удалось заставить его выплатить нам большое количество золота, мы были бы отомщены и вознаграждены за те потери, которые потерпели из-за него.

Верпер вынул из усаянного драгоценными камнями портсигара папиросу и закурил.

— А ты подумал о том, как заставить его заплатить? — спросил он.

— У него есть жена, — отвечал араб, — она, как говорят, очень красива. За нее можно будет и на севере получить хорошие деньги, если будет слишком трудно добиться выкупа у Тарзана.

Верпер опустил голову и задумался. Что будет, если он откажется участвовать в этом деле? Его жизнь в руках дикаря, который жизнь неверного ценит меньше, чем жизнь собаки. Верпер хотел жить, и какое дело было ему, в сущности, до этой женщины! Она, несомненно, была из европейского культурно организованного общества, а он был отверженным. Если он откажется принять участие в ее похищении, Ахмет-Зек убьет его. Нет, все-таки жизнь дороже всего.

— Не решаешься? — пробормотал Ахмет-Зек.

— Нет, я думал о том, насколько это выполнимо. Риск очень велик. Ты хорошо заплатишь мне за это, Ахмет-Зек!

Довольная улыбка пробежала по лицу разбойника.

— Вот это хорошо сказано, Верпер! — проговорил он и похлопал лейтенанта по плечу. — Ты заслуживаешь хорошего вознаграждения, и ты его получишь. Но прежде всего надо подумать, как привести наш план в исполнение.

Они уселись на мягком коврике под выдвинутыми шелками некогда великолепного шатра Ахмет-Зека и долго и таинственно шептались в темноте. Была уже поздняя ночь, когда Верпер вернулся в свою палатку.

На следующий день Верпер подверг самому строгому осмотру свой бельгийский мундир, тщательно удаляя с него все знаки отличия. Из своей богатой коллекции награбленных вещей Ахмет-Зек извлек небольшой шлем и европейское седло; и, экипированный таким образом, Верпер выехал в сопровождении нескольких черных рабов-сафари из стана разбойников.

II

На пути в Опар

Две недели спустя Джон Клейтон, лорд Грэйсток, возвращаясь домой после осмотра своих обширных африканских владений, заметил кучку людей, которые ехали по равнине между его домом и лесом.

Он остановил лошадь и стал следить за маленьким отрядом. Его зоркий глаз издали заметил сверкающий на солнце белый шлем всадника, ехавшего впереди. Полагая, что это странствующий охотник-европеец, который на-

правляется к его дому в надежде на гостеприимство, лорд Грэйсток натянул поводья и медленно поехал навстречу незнакомцу, а через полчаса гость и хозяин уже входили в дом, и лорд Грэйсток представил своей жене Жюлю Фреко.

— Мы заблудились! — объяснил Фреко. — Мой проводник никогда прежде не бывал в этой местности. Я счастлив, что встретился с вами. Не знаю, право, что бы мы стали делать, если бы не очутились случайно в ваших владениях.

Решено было, что Фреко и его люди останутся здесь на несколько дней, чтобы отдохнуть от тяжелого пути, а потом лорд Грэйсток даст им проводника.

Под личиной французского джентльмена, хорошо воспитанного, любезного и свободно располагающего своим временем, Верперу нетрудно было обмануть своих хозяев и расположить их к себе. Но чем дольше он оставался в доме, тем невозможнее казалось ему осуществление его планов.

Леди Грэйсток никогда не выезжала одна далеко от дома, и беззаветная преданность свирепых вазири, из которых, главным образом, состояло войско Тарзана, делала невозможной попытку как похищения леди Джен, так и подкупа самих вазири.

Прошла неделя, а Верпер, насколько он мог сам судить, был не ближе к своей цели, чем в день приезда. Помог случай. Утром рассыльный привез еженедельную почту, и лорд Грэйсток, запершись в кабинете, до обеда был занят корреспонденцией. За обедом он казался расстроенным и, очень рано распрощавшись, ушел к себе. Леди Грэйсток вскоре последовала за ним.

Верпер, сидя на веранде, слышал их голоса; они о чем-то серьезно совещались. Хитрый бельгиец сразу сообразил, что происходит что-то необычное. Спокойно поднявшись со стула и стараясь держаться в тени густо разросшегося вокруг дома кустарника, он подкрался к окну.

Уже первые услышанные им слова взволновали его. Говорила леди Грэйсток:

— Я всегда опасалась за кредитоспособность этого общества. Но мне кажется совершенно невероятным, что они обанкротились. Я полагаю, что там были какие-нибудь крупные злоупотребления.

— Это, вероятно, так и есть! — отвечал Тарзан. — Но, какова бы ни была причина краха, факт остается фактом. Я потерял решительно все, и мне ничего не остается делать, как вернуться в Опар за новыми богатствами.

— О, Джон! — воскликнула леди Грэйсток, и Верпер почувствовал, как дрожал ее голос. — Неужели нет другого выхода? Мне страшно подумать, что ты вернешься в этот ужасный город. Я готова прожить всю жизнь в бедности, только бы тебе не пришлось снова подвергаться таким опасностям.

— Ты напрасно беспокоишься! — смеясь, отвечал Тарзан. — Я достаточно благоразумен, чтобы быть осторожным, а кроме того, вазири пойдут со мною, а уж они-то не дадут меня в обиду.

— Они однажды уже убежали из Опара, оставив тебя на произвол судьбы! — осторожно напомнила леди Джен.

— Они не сделают этого вторично. Им и тогда было очень стыдно за себя, и они уже возвращались обратно в Опар, когда я их встретил.

— Можно найти другой выход! — настаивала жена.

— Я не вижу никакой другой возможности приобрести состояние. Я буду очень осторожен, Джен. Жители Опара не заметят, что я снова был у них в гостях и

лишил их еще одной части сокровища, о существовании которого они и не подозревают.

Решительность его тона очевидно убедила леди Грэйсток в том, что дальнейшие споры бесполезны, и она переменяла разговор. Верпер постоял еще некоторое время под окном, но, уверившись в том, что он узнал самое важное, и боясь быть замеченным, вернулся на веранду.

За завтраком Верпер объявил, что он думает уехать на днях, и попросил Тарзана разрешения поохотиться в его владениях на обратном пути из страны вазири. Бельгиец провел два дня в приготовлениях к отъезду и, наконец, действительно уехал в сопровождении всей своей свиты и одного проводника из племени вазири.

Не успели они пройти пять-шесть верст, как Верпер заявил, что он захворал и останется здесь до тех пор, пока не поправится. Он отпустил проводника вазири, сказав, что вызовет его, как только сможет продолжить путь, затем потребовал к себе в палатку одного из наиболее преданных Ахмет-Зеку черных и отдал приказание следить, когда Тарзан двинется в путь и в каком направлении он пойдет.

Бельгийцу недолго пришлось ждать. На следующий день разведчик возвратился с сообщением, что Тарзан с пятьюдесятью воинами на рассвете направился на юго-восток.

Написав длинное письмо Ахмет-Зеку, Верпер призвал к себе предводителя отряда и сказал ему:

— Пошли сейчас же гонца с этим письмом к Ахмет-Зеку. Сам же оставайся здесь и жди дальнейших распоряжений. Если сюда придут от англичанина, скажи, что я очень болен, лежу в палатке и не могу никого принять. А теперь дай мне человек шесть наиболее сильных и храбрых воинов, и я пушусь по следам англичанина.

И в то время как Тарзан, сняв с себя европейский костюм, покрыв свои бедра куском меха и вооружившись самым примитивным образом, вел своих верных вазири к мертвому городу Опару, бельгиец-дезертир неотступно следовал за ним.

Для Тарзана-обезьяны это путешествие было сплошным праздником. Вся его цивилизованность была только внешним покровом, который он был рад сбросить при первом удобном случае вместе со стеснявшим его европейским костюмом. Только любовь женщины удерживала его в рамках этой кажущейся культурности. Жизнь среди европейцев породила в нем презрение к цивилизации.

— Укажите же мне того толстого самодовольного труса, — говорил он, — который когда-нибудь создал прекрасный идеал. Все светлое и прекрасное в человеческом уме и сердце родилось под бряцание оружия, в борьбе за жизнь, в лапах нужды и голода, перед лицом смерти и опасности.

Его вазири были, в сущности, даже культурнее, чем он. Они варили мясо, прежде чем есть его, и от многих предметов, которые Тарзан почитал за лакомства, отвращались, как от нечистых. Но Тарзан недаром был вскормлен дикой обезьяной: он жаждал горячей крови свежеебитого зверя, его мускулы требовали битвы с могучими обитателями джунглей, чтобы снова испытать свою силу, которая в первые двадцать лет жизни давала ему право на существование.

III

Голос джунглей

Наступила ночь. Тарзан лежал в четырехугольной, сплетенной из колючих веток палатке, которая до некоторой степени защищала его и воинов от нападения диких

зверей. Возле палатки, у пылающего костра, стоял на страже один из воинов вазири.

Больше часа Тарзан метался на своем ложе из травы и не мог уснуть. Вздохи, кашель львов и рычание других обитателей джунглей звучали мощным призывом в ушах дикого английского лорда. Воспользовавшись тем, что часовой отвернулся, он встал и неслышно, как призрак, раздвинул стенки палатки. В темноте сверкнули желтые глаза. Тарзан вскочил на ближайшее дерево и взобрался на верхние тонкие, качающиеся ветви. Луна ярко освещала ему дорогу, легкий ветерок шелестел листвою, каждая хрупкая веточка, на которую он ступал, предательски гнулась.

Он остановился на минуту и поднял голову и руки к луне Горо. Крик обезьяны-самца готов был сорваться с его губ, но он удержал его, боясь всполошить своих вазири.

Теперь он двигался медленнее, осторожно крадучись по веткам. Тарзан-обезьяна выслеживал добычу. Он опустился на землю и очутился в непроглядной мгле джунглей. Свет луны не проникал сквозь густую листву. Время от времени он нагибался и ловил запах. На земле было много следов различных зверей; среди них он нашел свежий след оленя Бары. Рот Тарзана наполнился слюной, глухой рев вырвался из его груди. Исчезли последние следы искусственной сдержанности. Тарзан снова был первобытным охотником, первобытным человеком.

Тонкое обоняние Тарзана предупредило его о том, что олень близко. Он снова взобрался на дерево и, продолжая свой путь по нижним веткам, настиг Бару на залитой лунным светом поляне.

В правой руке человека-обезьяны был длинный охотничий нож, принадлежавший когда-то его отцу. На короткий миг он повис над ничем не подозревавшим Барой и вдруг бросился сверху прямо на гладкую спину животного. Под тяжестью человеческого тела олень упал на колени, и, прежде чем он успел подняться, острый нож вонзился ему в сердце. Тарзан вскочил на труп своей жертвы, чтобы ознаменовать свою победу криком торжества, но в эту самую минуту ветер донес до его ноздрей что-то такое, что заставило его насторожиться и удержаться победный крик. Он стал пристально вглядываться в ту сторону, откуда дул ветер, и через минуту высокая трава на противоположной стороне лужайки раздвинулась, и лев Нума величественно вступил на поляну. Дойдя до середины поляны, он остановился, его желто-зеленые глаза с завистью глядели на счастливого охотника. Нуме не везло в эту ночь. Глухой рев сорвался с губ человека-обезьяны. Нума ответил тем же, но не двинулся с места. Он тихонько помахивал хвостом и не сводил глаз с Тарзана, который преспокойно уселся на короточки на туше оленя и отрезал здоровенный кусок мяса от задней части убитого животного.

Этому льву никогда прежде не приходилось встречаться с Тарзаном-обезьяной, и он был сейчас в полнейшем недоумении. Перед ним было существо по виду и запаху похожее на человека (а Нума уже испробовал человеческого мяса и знал, что хотя оно и не самое приятное на вкус, но зато получить его гораздо легче, чем какое-либо другое), но в зверином реве этого существа было что-то, что напоминало Нуме огромных волосатых противников, и он стоял, не смея сдвинуться с места, в то время как голод и запах горячего мяса раздражали его до безумия.

Но соблазн был слишком велик, и Нума решился. Его хвост внезапно поднялся стоямя в воздухе, и в то же мгновение Тарзан, прекрасно знавший, что обозначает это

движение, схватил в зубы отрезанный им кусок мяса и вскочил на ближайшее дерево. Нума, кинувшийся вперед со скоростью экспресса, нашел пустое место там, где рассчитывал наткнуться на противника.

Поблизости росло множество деревьев с большими твердыми плодами. Тарзан с легкостью белки перескочил на одно из них и стал торопливо срывать тяжелые плоды и кидать ими в огромную кошку, которую эта неожиданная бомбардировка привела в ярость. Под градом снарядов Нума не мог приступить к трапезе; он только ожесточенно ревел и рычал, увертываясь, как мог, от ударов, и в конце концов с гневным ворчанием отошел от туши оленя. Но, дойдя до середины поляны, вдруг смолк. Его крупная голова опустилась и вытянулась, тело прикикло к земле, длинный хвост задрожал, и, крадучись, лев стал пробираться к деревьям на противоположную сторону поляны.

Тарзан тотчас же насторожился. Что могло привлечь внимание Нумы и заставить его забыть о своем поражении? Прикрепив оставшийся кусок мяса к сучковатой ветке, он обтер жирные ладони о свои голые бедра и по верхушкам деревьев пустился вслед за Нумой. Широкая, проторенная дорожка вела от поляны к лесу. Параллельно этой дорожке, прячась между стволами, крался Нума, а над ним, высоко в воздухе, словно призрак, двигался белый человек. Оба они одновременно увидели добычу Нумы. Впрочем, их тонкое обоняние уже раньше им сообщило, что это черный человек, а Тарзан, кроме того, почувствовал, что это старый мужчина, потому что и раса, и пол, и возраст имеют свой отличительный запах.

Это был сморщенный, высохший старикашка, весь изуродованный рубцами и татуировкой. Его плечи покрывала шкура гиены, высохшая голова животного покоилась на поседевшей макушке. По особым знакам на ухах Тарзан узнал в нем знахаря. Тарзан недолюбливал знахарей! Но в тот момент, когда Нума уже сделал прыжок, белый человек вдруг вспомнил, что месть сладка и что лев несколько минут тому назад похитил его добычу.

Прежде чем знахарь успел опомниться, он уже был в лапах Нумы. В это мгновение Тарзан спрыгнул с ветки, всей тяжестью упал на спину хищника и погрузил свой нож под левую лопатку. Обмотав длинную гриву вокруг правой руки, он вонзил зубы в шею льва и обвинил его туловище могучими ногами.

Нума взревел от боли и от ярости, поднялся на задние лапы и упал на спину. Тарзан обладал нечеловеческой силой; он ни на минуту не выпускал льва из своих железных объятий и без перерыва вонзал свой нож в его бок. Несчастный зверь катался по земле, кусая и парая воздух, рыча и корчась от невероятных усилий схватить страшное существо, сидевшее у него на спине. Тарзан сам был весь испарипан, избит и покрыт кровью Нумы и липкой грязью. Оплочай он хоть на миг, и карьера воспитанного джунглями английского лорда навсегда была бы окончена!

Знахарь лежал там, где его настиг лев. Весь разодранный, истекающий кровью, он не в силах был подняться и убежать, и волей-неволей должен был наблюдать за ожесточенной битвой двух владык джунглей. Что же это было за необыкновенное существо? Оно не сдавалось царю зверей! И вдруг в памяти его встала поблекшая от времени картина давно прошедших дней: много лет тому назад он видел в джунглях гибкого белокожего юношу, несшегося по деревьям во главе целого стада громадных обезьян. Глаза старика замигали: в них отразился суеверный страх человека, который верит в духов и демонов.

Теперь старый знахарь уже не задумывался над тем, кто одержит победу. Он знал, что этот бог джунглей убьет Симбу.

Он видел, как лев начинает слабеть от потери крови, как его могучее тело дрожит и шатается. Наконец зверь свалился на землю, чтобы больше уже не подняться. Лесной демон, поставив ногу на все еще трепещущее тело, поднял лицо к луне, и из груди его вырвался такой дикий, лающий крик, что в жилах старого колдуна застыла кровь...

IV

Предсказание сбывается

Тарзан посмотрел на колдуна. Он убил Нуму не для того, чтобы спасти негра; он сделал это исключительно из мести ко льву. Но когда он увидел перед собой беспомощного умирающего старика, чувство, близкое к жалости, закралось в его дикое сердце. Он видел, что старик был уже при смерти и страдал. Нагнувшись, Тарзан осмотрел его раны и остановил кровотечение.

— Кто ты? — дрожащим голосом спросил старик.

— Я Тарзан из племени обезьян, — отвечал человек-обезьяна, и в голосе его звучала не меньшая гордость, чем если бы он сказал: «Я Джон Клейтон, лорд Грэйсток».

— Что же ты не убиваешь меня? — спросил он.

— Зачем мне убивать тебя? — проговорил Тарзан. — Ты не сделал мне зла. К тому же ты все равно уже умираешь, Нума-лев убил тебя.

— Так ты не убил бы меня?

Удивление и недоверие слышались в дрожащем старческом голосе.

— Наоборот, я спас бы тебя, если бы мог, — отвечал Тарзан, — но это невозможно.

С минуту старик молчал. Когда он заговорил, было видно, что ему немалых сил стоило собраться с духом.

— Я знал тебя раньше, — заговорил он, — еще в то время, когда ты бродил по джунглям поблизости от страны вождя Мбонги. Я уже был знахарем, когда ты убил Кулонгу и других воинов, ограбил наши хижины и унес наш сосуд с ядом. Сначала я не узнал тебя, но потом вспомнил белокожую обезьяну, которая жила с волосатыми обезьянами и досаждала жителям деревни Мбонги-вождя. Ведь это ты — бог лесов, Мунанго Ксевати. Скажи мне, прежде чем я умру: человек ты или дьявол?

Тарзан рассмеялся.

— Я человек, — сказал он.

Старик вздохнул и покачал головой.

— Ты намеревался спасти мне жизнь, — сказал он, — и за это я хочу отблагодарить тебя. Я великий знахарь. Слушай меня, белокожий! Тяжелые дни ждут тебя впереди. Это я прочел в моей крови, которую я помазал на ладонь. Вернись, Мунанго Ксевати! Вернись назад, пока не поздно. Опасность ждет тебя впереди, опасность подстерегает тебя сзади. Но та, что впереди, страшнее. Я вижу...

Он остановился и, захлебнувшись долгим, тяжелым вздохом, умер.

Было уже очень поздно, когда человек-обезьяна возвратился в палатку и лег среди своих воинов. Никто не заметил, как он вышел, никто не видел, как он вернулся. Он подумал, перед тем как уснуть, о предостережении знахаря и снова вспомнил о нем, когда проснулся. Но он не повернул обратно: Тарзан из племени обезьян был неустрашим.

В это утро в нескольких верстах позади Тарзана дру-

гой белый человек размышлял о том, что он слышал ночью, и был уже близок к тому, чтобы отказаться от своих намерений и повернуть назад. Это был убийца Верпер. В ночной тиши он услышал победный крик обезьяны-самца, который Тарзан послал к лицу луны Горю: он задрожал и закрыл лицо руками. И даже теперь в ярком свете дня при одном воспоминании о нем хотелось бежать от неведомой опасности. Но бельгийца удерживал еще больший страх; он боялся своего господина Ахмет-Зека.

На краю пустынной долины, за которой виднелись золотые купола и минареты Опара, Тарзан остановился.

Он хотел пойти туда ночью на разведку, потому что обещал Джен быть крайне осторожным.

С наступлением ночи он двинулся в путь. Верпер, пробравшийся по скалам вслед за отрядом вазири и скрывавшийся в течение дня между огромными валунами на верхушке горы, крадучись следовал за ним.

Перед наружными стенами города возвышалась крутая гранитная скала. В этой скале находился вход в туннель, который вел в сокровищницу Опара. Тарзан легко взобрался на неприступную скалу. Верпер, кряхтя и обливаясь потом, дрожа от боязни, но подгоняемый вперед ненасытной жадностью и страхом перед своим хозяином, карабкался вслед за ним и достиг, наконец, вершины. Тарзана не было видно. Верпер притаился за одним из больших камней, но, не слыша шагов Тарзана, вышел и стал внимательно оглядываться.

Вскоре он нашел узкую расселину. Сглаженные от времени гранитные ступени вели в глубь скалы. Верпер спустился вниз и очутился перед отверстием, ведущим в длинный темный туннель. Здесь он остановился, боясь наткнуться на возвращающегося Тарзана.

А Тарзан в это время ощупью пробирался по гранитному коридору к тяжелым деревянным дверям сокровищницы. Минуту спустя он уже стоял посреди кельи. Сюда много лет назад сложили несметное богатство, принадлежавшее владыкам Атлантиды — великого материка, который теперь лежит глубоко под водами Атлантического океана.

Ничто не нарушало мертвой тишины подземной комнаты. Никто не входил сюда с тех пор, как Тарзан в последний раз закрыл за собой массивную дверь.

Довольный осмотром, Тарзан вернулся назад. Верпер из-за гранитного выступа следил за ним, пока он поднимался из мрака. Тарзан вышел из туннеля и направился к своим верным вазири. Тогда Верпер осторожно вылез из своего убежища, вошел в только что покинутое Тарзаном темное отверстие и исчез во мраке коридора.

Тарзан остановился на краю скалы и огласил долину раскатистым рычанием льва. Три раза повторил он призыв, внимательно прислушиваясь к замирающему эху. И в ответ с далекого конца равнины слабо донеслось такое же рычание — один, два, три раза. Басули, предводитель вазири, услышал призыв своего господина и ответил.

Тарзан снова направился к сокровищнице, зная, что через несколько часов его черные воины будут с ним. Он успел шесть раз сходить в сокровищницу и обратно. Сорок восемь слитков чистого золота принес он к краю скалы. Каждый раз он брал с собой такую грудку слитков, под тяжестью которой обыкновенный человек сразу бы упал. Наконец подошли воины, и Тарзан с помощью веревки, специально для этой цели захваченной, поднял их одного за другим на верхушку скалы. Когда Тарзан в седьмой раз миновал Верпера, за ним прошли еще пятьдесят вооруженных человек.

Пятьдесят воинов цвета черного дерева сделались, по-сильщиками только из любви к могучему белому человеку. Только он мог своим приказом заставить сынов свирепого и высокомерного племени взяться за труд, недостойный храбрых воинов. И еще пятьдесят два слитка были вынесены из хранилища. Всего с прежде вынесенными Тарзаном — сто слитков, которые он рассчитывал взять с собой.

Когда визири вышли из комнаты, Тарзан вернулся, чтобы в последний раз взглянуть на сказочное богатство Атлантиды. Два набега, совершенные им сюда, были совершенно незаметны в этой грудке золота. Тарзан вспомнил, как он впервые вошел в эту келью, случайно наткнувшись на нее во время бегства из подземелий храма, куда его спрятала Ла, верховная жрица солнцепоклонников.

Перед глазами снова встала сцена в храме, когда он лежал связанный на жертвенном алтаре, а над ним с высоко поднятым в воздухе кинжалом стояла Ла. Он вспомнил, как Та, обезумевший жрец, прервал богослужение и в ярости набросился на своих товарищей и как они обратились в бегство от озверевшего жреца; безумец напал на Ла, и он, Тарзан, вступил с ним в бой и бросил к ногам жрицы труп человека, который хотел ее обезвредить... Тарзан тряхнул головой, словно отгоняя от себя эти мысли, и, потушив мерцавшую свечу, повернулся к выходу.

Бельгиец терпеливо ждал его ухода. Он узнал тайну, из-за которой сюда пришел Тарзан. Сподвижник Ахмет-Зека теперь мог спокойно возвратиться к поджидавшим его друзьям, привести их в сокровищницу и унести с собой столько золота, сколько им будет по силам.

Вазири уже достигли противоположного конца коридора. Они подымались наверх, с радостью вдыхая свежий воздух и приветствуя звездное небо. Тарзан медленно последовал за ними. В последний раз закрыл он за собой массивную дверь забытой сокровищницы. А в темноте Верпер поднялся на ноги и расправил свои онемевшие члены.

Он протянул руку и с любовью погладил золотой слиток в ближайшем ряду. Подняв его с места, на котором золото лежало с незапамятных времен, Верпер взвесил его в руке и в порыве безумной жадности прижал к своей груди.

Тарзан в это время мечтал о счастливом возвращении домой, о нежных руках, которые обовьются вокруг его шеи, о теплой щеке, которая прильнет к его лицу. И вдруг среди радостных мыслей встало воспоминание о старом знахаре и его предсказании...

V

Алтарь огненного бога

Это случилось в ту минуту, когда Тарзан, закрыв двери, повернул к выходу. Кругом царил тишина и покойствие. Вдруг земля зашаталась, заколебалась. Огромные куски гранита отламывались с потолка коридора и падали вниз, закупоривая проход; могучие гранитные стены затрещали, раскололись, покривились и повисли над обломками. Сорвавшейся сверху каменной глыбой Тарзана отбросило к дверям. Под тяжестью его тела двери разворонились, и он грохнулся на пол.

В большой комнате, в которой было сложено золото, землетрясение произвело меньше повреждений, чем в коридоре. Несколько слитков упало с верхних рядов, кусок гранита откололся от потолка и рассыпался по полу, стены дали трещину, но не развалились.

После первого толчка все успокоилось. Верпер, свалившийся на пол при первом колебании почвы, поднялся на ноги и убедился, что он цел и невредим. Он ощупью пробрался к противоположному концу комнаты, где Тарзан оставил свечу; она была прикреплена воском к одному из слитков.

При помощи спичек бельгиец наконец нашел ее. Когда слабые лучи рассеяли густой мрак, Верпер облегченно вздохнул. В темноте его положение казалось куда более безнадежным. Сейчас у него было одно только желание: бежать, как можно скорее бежать из этой страшной могилы! Но когда он увидел обнаженного гиганта, лежавшего неподвижно на полу у самых дверей, он отступил во внезапном страхе. Вглядевшись пристальнее, он немало успокоился, придя к убеждению, что англичанин мертв. Из громадной зияющей раны на голове Тарзана сочилась кровь, и на каменном полу образовалась темная лужа.

Верпер торопливо перескочил через тело Тарзана и устремился в коридор. Ему не пришло в голову оказать помощь человеку, который, может быть, еще не умер, а только потерял сознание от удара и потери крови. Он думал только о том, как бы спастись самому. Но возродившаяся на мгновение надежда снова исчезла: у самых дверей коридор был совершенно загроможден грудями обломков.

Ему ничего не оставалось делать, как вернуться в сокровищницу. Взяв в руки свечу, он начал обследовать комнату. Прямо против коридора оказалась другая дверь. Он толкнул ее, и она сразу распахнулась, заскрипев на петлях. За ней открывался второй, такой же узкий коридор. Верпер пошел вперед и скоро очутился у каменной лестницы, которая вела наверх. Мерцающая свеча освещала дорогу. Вдруг ему пришлось остановиться. У самых ног зияла черная яма, и здесь, по-видимому, туннель заканчивался. Он поднял свечу и глубоко внизу увидел играющее на водной поверхности отражение света. Это был водоем. Подняв свечу повыше, он стал вглядываться в темноту. На противоположной стороне туннель снова продолжался. Но как перескочить через этот колодец?

Верпер мысленно измерял расстояние до противоположной стороны колодца и раздумывал о том, стоит ли попытаться сделать такой огромный прыжок. Размышления его были прерваны пронзительным визгом, который, постепенно ослабевая, закончился несколькими зловеющими завываниями. Крик был так напряжен, так ужасен, словно вырвался у великого грешника, который корчился от пыток на адском огне.

Бельгиец задрожал и в ужасе взглянул вверх. Высоко над головой он увидел клочок неба, усеянного яркими звездами. Он уже был готов крикнуть о помощи, но сдержался. Он не смел выдать своего присутствия. Он проклинал себя, что решился на такое дело, и горько жалел, что не вернулся сразу в лагерь Ахмет-Зека. Он даже готов был отдать в руки военных властей Конго, если бы это только могло спасти его из того безнадежного положения, в каком он находился сейчас.

Побуждаемый безумным страхом, он решился наконец на отчаянный прыжок. Отойдя шагов на двадцать, он собрал все свои силы, разбежался, прыгнул, и в этот момент свеча погасла. Он летел вперед с вытянутыми руками, чтобы схватиться за что-нибудь в случае, если ноги не встанут на твердую почву.

Он ударился коленями о каменный пол в противоположной стороне туннеля, и его сразу отбросило назад. 6 Несколько мгновений он судорожно цеплялся за камни

и наконец повис над черной бездной. Несколько минут он не смел двигаться и продолжал висеть, обливаясь потом и слабея с каждой минутой. С величайшей осторожностью ему удалось, однако, кое-как выкарабкаться наверх. Он растянулся на полу совершенно обессиленный, стараясь совладать со своими потрясенными нервами.

Во время своего прыжка Верпер выронил свечу. Он приподнялся и, ползая на четвереньках, принял терпеливо и настойчиво шарить вокруг себя. Этот маленький сальный огарок был ему сейчас несравненно дороже всех сказочных богатств Опара. И когда он наконец нашел его, то прижал к груди и упал на пол, рыдая от слабости и волнения. При свете ему легче было совладать со своими нервами, и он снова стал продвигаться вперед в поисках выхода из ужасного лабиринта. Вдруг, к его отчаянию, дорогу преградила каменная стена.

Верпер был умный и образованный человек. Военная тренировка приучила его соображать в тех случаях, когда нельзя брать силой. Кончающийся тупиком туннель не имел смысла: он непременно должен был продолжаться по ту сторону стены. При свете свечи Верпер стал осматривать стену. К великой своей радости он увидел, что тонкие обтесанные камни в кладке стены не скреплены между собой, а просто сложены без извести и цемента. Он попробовал вытащить один из камней, тот легко поддался. Он извлек один за другим еще несколько камней; и мало-помалу образовалось отверстие. Верпер пролез в него и очутился в большой низкой комнате. В одной из стен была большая дверь. Она не была заперта снаружи. За нею опять лежал темный длинный коридор. Бельгиец пошел по коридору, но едва он успел пройти несколько шагов, как свеча, догоревшая до основания, обожгла ему пальцы. Маленький фитилек затрещал и погас.

Верпер снова был в темноте. Мурашки пробежали по телу несчастного десертира. Он не знал, какие ямы лежали впереди и какие опасности его ожидают, но чувствовал, что никогда еще не был так далек от свободы, как сейчас.

Он медленно стал пробираться вперед, держась руками за стены, ощупывая ногами каждую пядь, прежде чем сделать шаг. Он не отдавал себе отчета, как долго двигался он таким способом, но, чувствуя, что этому туннелю нет конца, решил прилечь и отдохнуть, прежде чем продолжить свой путь.

Когда он проснулся, его окружала все та же темнота. Он чувствовал себя теперь освеженным, бодрым и голодным.

Бельгиец снова пустился вперед ощупью. На этот раз ему пришлось идти недолго. Коридор закончился большой светлой комнатой. Свет проникал из отверстия в потолке, а к этому отверстию поднималась высокая каменная лестница.

Он, не задумываясь, поднялся по лестнице и очутился посреди круглого двора. Прямо перед ним возвышался каменный жертвенник, весь покрытый темно-бурыми пятнами. Верпер не обратил внимания на эти пятна, и лишь впоследствии их происхождение стало достаточно ясным и очевидным для него. Кроме отверстия в полу за алтарем, через которое Верпер поднялся из подземелья, на уровне пола еще было несколько дверей. Он облегченно вздохнул, и у него словно гора с плеч свалилась.

Верпер сделал шаг к одной из дверей и вдруг остановился, пораженный ужасом. Почти одновременно в каменной стене распахнулось несколько дверей, и целая толпа странных людей высыпала оттуда и набросилась на бельгийца.

Это были жрецы огненного бога города Опара, которые много лет назад приволокли Джен Клейтон в свой храм к жертвенному алтарю. Длинные руки, короткие кривые ноги, злые близко посаженные глаза и низкие покатые лбы придавали им такой дикий, звериный вид, что кровь застыла в жилах бельгийца. С отчаянным криком кинулся он назад к лестнице, по которой за минуту перед тем поднялся из подземелья, но ужасные уродцы встали на его пути. Верпер упал перед ними на колени и ползал по земле, умоляя пощадить его, но они связали его и потащили по полу к подножию жертвенника.

То, что последовало, было лишь повторением процедуры, которая была проделана прежде над Тарзаном и Джен Клейтон. В храм вошли служительницы огненного бога и с ними Ла, верховная жрица. Верпера подняли и положили поперек жертвенника. Холодный пот выступил у него на лбу, когда Ла подняла над ним острый жертвенный нож. Словно сквозь туман доносились до него звуки гимна смерти. Сейчас эти вампиры наполнят свои чаши его горячей красной кровью и утолят ею свою нечеловеческую жажду...

Страшное рычание вдруг донеслось до его ушей. Нож дрогнул в руке верховной жрицы, глаза ее расширились от ужаса. Остальные в смятиении с дикими воплями бросились к выходам. Жрецы ревели от ярости и страха. Верпер вытянул шею, стараясь увидеть, что произвело такую панику. И когда это наконец удалось, он замер от ужаса; огромный лев стоял посреди храма, и под его жестокими лапами лежало изуродованное тело первой жертвы.

Царь джунглей снова зарычал и метнул злой взгляд в сторону жертвенника. Ла вздрогнула, закачалась и упала на Верпера.

VI Араб-разбойник

Как только Басули и его воины оправались от ужаса, охватившего их во время землетрясения, они немедленно вернулись в туннель. Они пошли искать Тарзана и двух вазиров, которых не досчитались.

Весь коридор был загроможден обломками скал. В течение двух дней вазиров работали, не покладая рук, расчищая дорогу к своим товарищам. После невероятных трудов им удалось расчистить путь всего на несколько ярдов, и из-под обломков они извлекли изуродованный труп одного из вазиров.

Продолжая трудиться, они громко звали своего белого господина и черного товарища, но ни одного звука не раздавалось в ответ из темной глубины. Решив, что Тарзан и чернокожий погибли под обломками, вазир в конце концов прекратил свои поиски. В последний раз кинули они взгляд, полный слез, на место гибели своего господина и, взвалив на плечи тяжелые слитки золота, которые должны были доставить если не спокойствие и радость, то все же некоторые удобства их бедной, любимой госпоже, направились к далекому дому Грэйстоков.

Верные вазир и не подозревали, что происходило в это время в этом счастливом, полном покоя доме!

С севера шел Ахмет-Зек, вызванный письмом бельгийца. За ним следовала вся его орда, состоявшая из арабов и чернокожих.

Мугамби, черный Геркулес, сопровождавший Тарзана во всех его путешествиях от Острова Джунглей до верховьев Угамби и не раз деливший с ним опасности, первый заметил приближение зловещего каравана. Тарзан поручил ему предводительство над воинами, которые

остались оберегать леди Грэйсток. Более смелого и преданного защитника трудно было найти. Он неотступно следовал за своей госпожой, когда она выражала желание поохотиться или прокатиться верхом по равнине, чтобы рассеять скуку одиночества.

Разбойники были еще очень далеко от дома, но Мугамби уже заметил их. Он остановился, внимательно вглядываясь в приближающийся караван, потом бросился бегом к негритянским хижинам, лежавшим в нескольких сотнях ярдов от дома. Он созвал воинов, праздно сидевших и лежавших около своих хижин, и отдал им приказание готовиться к битве. Чернокожие схватились за щиты и оружие и последовали за Мугамби к дому Грэйстоков.

Далеко на равнине крутилась пыль, вздымаемая караваном Ахмет-Зека. Мугамби не был уверен, что это неприятели; но он прожил всю жизнь в дикой Африке: ему уже приходилось встречаться с такими непрошеными гостями. Цель их прихода никогда нельзя было определить заранее. Во всяком случае, лучше быть наготове.

Дом Грэйстоков был мало приспособлен для обороны. Он даже не был огорожен частоколом. Тарзан построил его в стране безгранично преданных ему вазиров и не рассчитывал, что какой-нибудь неприятель осмелится на него напасть.

На всякий случай к окнам были приделаны тяжелые деревянные ставни, чтобы защитить их от неприятельских стрел. Мугамби начал спускать ставни, когда леди Грэйсток появилась на веранде.

— В чем дело, Мугамби? — воскликнула она. — Что случилось?

Мугамби указал ей на равнину, где была ясно видна кавалькада белых всадников.

— Это арабы! — пояснил он. — Они с недобрым намерением пришли сюда. Они, вероятно, узнали, что Великого Бваны здесь нет.

Арабы были уже в ста ярдах от дома. Мугамби поспешил к своему войску. Он вышел вперед и громким голосом окликнул незнакомцев.

— Араб! — крикнул Мугамби, — что нужно тебе здесь?

— Мы пришли с миром! — ответил Ахмет-Зек.

— Тогда поверните назад и идите с миром, — ответил Мугамби. — Вы здесь не нужны.

Ахмет-Зек тихо сказал что-то, и арабы дали оглушительный залп по войскам Мугамби. Два черных воина упали, остальные хотели броситься в атаку, но Мугамби удержал их: он был так же осторожен, как и храбр. Он знал, насколько бесполезно было бы нападение на конных воинов.

Ахмет-Зек выстроил свое войско в длинную линию и галопом помчался к дому Джен Клейтон, арабы открыли бесперывную ружейную пальбу по кустарнику, за которым спрятались воины Мугамби. В свою очередь и вазир засыпал врагов своими меткими стрелами. Не один смуглый всадник свалился с коня, пронзенный смертоносной стрелой. Но силы были неравные. Арабов было слишком много, их пули проникали сквозь кустарники и попадали в цель. Тем временем Ахмет-Зек, обойдя дом, подобрался к нему с незащищенной стороны.

Бешеным галопом всадники неслись вперед, перескакивая через препятствия с такой легкостью, словно летели по воздуху.

Мугамби увидел их и, созвав уцелевших воинов, бросился защищать дом. На веранде с ружьем в руках стояла леди Грэйсток. Благодаря своим крепким нервам и хладнокровному спокойствию, она метко стреляла: недаром несколько лошадей неслись уже без седоков навстречу наступающей орде.

Мугамби втолкнул госпожу в дом и со своим поредевшим войском приготовился к последнему сопротивлению.

Арабы, домчавшись до веранды, разом остановились и дали залп по вазири, которые засыпали арабов стрелами из-за своих длинных овальных щитов. Эти щиты были хорошей защитой от вражеской стрелы, они могли отразить удар коня, но совершенно не годились для отражения свинцовых пуль арабских стрелков.

Не переставая стрелять, арабы вплотную подошли к дому. Теперь стрелы, выпущенные из окон, пролетали над их головами, а они безнаказанно могли стрелять по цели. Один за другим гибли воины вазири. Все реже и реже вылетали стрелы в ответ на ружейные выстрелы арабов. Ахмет-Зек скомандовал на приступ. Продолжая стрелять на бегу, арабы бросились к веранде. С дюжину злодеев пали от стрел защитников леди Грэйсток. Но большинство добрались до двери и стали разбивать ее прикладами. В треск ломаемого дерева ворвался грохот выстрела: это Джен сквозь двери стреляла в жестокого врага.

Дверь была слабой защитой. Она поддалась, наконец, напору наступающих и разлетелась на части. Толпа

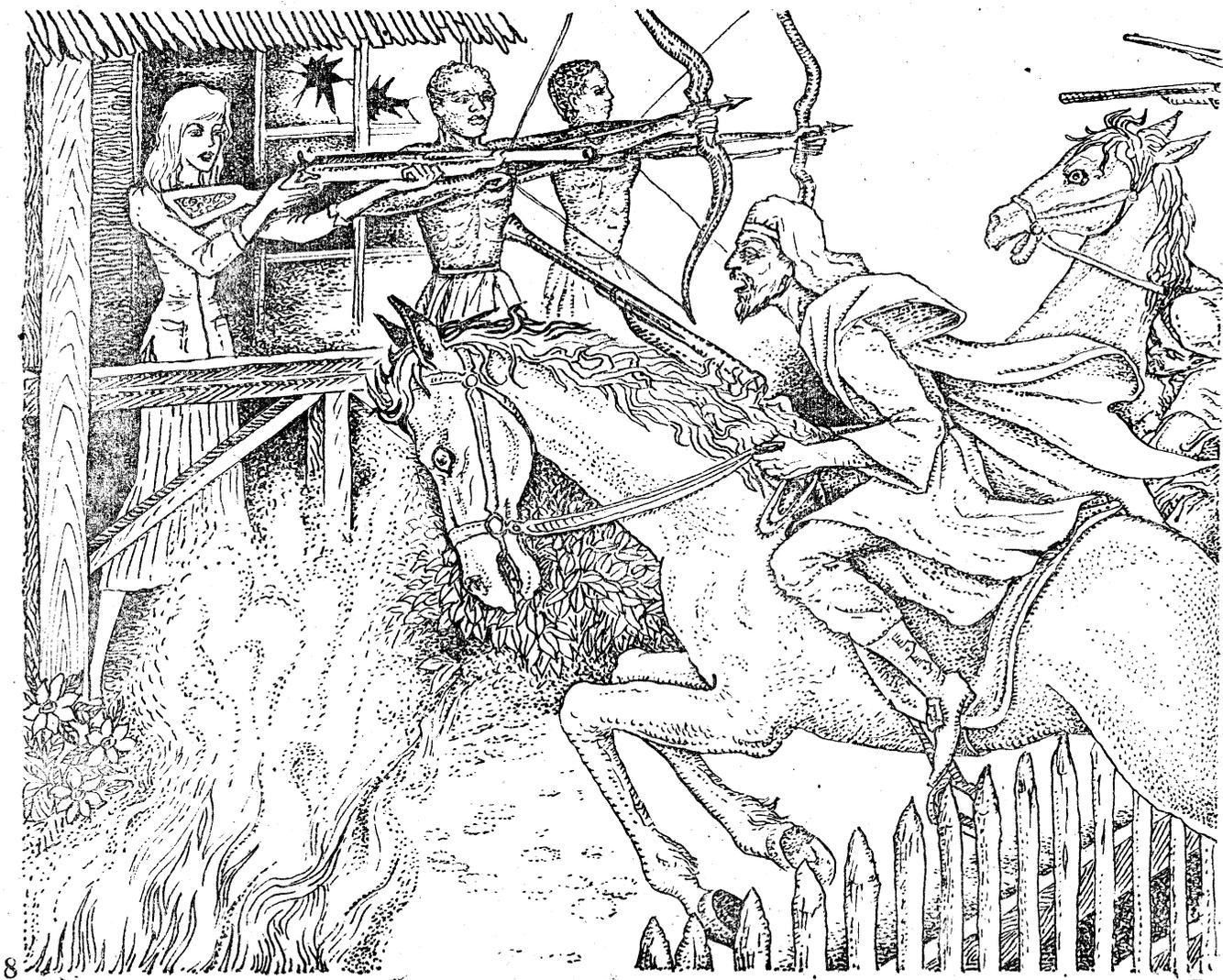
темнокожих убийц ворвалась в комнату. В углу стояла Джен Клейтон, окруженная маленькой кучкой своих верных защитников. Пол был усеян трупами людей, положивших за нее жизнь. Впереди воинов стоял великан Мугамби. Арабы подняли ружья.

— Не стреляйте в женщину, — крикнул Ахмет-Зек. — Того, кто причинит ей малейший вред, я убью. Хватайте женщину живьем!

Арабы кинулись к Джен, но были встречены тяжелыми копытами воинов вазири. Сабли засверкали в воздухе, длинные пистолеты произвели свой громоносный смертный приговор вазири. Мугамби с такой силой метнул копьё в ближайшего врага, что оно пронзило его насквозь, затем выхватил пистолет у другого араба и стал им направо и налево крушить головы всем, кто осмеливался приблизиться к его госпоже.

Трое-четверо оставшихся в живых вазири, следуя его примеру, сражались, как демоны, но они падали один за другим, и наконец один Мугамби остался защищать жизнь и честь подруги Тарзана.

Из другого конца комнаты Ахмет-Зек наблюдал за неравной битвой и подстрекал своих любимцев. Он медленно поднял ружье на плечо в ожидании момента, когда

можно будет выстрелить в Мугамби, не рискуя попасть в женщину или в одного из своих товарищей. Мугамби продолжал яростно отбиваться от нападавших арабов. Но Ахмет-Зек нажал собачку, и верный негр без стопа упал к ногам своей госпожи.

Джен Клейтон тотчас была окружена и обезоружена. Арабы молча вытащили ее из дома. Великан, слуга Ахмет-Зека, поднял ее в седло, и в то время, как другие бросились к дому и постройкам, чтобы забрать с собой все, что можно унести, он выехал с ней за калитку и остановился в ожидании хозяина.

Джен Клейтон видела, как грабили ее дом, унося все, что представляло какую-нибудь ценность. Она видела, как люди побежали всюду с горящими факелами.

Разбойники, сорвав свой гнев и удовлетворив свою жадность, собрались у ворот и поскакали на север, увозя с собой Джен Клейтон.

Дом Грэйстоков был охвачен пламенем. Длинные огненные языки лизали неподвижные тела, распростертые на полу. Вдруг одно из них зашевелилось. Это был огромный чернокожий. Он повернулся и открыл залитые кровью страдальческие глаза. Мугамби, которого арабы считали мертвым, с трудом поднялся на четвереньки и сквозь застилавшие комнаты дым и пламя медленно пополз к дверям.

Каждый ярд стоил ему невероятных усилий; несколько раз он падал без сил на пол, но все же подымался и снова продолжал свой путь. Ему казалось, что он полз бесконечно долго, прежде чем добрался до веранды: комната напоминала огромную раскаленную печь. Он дополз до ступенек, скатился по ним в сад и, собрав последние силы, укрылся в освежающей прохладе кустарника.

Всю ночь пролежал он там, временами теряя сознание. Все его мысли были сосредоточены на одном, и в душе его было только одно стремление: месть, месть, месть!

VII

Сокровищница драгоценных камней в Опаре

Некоторое время Тарзан лежал как мертвый, но он не был мертв. Он зашевелился и открыл глаза. Кругом был непроглядный мрак. Он ощупал свою голову, и рука сразу стала мокрой и липкой от запекшейся крови.

Тарзан медленно приподнялся и сел, прислушиваясь. Кругом было тихо, как в могиле. Он встал и обошел ощупью вокруг комнаты. Кто он? Где он? У него болела голова, но никаких других последствий своего ушиба он не чувствовал. Он не помнил ни землетрясения, ни того, что было до него.

Неловкими движениями ощупывал он свое туловище, ноги, голову, точно эти предметы были ему совершенно неизвестны. Он обнаружил колчан за спиной, и кинжал у пояса. Что-то промелькнуло в его голове. Ах, да! Ему еще чего-то не хватало. Он ползком стал обшаривать пол в поисках вещи, исчезновение которой он чувствовал инстинктивно. Наконец он нашел его — свое тяжелое военное копьё.

Тарзан знал наверное, что существует другой мир — лучше и светлее чем тот, что заключался здесь в четырех каменных стенах. Он наткнулся на дверь, которая вела в глубь туннеля, вошел в коридор и, двинувшись вперед безо всяких предосторожностей, наткнулся на каменные ступени, ведущие вверх.

Ничто не говорило ему, что он здесь уже был однажды. Местность была совершенно неизвестна. Тем не

менее, он продвигался в темноте так быстро, спокойно и уверенно, словно гулял по гладкой равнине при ярком свете полуденного солнца. И тут случилось то, что неизбежно должно было случиться.

Он дошел до края водоема, шагнул в пустое пространство и стремглав полетел вниз в черную глубину. Он упал в воду и пошел ко дну. Но колодец был неглубок. Копье ударило одним концом о дно и встало вертикально, с его помощью Тарзану удалось вынырнуть на поверхность. Падение обошлось без ушибов. Лучи дневного света, проникая через круглое отверстие высоко над его головой, слабо освещали внутренность водоема. На одном уровне с поверхностью воды виднелось широкое отверстие в сырой, скользкой стене колодца. Подплыв к нему, Тарзан вылез из воды и ступил на мокрый пол большого туннеля. На этот раз он шел очень медленно и осторожно. Неожиданное падение послужило ему хорошим уроком. Туннель был прямой, как стрела, пол его был скользкий и мокрый, это говорило о том, что временами вода поднималась и затопляла его. Это очень затрудняло продвижение Тарзана: каждую минуту он мог поскользнуться и упасть. Туннель кончился, и Тарзан оказался у подножия лестницы.

Лестница несколько раз круто заворачивала и наконец привела Тарзана в небольшую круглую комнату. Слабый свет проникал сюда сквозь большую трубу. Далеко наверху она заканчивалась каменной решеткой, сквозь которую Тарзану было видно ясно голубое небо.

Человек-обезьяна с любопытством стал оглядывать комнату. Вся ее обстановка состояла из нескольких кованых сундуков с медными запорами. Машинально он приподнял крышку одного из сундуков и вскрикнул от восторга: перед ним, сверкая в полутьме и переливаясь всеми цветами радуги, лежали груды драгоценных камней. Тарзан, совершенно забывший о прошлом от последствий страшного ушиба и вернувшийся в первобытное состояние дикого человека, не имел сейчас никакого понятия о том, какое несметное богатство представляла его находка. Для него это были только красивые пестрые камешки. Он стал открывать другие сундуки. Все они были заполнены драгоценными камнями. Набрал полную горсть, Тарзан высыпал их в сумку, болтавшуюся на поясе.

Сам того не подозревая, Тарзан открыл давно забытое хранилище драгоценных камней города Опара. Игра с красивыми камешками вскоре надоела Тарзану, и он снова пустился в путь. За круглой комнатой начинался коридор. Он круто подымался вверх, причудливо извиваясь, и привел Тарзана в низкую комнату. От пола к отверстию в потолке подымалась крутая каменная лестница. Сквозь отверстие Тарзан увидел залитую солнцем площадку и высокие, обвитые диким виноградом колонны. Он с удивлением посмотрел на эти колонны: они как будто напоминали ему что-то. Тарзан наморщил лоб, стараясь вспомнить. Ему все казалось, что нечто ускользает от него, и он должен знать многое, чего сейчас не знает.

Его размышления были внезапно прерваны громким раскатыстым ревом над его головой. Вслед за этим послышался отчаянный крик и визг. Тарзан решительно схватил копьё и побежал к лестнице.

Странная картина представилась его глазам, когда он из сумерек подземелья попал на залитую светом площадку храма. Несмотря на то, что он забыл все, относившееся к его прошлому, в глубине его души сохранились еще представления о некоторых образах, и он сразу осознал, что перед ним находится много мужчин и женщин и огромный лев. Они бежали к выходам, а лев стоял посреди храма на трупе мужчины, менее счастливого,

чем его товарищи. Возле большой каменной глыбы стояла женщина, а поперек камня лежал неподвижно мужчина. Тарзан видел, как сверкали глаза льва, когда он смотрел на двух несчастных, оставшихся в храме. Страшный рев вторично огласил своды храма. Женщина вскрикнула и без чувств свалилась на тело мужчины, лежавшего на жертвеннике. Лев уже готов был сделать прыжок, но его внимание внезапно было отвлечено Тарзаном.

Верпер лежал неподвижно и беспомощно на жертвеннике. Страшный зверь встал на дыбы, но сильная рука поднялась в воздухе, и тяжелое копые вонзилось в грудь хищника. Голый великан, только что пронзивший льва копыем, бросился вперед с одним лишь ножом в руках. Лев поднялся на задние лапы и свирепо зарычал. И к ужасу и без того насмерть перепуганного бельгийца, с губ странного человека сорвалось точно такое же львиное рычание.

Ловким прыжком в сторону Тарзану удалось избежать тяжелого удара огромной мохнатой лапы. Вторым прыжком он вскочил на спину льва. Его руки обвились вокруг косматой шеи, зубы впились глубоко в тело животного. Рыча, прыгая, катаясь по полу, огромная кошка силилась скинуть своего яростного противника.

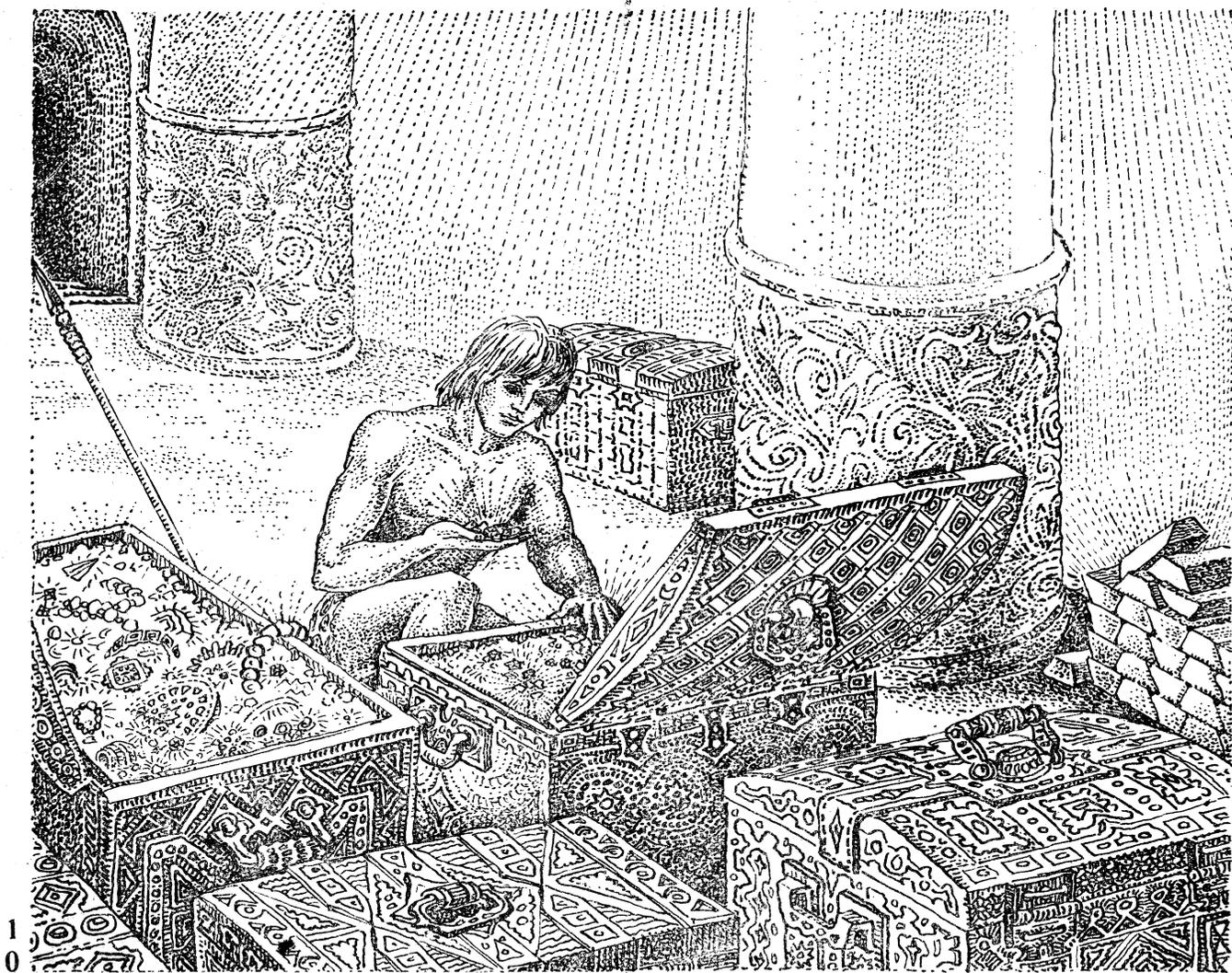
Ла пришла в себя. Точно очарованная, стояла она, не отводя глаз от борющихся. Нож Тарзана отыскал наконец сердце животного. Страшные судороги потрясли могучее тело, и лев упал к ногам победителя. Тарзан вскочил, поставил ногу на труп своей жертвы и, подняв лицо к небу, испустил такой ужасный крик, что Ла и Верпер содрогнулись, а гулкое эхо долго еще вторило ему под сводами храма. Тарзан повернулся, и Верпер узнал в нем мертвеца, которого он оставил в комнате драгоценностей.

VIII Бегство из Опара

Верпер был поражен. Неужели это существо было тем исполненным собственного достоинства англичанином, который оказал ему такой радушный прием в своем роскошном африканском доме? Неужели этот страшный победный крик мог вырваться из человеческой груди?

Ла пристально вглядывалась в лицо человека-обезьяны. — Тарзан! — воскликнула она. — Это ты?

И она заговорила с ним на языке больших обезьян, который был языком жителей Опара.

— Тарзан, ты вернулся ко мне. Ла пренебрегала своими священными обязанностями в ожидании своего Тарзана! Она не взяла себе мужа, потому что на всем свете только он один мог стать ее мужем. И ты пришел ко мне. О, Тарзан, скажи же мне, что ты вернулся ради меня!

Верпер вслушивался в эти странные гортанные звуки и переводил свой взгляд с Ла на Тарзана. Поймет ли Тарзан этот язык? К его удивлению, англичанин ответил ей такими же гортанными звуками.

— Тарзан? — повторил он задумчиво. — Тарзан! Я как будто слышал это имя.

— Это твое имя — ведь это ты Тарзан! — воскликнула Ла.

— Я — Тарзан? — человек-обезьяна пожал плечами. — Ну что ж, это имя мне нравится. Я не знаю никакого другого, и потому я оставлю его себе. Но я не знаю тебя. Я не знаю, откуда пришел. Может быть, ты знаешь?

Ла покачала головой.

— Я никогда этого не знала.

Тарзан повернулся к Верперу и обратился к нему с тем же вопросом.

Бельгиец покачал головой.

— Я не понимаю этого языка, — сказал он по-французски.

Без напряжения и, по-видимому, совершенно не сознавая, что переходит на другой язык, Тарзан повторил свой вопрос по-французски.

Тут только Верпер понял, чем обернулась для Тарзана его травма. Очевидно, он совершенно утратил память и не помнил ничего из своей прежней жизни. Бельгиец уже хотел растолковать Тарзану, кто он и откуда, но внезапно его осенила мысль: если он хоть на время скроет от Тарзана правду, ему, может быть, удастся использовать для себя несчастье, постигшее англичанина.

— Я не могу сказать, откуда вы пришли, — сказал он, — но скажу, что если мы не уберемся сейчас же из этого проклятого места, то оба будем убиты на кровавом жертвеннике. Эта женщина уже была готова вонзить нож в мое сердце, когда лев прервал их адский обряд. Пойдемте же! Понцем выход из этого ужасного храма, прежде чем они оправятся от страха и вернуться сюда!

Тарзан снова повернулся к Ла.

— Почему ты хотела убить этого человека? Ты была голодна?

Ла возмущенно отвергла такое предположение.

— Он пытался тебя убить? — продолжал свой вопрос Тарзан.

Ла подняла свою тонкую руку и указала на солнце.

— Мы хотели принести его душу в дар огненному богу! — сказала она.

Тарзан взглянул на нее с недоумением. Он снова был большой обезьяной, а обезьяны ничего не смыслят в таких вещах, как душа и огненный бог.

— Вы хотите умереть? — спросил он Верпера.

Бельгиец со слезами на глазах старался его убедить, что он вовсе этого не желает.

— Ну что ж, тогда и не надо! — проговорил Тарзан. — Пойдем отсюда. Эта самка убьет вас, а меня оставит для себя. Но здесь не место для Мангани. Я умру среди этих каменных стен.

Он повернулся к Ла.

— Мы уходим!

Женщина бросилась к нему и схватила за руку.

— Не оставляй меня! — кричала она. — Остайся, и

ты будешь верховным жрецом. Ла любит тебя. Весь Опар будет принадлежать тебе. Рабы будут исполнять каждое твое приказание. Остайся, Тарзан!

Человек-обезьяна оттолкнул коленапреклоненную женщину.

— Тарзан не хочет тебя, — ответил он просто и, пойдя к Верперу, перерезал связывавшие его веревки.

Тяжело дыша, с искаженным от злобы лицом Ла закричала:

— Ты останешься! Ты будешь моим! Если Ла не может получить тебя живым, она получит тебя мертвым!

Подняв голову к солнцу, она испустила страшный, лающий визг.

В ответ послышался беспорядочный шум голосов в прилегающих к храму комнатах и коридорах.

— Придите, хранители жрицы! — кричала Ла. — Неверные осквернили святая святых. Придите, наполните ужасом их сердца, защитите Ла и ее алтарь, очистите храм кровью осквернителей!

Верпер не понял, но Тарзан понял все. Он подскочил к Ла, и, хотя она отбивалась с безумной яростью демона, обезоружил ее и передал Верперу длинный жертвенный нож.

— Это вам пригодится! — сказал он.

Едва он успел это сделать, как изо всех дверей в храм хлынули толпы уродливых кривоногих жрецов.

Они были вооружены дубинами и ножами, фанатичная ненависть распалая их смелость. Верпер онемел от ужаса. Тарзан с гордым презрением оглядывал врагов и медленно двигался к двери, которую он наметил для выхода из храма.

Здоровенный жрец преградил ему дорогу. Тарзан поднял свое копьё и размозил ему череп. Тот не успел даже вскрикнуть.

Копьё непрерывно подымалось и опускалось на головы жрецов, пока Тарзан медленно прочищал себе дорогу к выходу. Верпер следовал по пятам. Он держал жертвенный нож наготове. Он удивлялся, что жрецы, смело вступившие в борьбу с таким силачом, как Тарзан, не решились броситься к нему, хотя он был значительно слабее. Верпер понял, что поставило его в такое привилегированное положение. Жрецы, не задумываясь, бросались в смертный бой с могучим Тарзаном, но суеверно боялись умереть от священного ножа.

Когда они выбрались из внутреннего двора храма, Верпер сообщил Тарзану о своем открытии. Тарзан усмехнулся и пропустил его вперед. Бельгиец шел, размахивая направо и налево священным оружием, и жители Опары в суеверном страхе разбегались от них.

Таким образом они легко пробрались через коридор и покои древнего храма. Верпер ахнул от удивления, когда они проходили через комнату с семью золотыми колоннами. С плохо скрываемой жадностью смотрел он на древние золотые плиты, вделанные в стены комнат и коридоров.

Они вышли к широкой улице, которая лежала между величественными колоннами полуразрушенных зданий и внутренней стеной города. Верпер увидел, как огромный волосатый самец прыгнул с полуразрушенной колонны и, оцетинясь, заковылял навстречу голому великану. Желтые клыки были обнажены, сердитый лай и грозное рычание срывались с толстых губ.

Бельгиец наблюдал за своим спутником. Каковы же были его удивление и ужас, когда Тарзан встал на четвереньки и начал ползать вокруг кружившейся на одном месте обезьяны! Из человеческой гортани вырывался тот же звериный лай и то же рычание, что из глотки жи-

вотного. Однако поединка не последовало. Все приготовления кончились, как кончается обыкновенно большинство таких встреч в джунглях: один из противников теряет свою воинственность, неожиданно заинтересованный падающим листом, жуком или вошью на своем косматом животе. Человекоподобная обезьяна удалась с полным достоинством, для того чтобы взглянуть на проползавшую мимо гусеницу, которую она и проглотила после недолгого исследования.

Целый час они искали узкий проход во внутренней стене. Проторенная дорожка вывела их за внешние укрепления города, в мертвую долину Опара. Верпер вскоре убедился, что Тарзан не имеет ни малейшего понятия о том, где он находился и откуда он пришел. Он бесцельно бродил по долине, отыскивая себе пищу. Верпер пришел в ужас от необычайного меню своего спутника. Тарзан с видимым удовольствием уничтожал жуков, грызунов и гусениц. Он и в самом деле превратился в обезьяну.

Ночью они сделали привал. Они сидели у небольшого костра, на котором жарились дикая свинья, убитая стрелой Тарзана. Тарзан был погружен в размышления. Он тщетно старался уловить какие-то мысли, которые все время ускользали от него. Но так и не додумавшись ни до чего, он открыл кожаную сумочку, привешенную к его поясу, и вынул оттуда пригоршню блестящих маленьких камешков. Огонь костра заиграл в них мириадами лучей, и в эту минуту Верпер, смотревший на них в немом восторге, вполне определенно понял, как необходимо ему общество человека-обезьяны.

IX

Верпер похищает драгоценные камни

Два дня Верпер разыскивал своих спутников, которых он оставил у подножия холмов. На закате второго дня он наткнулся на изуродованные трупы трех чернокожих.

Верпер сразу догадался, в чем дело. Из маленького отряда сопровождавших его негров только эти трое не были рабами. Остальные, очевидно, воспользовались удобным случаем, чтобы освободиться из-под власти жестокого хозяина. Холодный пот выступил на лбу Верпера: только благодаря счастливой случайности он избежал подобной участи.

Тарзан не высказывал ни малейшего удивления или интереса по поводу этой находки. Утонченная психика цивилизованного человека, вследствие полученного им ушиба, сделалась снова совершенно чужда и непонятна ему.

Сейчас во всех своих мыслях и действиях он руководствовался уроками большой обезьяны Калы и примерами и указаниями Керчака, Тублата и Теркоза, совершенно механически сохранив знание французского и английского языков.

Вечером перед костром Тарзан опять забавлялся сверкающими стеклышками. Верпер спросил его, что это такое и где он взял? Тарзан отвечал, что это разноцветные камешки, из которых он хочет сделать себе ожерелье, и что он их нашел глубоко под храмом огненного бога.

Бельгиец с облегчением заметил, что Тарзан не имел никакого представления о ценности камешков. «Это облегчит захват их!» — думал он. Может быть, это странное существо просто отдаст их ему, если попросит у него.

— Дайте мне взглянуть на них, — сказал он.

Но в ту же минуту огромная бронзовая ладонь Тарзана опустилась на яркие камешки. Он оскалил зубы и зарычал. Верпер поспешил отдернуть руку, а Тарзан, как ни в чем не бывало, продолжал свою игру и беседу с Верпером. Он проявил только свойственное всем животным инстинктивное стремление сохранить свое добро. Убивая дичь, он всегда делился с Верпером, но если бы Верпер случайно дотронулся до той части, которая принадлежала Тарзану, он вызвал бы то же дикое и злобное предупреждение.

Странное поведение англичанина поразило Верпера. Он видел в нем опасного безумца, который в любой момент может кинуться на него с оскаленными зубами. Верпер ни на минуту не обманывал себя надеждой, что он сможет выйти победителем из борьбы с Тарзаном. Он мечтал только о том, как бы улизнуть от Тарзана и как можно скорее попасть в далекий стан Ахмет-Зека. Но бельгиец не рещался пуститься по джунглям один, вооруженный только жертвенным ножом. Тарзан являлся защитой, которой ни в коем случае не следовало пренебрегать. К тому же Верпер решил во что бы то ни стало завладеть сумкой с драгоценными камнями. В душе его происходила борьба между двумя различными чувствами: жадностью и страхом, но в конце концов жадность взяла верх.

Ахмет-Зек ничего не узнает об этих богатствах. Они будут принадлежать одному только Верперу, и при первой же возможности он доберется до берега моря и уедет в Америку. Там под другим именем он снова заживет полной жизнью и до известной степени вознаградит себя за все лишения. Он жил теперь надеждой, заранее предвкушая ту роскошную жизнь досужего богача, которую он будет вести.

На третий день после их бегства из Опара чуткое ухо Тарзана уловило звук людских шагов позади них. Некоторое время Тарзан стоял неподвижно, внимательно прислушиваясь; его тонкие ноздри раздувались, стараясь вдохнуть в себя каждую струйку воздуха. Потом он потянул Верпера за собой в густые кусты и, притаившись там, стал ждать.

На тропинке показался лоснящийся черный воин, чуткий и осторожный. За ним гуськом следовали около пятидесяти таких же чернокожих воинов. Каждый из них был нагружен двумя темно-желтыми слитками, привязанными к спине. Верпер с первого взгляда узнал войско, которое сопровождало Тарзана в Опар. Он посмотрел на Тарзана. Дикие глаза пристально вглядывались в проходящих, но Тарзан не узнал Басули и своих верных вазири. Когда все воины прошли, он обернулся к Верперу и сказал:

— Теперь мы пойдем за ними и убьем их.

— Зачем? — спросил бельгиец.

— Они чернокожие, — объяснил Тарзан, — а человек, который убил Калу, тоже был чернокожий. Они все враги Мангани.

Верпер не испытывал никакого желания вступить в бой. Он был от души рад, что встретил их, потому что уже начинал сомневаться, найдет ли дорогу через джунгли в страну вазири. Верперу хотелось, чтобы золото было отнесено туда, куда несли его вазири. Чем дальше воины Басули унесут его, тем ближе будет ему и Ахмет-Зеку идти за ним.

Поэтому он стал отговаривать Тарзана от намерения убить чернокожих, убеждая, что негры, наверное, выведут в богатую страну, изобилующую дичью. После долгих разговоров ему удалось убедить Тарзана следовать за ними издали. Наконец наступил момент, когда Тарзан и

бельгиец, следуя за войнами, поднялись на возвышенность и увидели широкую равнину Вазири, сверкавшую в излучинах реку и далекие леса на севере и западе.

Тарзан смотрел на хорошо знакомую картину, но не узнавал ее. Все его внимание было занято пасущимися стадами; он даже не взглянул на то место, где был его дом.

Заслонив глаза рукою, Верпер долго и пристально вглядывался в знакомую местность. Он не верил своим глазам: ни дома, ни амбаров, ни построек там уже не было. Конюшни, хлева, стога сена — все исчезло. Очевидно, Ахмет-Зек уже побывал здесь.

Басули и его воины, как только спустились в долину, заметили опустошение, произведенное на их земле. Они спешили туда, возбужденно разговаривая между собой. Когда они прошли наконец вытоптаный сад и остановились перед грудой обгоревших обломков на месте, где был дом их хозяина, самые страшные опасения стали уверенностью.

Останки человеческих трупов, наполовину обглоданные гиенами, лежали на земле; на трупах было достаточно остатков одежды и украшений, чтобы Басули мог себе ясно представить ужасные подробности несчастья, обрушившегося на дом его господина.

— Арабы! — проговорил он.

На каждом шагу воины наталкивались на новые свидетельства жестокости безжалостного врага, который воспользовался отсутствием Великого Бваны, чтобы опустошить его владения.

— Что же они сделали с леди? — спросил один из чернокожих.

— Женщин они, наверное, взяли с собой, — сказал Басули, — если еще живы леди и наши женщины, мы должны поторопиться.

Из-за тростников у реки Верпер и Тарзан наблюдали за чернокожими, которые вырыли в земле яму, опустили туда свою тяжелую золотую ношу и засыпали ее песком.

Тарзан не проявил к их работе особого интереса. Верпер много бы дал, чтобы иметь здесь своих спутников, которые помогли бы унести золото.

Зарыв сокровище, негры отошли в сторону от эловонных трупов и сделали привал, чтобы отдохнуть, прежде чем пуститься в погоню за арабами.

Спустились сумерки. Верпер и Тарзан сидели в тростниках, доедая остатки мяса, принесенного с собой. Бельгиец был занят своими мыслями. Он был уверен, что вазири будут преследовать Ахмет-Зека. Ему слишком хорошо были известны военные приемы дикарей, характер арабов и их низких приспешников, и не сомневался, что они продадут, если уже не продали, всех женщин вазири в рабство. Уже одного этого было достаточно, чтобы вызвать немедленную месть со стороны такого воинственного племени, как вазири.

Верперу нужно было найти возможность подоспеть к арабскому стану раньше вазири, чтобы предупредить Ахмет-Зека о преследователях и о местонахождении золотого клада.

О том, что станет делать араб с леди Грэйсток, ввиду умственного расстройства ее мужа, Верпер несколько не заботился.

Золото, зарытое неподалеку от споровшего дома Грэйстоков, представляло неизмеримо большую ценность, чем любой выкуп за леди Грэйсток, и если бы Верперу удалось уговорить Ахмет-Зека дать ему хоть часть его, он был бы вполне удовлетворен.

Неизмеримо большую важность для Верпера представляли богатства, заключенные в маленькой сумочке Тар-

зана. О, если бы он мог завладеть ею! Все планы, прихваченные ему в голову, он отвергал как непригодные.

Тарзан перевел свой взгляд на Верпера. Бельгиец почувствовал, что за ним следят, притворился спящим и стал дышать ровно и глубоко, как крепко уснувший человек.

Тарзан думал. Он видел, как вазири зарывали золото. Верпер объяснил ему, что они это делают для того, чтобы кто-нибудь не нашел его и не забрал с собой. Это показалось Тарзану великолепным способом сохранить ценности. С того вечера, как Верпер выразил желание поглядеть на блестящие камешки, Тарзан с подозрительностью дикаря оберегал свою сумочку.

Довольно долго Тарзан наблюдал за своим товарищем. Наконец, уверившись, что тот спит, он вынул из-за пояса охотничий нож. Взяв землю ножом, он руками стал выгребать ее, пока не образовалась ямка пяти-шести дюймов глубины. Туда он опустил сумку с драгоценными камешками. Верпер чуть не вскрикнул от радости и совсем забыл, что он должен дышать, как спящий.

Тарзан внезапно остановился. Его чуткий слух сразу уловил это обстоятельство. Сузившиеся глаза пристально вглядывались в Верпера. Верпер понял, что он пропал. Он вздохнул, протянул руки вперед и повернулся на спину, бормоча что-то, словно встревоженный дурным сном. Через минуту он уже снова дышал покойно и глубоко. Он долго чувствовал на себе его внимательный взгляд. Потом Верпер услышал слабый звук падающего песка и хлопывания рук о землю. Он понял, что драгоценный мешочек зарыт.

Целый час Верпер лежал неподвижно, боясь пошевелиться. Потом повернулся на бок лицом к Тарзану и открыл глаза. Человек-обезьяна спал. Протянув руку, Верпер мог достать до того места, где была зарыта сумочка.

Долгое время он лежал, прислушиваясь, потом стал ворочаться, умышленно производя шум. Но Тарзан не просыпался. Верпер вытащил из-за пояса жертвенный нож и воткнул его в землю. Тарзан не шевельнулся. Бельгиец осторожно проталкивал нож вниз. Он чувствовал, что кончик ножа уперся в твердую кожу сумочки. Тогда он надавил на ручку ножа. Маленькая песочная горка поднялась и раздвинулась, и из-под нее выглянул краешек кожаной сумочки. Верпер схватился за него, вытащил сумочку и спрятал ее у себя на груди.

После этого он засыпал яму и придал песок. Жалость толкнула Верпера на этот безумный шаг. Вдали заревел леопард, а в густых тростниках за спиной Верпера какой-то большой зверь крался на мягких лапах. Верпер боялся ночных хищников, но несравненно больше боялся справедливого гнева зверя-человека, который спокойно спал рядом. Верпер с величайшей осторожностью сделал несколько шагов, но вдруг остановился и посмотрел на спящего.

«Почему бы нет?» — подумал он.

Он вернулся и наклонился над Тарзаном. В руке его блеснул жертвенный нож верховной жрицы огненного бога.

X

Ахмет-Зек узнает о сокровище Верпера

Мугамби, истекая кровью, с трудом плелся по следам арабов. Он продвигался очень медленно, но свирепая ненависть и дикая жажда мести гнали его вперед. Между тем время шло, раны Мугамби заживали, силы восстанавли-

ливались, и постепенно его могучее тело обрело прежнюю мощь, но арабы на конях уже успели достигнуть своего укрепленного лагеря и остановились в ожидании Альберта Верпера.

Во время долгого, утомительного путешествия Джен больше страдала от опасений за свою судьбу, чем от неудобств и утомительной дороги. Это было бы уже счастьем для нее, если бы она знала, что арабы увезли ее, рассчитывая только на выкуп. Но ей не раз приходилось слышать о белых женщинах, проданных такими злодеями, как Ахмет-Зек, в рабство в черные гаремы, или уведенных на север, чтобы там сделать их наложницами турецких сералей.

Джен никогда не падала духом и не терялась в трудные минуты жизни. Она надеялась на лучший исход, пока можно было надеяться, и смотрела на самоубийство как на последнее средство, чтобы избежать бесчестия и позора. Пока был жив Тарзан, у нее были все основания надеяться на спасение. Ни один человек, ни один зверь диких джунглей не обладал умом и силой ее супруга. Она считала дни, которые должны были пройти до его возвращения из Опар. Он вернется и увидит, что произошло за время его отсутствия, и ему понадобится уже немного времени, чтобы окружить укрепленный лагерь арабов и истребить разношерстную толпу его обитателей.

В том, что он найдет ее, она ни на минуту не сомневалась. Для него следы, оставленные разбойниками, будут так же ясны и многозначительны, как для нее печатная страница открытой книги.

В это время к стану Ахмет-Зека пробирался сквозь джунгли Верпер. Ночью он забирался на деревья. Днем пугливо пробирался вперед, залезая на дерево всякий раз, как только малейший звук предупреждал его о приближающейся опасности. Наконец издалека он увидел частокол, окружавший деревню арабов.

Почти одновременно с ним подошел к частоколу и Мугамби. Спрятавшись за большим деревом, он следил за приближавшимся бельгийцем. В ободранном, взъерошенном беломожом он сразу узнал гостя своего хозяина, который выехал из дома Грэйстоков накануне ухода Тарзана в Опар. Мугамби уже хотел окликнуть бельгийца, но что-то остановило его. Он видел, как смело и уверенно Верпер приближался к воротам деревни через открытую поляну.

Верпер крикнул. Ворота сразу распахнулись, и Мугамби стал свидетелем радужной встречи, которую арабы устроили недавнему гостю лорда и леди Грэйсток. И негру сразу все стало ясно: этот белый — шпион и предатель. Именно ему вазирь были обязаны набегом арабов в отсутствие Великого Бваны. И к злобе негра против арабов прибавилась жгучая ненависть к белому шпиону.

При виде лейтенанта Ахмет-Зек с удивлением оглядел рубище, покрывавшее тело бельгийца.

— Что случилось? — спросил он.

Верпер рассказал все по порядку. Он пропустил только маленькую подробность о сумочке, которая была плотно привязана к его кушаку под одеждой. Глаза араба сузились от жадности, когда он услышал о золоте, которое вазирь закопал около развалин дома Грэйстоков.

— Теперь уже нетрудно вернуться за ним и привезти его сюда! — сказал Ахмет-Зек.

— А женщина? — спросил Верпер.

— Не остается ничего другого, как продать ее на север, — ответил разбойник. — За нее дадут хорошие деньги.

1
4 Бельгиец одобрительно кивнул головой. Если ему удастся уговорить Ахмет-Зека послать его во главе отряда,

который повезет леди Грэйсток на север, он сможет воспользоваться случаем и улизнуть. Он с радостью отказался бы от своей доли золота, лишь бы только уйти подобра-подзорову со своей заветной сумочкой.

Он уже достаточно ознакомился с приемами Ахмет-Зека. Большинство бежавших снова попадались в его руки. Верпер не раз слышал ужасающие крики этих дерзтиров, когда их пытали перед казнью.

— Кто пойдет на север с женщиной? — спросил он.

Ахмет-Зек на минуту задумался. Золото, зарытое у дома англичанина, представляло значительно большую ценность, чем сумма, которую можно выручить за эту женщину. Ему необходимо было избавиться от нее как можно скорее. Араб, знающий все дороги и племена страны, легко сможет скрыться на севере с деньгами, вырванными за продажу женщины. Верперу же вряд ли удастся скрыться в стране, столь враждебной европейцам, а Ахмет-Зек со своей стороны постарается, чтобы отряд, который будет сопровождать бельгийца, состоял из надежных людей. Наконец Ахмет-Зек заговорил:

— Я не вижу необходимости обоим возвращаться за золотом. Ты поедешь на север с женщиной. Я дам тебе письмо к моему приятелю, который знает все рынки для этого товара. Мы встретимся здесь после того, как покончим со своими делами.

Верпер с трудом скрыл свою радость. Они принялись обсуждать подробности предстоящих путешествий, а потом Верпер простился и удалился в свою палатку. С наслаждением вымывшись, он прикрепил небольшое ручное зеркальце в задней стене палатки, придвинул грубый стул к неотесанному столу и, вооружившись бритвой, принялся удалять со своего лица густую, жесткую растительность.

Отгнав на время усталость, Верпер после бритья развалился на хромом стуле, чтобы выкурить перед сном папиросу. Засунув большие пальцы обеих рук за пояс, он нащупал драгоценный мешочек, привязанный на ремешке вокруг пояса. Он вздрогнул от радостного волнения, когда подумал о самоцветах.

Что сказал бы Ахмет-Зек, если бы узнал о них? Верпер злорадно усмехнулся. Как засверкали бы глаза старого мошенника, если бы только он мог взглянуть на это сокровище! Верпер не имел еще возможности полюбоваться камешками, он даже не пересчитал их и только приблизительно догадывался о том, сколько они должны стоить. Он расстегнул пояс и вынул заветный мешочек, взвесил в одной руке, потом в другой и, медленно повернув стул к столу, при свете маленькой коптящей свечи высыпал содержимое мешочка на грубые неотесанные доски.

Яркая, сверкающая игра камней превратила внутренность неопрятной убогой палатки в великолепный дворец в глазах замечтавшегося бельгийца. Он представлял себе, как перед ним, владельцем сказочного богатства, раскрываются двери золоченых палат; он думал о власти, о наслаждениях и роскоши, которые ему всегда были недоступны.

Какое-то отражение шевельнулось на поверхности маленького зеркальца и вернуло Верпера к действительности. Он еще раз взглянул в глубину зеркальца и увидел в нем мрачное лицо Ахмет-Зека, выглядывавшее из складок занавеси у входа в палатку.

Верпер едва подавил крик ужаса. С редким самообладанием он медленно перевел свой взгляд на стол, словно и не глядел в зеркало. Он, не торопясь, вложил драгоценные камни обратно в мешочек, запрягал его к себе за пазуху, вынул из портсигара папиросу, закурил

ее и встал. Зевая и потягиваясь, он медленно повернулся к дверям палатки. Лица Ахмет-Зека уже не было видно в складках занавески...

Сказать, что Альберт Верпер был испуган, было бы мало. Он сознавал, что Ахмет-Зек никогда не позволит никакому богатству проскользнуть у него между пальцев. Бельгиец медленно приготовился ко сну. Он не знал, следили ли за ним, но, если бы кто-нибудь и следил, то не мог бы подметить и следов нервного беспокойства, которое Верпер тщательно старался скрыть.

Два часа спустя складки в передней части палатки раздвинулись, и темный силуэт нырнул внутрь. В руке его был длинный нож. Он бесшумно приблизился к груди одеял, разостланных на нескольких ковриках. Быстро и легко пальцы нащупали под одеялом тело Альберта Верпера. Огромная рука поднялась в воздухе, остановилась на мгновение и опустилась. Еще и еще подымалась и опускалась рука с ножом. Но тело было совершенно безжизненно, и это поразило убийцу. Он лихорадочно откинул покрывало и стал искать сумочку, которую рассчитывал найти на труп своей жертвы.

Через мгновение он выпрямился с проклятьем. Ахмет-Зек под покрывалами нашел только груды платья, сложенного так, что оно имитировало спящего человека. Верпер бежал...

Ахмет-Зек бросился наружу, грозным голосом созывая сонных арабов. Они высыпали из своих палаток. Но тщетно обыскивали они деревню — Альберта Верпера и след простыл. В бешенстве Ахмет-Зек велел седлать коней, и, несмотря на то, что ночь была непроглядно темна, арабы выехали из деревни и рассыпались по лесу в поисках беглеца.

Мугамби, прятавшийся весь день в густом кустарнике, проскользнул, никем не замеченный, в ворота. Кучка черных стояла у ворот, глядя вслед уезжавшим, и, когда последний араб выехал из деревни, чернокожие стали запирают ворота, а Мугамби помогал им. В темноте его приняли за своего и даже не окликнули.

В течение целого часа Мугамби исследовал многочисленные хижины и палатки, стараясь определить, где находится его госпожа. Наконец он наткнулся на хижину, у которой стоял часовой. Мугамби спрятался в тени за углом и стал ждать. Пришел другой часовой — сменить своего товарища.

— Пленница на месте? — спросил вновь пришедший.

— Да, она здесь! — отвечал первый часовой. — Никто не переступал этого порога с тех пор, как я здесь стою. Сменщик присел на корточки у дверей, а его товарищ ушел спать.

Мугамби подкрался ближе. В руке он сжимал толстую узловатую палку. Ничто не нарушало его хладнокровия, хотя сердце переполнилось радостью, когда он убедился, что леди действительно здесь. Часовой сидел спиной к чернокожему великану. Узловатая дубина опиралась на его голову. В тишине раздался звук тупого удара — и часовой безжизненно обмяк.

Через мгновение Мугамби уже обшаривал внутренность хижины, сначала осторожно, выкликая шепотом: «Леди!», потом с яростной поспешностью, пока истина не предстала перед ним во всей своей ужасной простоте: хижина была пуста!

XI

Тарзан снова становится зверем

Несколько мгновений Верпер стоял над спящим Тарзаном с поднятым ножом, но страх остановил его. Что, если первый удар не попадет в сердце его жертвы? Верпер содрогнулся при мысли, что ожидает его в таком случае.

Верпер изменил свое намерение. Драгоценные камни принадлежали теперь ему. Остаться здесь дольше — значит погибнуть. Он повернулся и стал украдкой пробираться сквозь тростник, направляясь к далекому лесу.

Тарзан все еще спал. Куда девалась та необыкновенная чуткость, которая всегда охраняла его от неожиданных опасностей? Страшный удар по голове, полученный им при землетрясении в Опаре, на время притупил его чувства. Тростник зашелестел и раздвинулся, и в двух шагах от спящего показалась массивная голова льва. Зверь остановился и, увидев спящего человека, поджал задние лапы, а хвост его стегал по воздуху из стороны в сторону.

Удары хвоста по тростнику разбудили Тарзана. Обитатели джунглей просыпаются живо — и в самый момент пробуждения они уже обладают сознанием и в состоянии управлять собой. Не успел Тарзан открыть глаза, как уже был на ногах с копьем в руке, готовый к нападению. Он снова был Тарзаном из племени обезьян, чутким, бдительным, проворным.

Нет таких двух львов, которые обладали бы одинаковыми характерами, да и один и тот же лев при одних и тех же обстоятельствах не всегда поступает одинаково. Что руководило львом — удивление, страх или осторожность? Он повернулся и прыгнул назад в тростник, в то время как Тарзан вскочил на ноги.

Тарзан пожал плечами и огляделся, ища своего товарища. Того нигде не было видно. Сначала Тарзан подумал, что Верпер схвачен и унесен другим львом, но, осмотрев следы на песке, пришел к убеждению, что бельгиец ушел один через равнину. На мгновение он был озадачен, но потом решил, что Верпер испугался, услышав приближение льва, и в страхе бежал. Презрительная улыбка появилась на губах Тарзана, когда он подумал о том, что товарищ не потрудился даже предупредить его об угрожающей опасности. Что ж? Тарзан не станет его искать.

В ста ярдах одиноко подымалось большое дерево. Тарзан подошел к нему, взобрался наверх и, найдя удобный сук, приготовился ко сну.

Солнце стояло уже высоко в небе, когда Тарзан проснулся. Его мозг, возвращенный в примитивное состояние, не был занят никакими другими мыслями, кроме сознания необходимости добывать себе пищу и защищать свою жизнь. На этот раз именно голод разбудил его. Его взгляд скользил по опустошенным полям и лугам лорда Грейстока, но Тарзан-обезьяна не узнал этой местности. Как чужой, смотрел он на движущиеся фигуры Басули и его воинов. Последние приготовляли себе завтрак и собирались в поход, чтобы отомстить за разгром дома их господина.

Человек-обезьяна с любопытством оглядывал чернокожих. Где-то в глубине его сознания мелькала мысль, что все это имело какое-то отношение к нему, но он никак не мог связать свою новую жизнь, с которой ему пришлось встретиться после того, как он выбрался из темных подземелий Опара, с каким-нибудь событием из его прошлой жизни.

Словно сквозь туман вспомнил он безобразную и страшную фигуру, волосатую, свирепую. Память вернула его к детству. Это была огромная обезьяна-самка Кала, его приемная мать. Рядом с ней в памяти его вставали и другие: Теркоз, Тублат, Керчак и еще одна — Тика, маленькая подруга детских игр Тарзана. Картины детства, проведенного среди обезьян, одна за другой возникали перед ним, и по мере того, как они становились ярче и яснее, в нем просыпалось желание вновь очутиться среди этих мохнатых зверей с нависшими бровями.

Он видел, как чернокожие потушили огонь своего костра и ушли, но хотя лицо каждого из них еще недавно было ему так же хорошо знакомо, как его собственное, вид их не пробудил в нем никаких воспоминаний.

На широкой равнине паслись стада диких животных. Тарзан наметил себе жертву среди небольшого стада лоснящихся зебр. Он продвигался на четвереньках или полз на животе. Тарзан остановил свой выбор на самке, но и на этот раз им руководил лишь один инстинкт. Он приготовил копые и осторожно подтянул под себя ноги. Одним быстрым движением он поднялся, метнул тяжелое копые в бок самки и сам прыгнул тотчас же к ней с охотничьим ножом в руке.

Секунду животные стояли неподвижно, оцепенев от неожиданности. Потом самка закричала от боли и испуга, и они бросились бежать. Но Тарзан-обезьяна мог пробежать несколько ярдов с той же скоростью. Он догнал самку и одним прыжком очутился у нее на спине. Она повернулась, стараясь лягнуть и укусить своего врага. Тарзан крепко держался одной рукой за короткую гриву. Молодая зебра боролась храбро и ожесточенно, но коварный нож вонзился ей прямо в сердце, и она грохнулась на землю. Человек-обезьяна поставил ногу на ее туловище и огласил равнину победным криком Мангани.

Тарзан поднял свою жертву и перенес ее под куст, за которым он сам раньше прятался. Усевшись на труп зебры, он отрезал большой кусок от задней части животного и принялся утолять голод теплым, сочащимся кровью мясом. Из-за кустарника вдруг появились две гиены, привлеченные пронзительным криком зебры. Тарзан оскалил зубы и зарычал. Гиены ответили тем же и отошли немного назад. Они уселись на порядочном расстоянии от него и не сводили глаз. Насытившись, Тарзан отрезал несколько кусков мяса про запас и направился к реке. Дорога лежала мимо гиен, и Тарзан не счел нужным изменять из-за них свой путь.

Со спокойным величием льва Нумы он шел прямо на ворчащих животных. Сначала они вызывающе оцетинились, но потом отодвинулись в сторону, уступая дорогу могучему человеку-обезьяне. Спустя минуту они уже разрывали остатки зебры.

У реки Тарзан утолил жажду и выкупался. Он спрятался от жары в тени развесистого дерева неподалеку от своих разрушенных амбаров. Его глаза были устремлены в ту сторону равнины, где начинался густой лес. Желание окунуться в его таинственную глубину довольно долго занимало мысли Тарзана. Он решил, что со следующим восходом солнца уйдет в лес. Ему незачем было торопиться. Сожаление о прошлом и опасения за будущее не омрачали сознания Тарзана. Он мог целыми днями лежать, вытянувшись во весь рост на качающейся ветке, потягиваясь всеми своими членами и наслаждаясь благословенным покоем абсолютной безопасности; никакие заботы, никакие сомнения не нарушали его умственного покоя. Лорд Грейсток перестал существовать.

Несколько часов Тарзан тихонько раскачивался на своем лиственном ложе. Почувствовав голод и жажду, он слез с дерева и медленно двинулся к реке. Протопанная зверьями тропинка, по которой он шел, напоминала узкую длинную канаву. По обеим ее сторонам возвышались зеленые стены, образованные непроходимым густым кустарником и деревьями, обвитыми сверху донизу толстыми лианами. Тарзан почти вышел к реке, когда навстречу показалось целое семейство львов. Они возвращались с реки — взрослый лев, две львицы и четверо молодых львов. Тарзан остановился и зарычал, остановилось и львиное семейство. Большой лев обнажил клыки и испустил глухой, предостерегающий рев.

Человек-обезьяна сжимал в руке свое копье, но он не рассчитывал с таким ничтожным оружием вступать в бой с семью львами. Он стоял на месте, ворча и рыча, львы отвечали тем же. Это была одна из тех встреч, которые часто случаются в джунглях. Каждая сторона старалась опугнуть другую. Ни та, ни другая не хотела уйти назад и уступить дорогу, и в то же время не хотела первой начать битву. Львы были слишком сыты, чтобы прельститься такой добычей. Трудно сказать, как долго продолжалось бы это бескровное сражение. В конце концов Тарзану пришлось бы все равно уступить более сильному по численности врагу.

Конец этому бессмысленному положению был неожиданно положен персонажем совершенно посторонним. Тарзан вместе со львами производил такой шум, что и не почувствовал, как сзади какая-то огромная туша стремительно несется прямо на него. Он опомнился только тогда, когда она была уже совсем близко и спасение казалось невозможным. Обернувшись, он увидел Буто-носорога. Но сознание было так неразрывно связано с мускулами у этого первобытного, не испорченного культурой человека, что в тот же момент он мгновенно повернулся и воткнул копье в грудь Буто. Копье вонзилось в тело носорога в том месте, где шея соединяется с левым плечом, и почти насквозь пробило тело животного. Тарзан сделал большой прыжок и опустился на спину носорога, миновав большой твердый рог.

Маленькие свиные глазки носорога яростно засверкали. Он заметил львов и бешено кинулся на них. Тарзан в это время уцепился за спутанную сетку ползучих растений и очутился на дереве. Первый лев сразу был поднят могучим рогом обезумевшего зверя, растоптан и отброшен в сторону. Остальные шесть бросились на носорога, яростно кусая и парая его, а он топтал их и колот своим рогом. С высоты своего убежища Тарзан

с интересом наблюдал за горячей схваткой, потому что высшие обитатели джунглей любят созерцать такие столкновения. Для них это такое же развлечение, как для нас театры и спорт. Вначале Тарзану казалось, что Буто выйдет победителем. Он уже покончил с четырьмя из семи и жестоко ранил остальных, как вдруг во время короткой передышки неожиданно опустился на колени, перевернулся на бок и замер.

Копье Тарзана сделало свое дело. Оружие, сделанное руками человека, убило зверя, который мог бы отразить нападение семи львов; копье Тарзана прокололо здоровые легкие, и Буто свалился от внутреннего кровоизлияния, когда победа его была уже совсем близка.

Тарзан спустился вниз; раненые львы, ворча и визжа от боли, поторопились убраться с места роковой битвы. Тарзан вытащил копье из тела Буто, отрезал кусок мяса и скрылся в джунглях.

XII

Ла хочет мстить

Описав большой круг, Тарзан вышел к реке в другом месте. Здесь он напился и опять взобрался на дерево. Он охотился, совершенно забыв о прошлом и мало думая о будущем. А в это время пятьдесят страшных, волосатых мужчин с кривыми, короткими ногами, вооруженные ножами и большими дубинами, двигались за прекрасной полунагой женщиной. Это Ла, верховная жрица огненного бога, и ее жрецы пустились в далекий путь на поиски дерзкого похитителя их священного жертвенного ножа.

Никогда прежде Ла не переступала за каменную ограду Опара, ибо в этом не было необходимости. Исчез жертвенный нож! Переходя из рук в руки через неисчислимые века, он достался ей по наследству от одного из погибших и забытых атлантов как символ религиозного авторитета и царственной власти. Исчезновение драгоценной короны или великой печати Англии не могло бы привести британского короля в большее отчаяние и уныние, чем то, в которое повергла Ла, верховную жрицу и царицу города Опара, кража священного ножа.

Негодование, злоба и ненависть кипели в душе Ла. Религиозное усердие фанатика, алтарь которого был осквернен, усиливалось гневом оскорбленной женщины. Дважды бросала она свое сердце к ногам богоподобного человека, и дважды он оттолкнул его.

Ла знала, что она прекрасна: она действительно была хороша не только с точки зрения доисторических атлантов, но и на взгляд наших современников. До первого прихода Тарзана в Опар Ла никогда не видела мужчину, если не считать уродливых, кривоногих полубезьян Опара. С одним из них она должна будет соединиться рано или поздно для того, чтобы не прерывалась прямая линия верховных жриц.

В легендах Опара говорилось о богоподобных мужах далекого прошлого и о черных мужчинах, которые приходили сюда не так давно, но последние всегда были врагами и приходили, чтобы грабить и убивать. Эти легенды поддерживали надежду в народе Опара, что в один прекрасный день неведомый материк подымется из волн Атлантического океана и придет резные, украшенные золотом галеры на помощь своим несчастным изгнанникам-потомкам.

Приход Тарзана пробудил в сердце Ла безумную надежду на то, что исполнение древнего предсказания близко. До этого она была холодной, бессердечной женщиной, дочерью тысячи других холодных, бессердечных,

прекрасных женщин, которые никогда не знали любви. И когда любовь пришла к ней, она пробудила страсть, дремавшую в тысячах поколений, и Ла превратилась в один пылающий, трепещущий порыв. И когда этот порыв встретил препятствие, вся великая сила любви, нежности и самопожертвования была переплавлена в чувство великой ненависти и жадной мщеница.

Обуреваемая этими страстями, Ла вела свое шумное воинство, чтобы вернуть священный символ ее высокого назначения, и наказать дерзкого злодея, причинившего ей столько мучений. С какой радостью будет она смотреть на предсмертные судороги Тарзана! Какие пытки она придумает для него! Она заставит его умирать долгой, мучительной смертью.

Ла и ее жрецы не были знакомы с жизнью джунглей, но их было много, и это уже само по себе было достаточной защитой. Они ушли уже далеко от дома и без особых происшествий продвигались по следам Вернера и Тарзана. Их сопровождали три большие обезьяны, которые должны были выслеживать жертву, потому что жрецы не умели этого делать. Ла определяла порядок похода, она выбирала место для стоянки, назначала час для отдыха, и, хотя она была совершенно неопытна в этих вещах, природным умом настолько превосходила своих жрецов и обезьян, что делала все гораздо лучше, чем сделали бы это они.

Много дней продолжалось их путешествие. Однажды во время полуденной остановки, когда все лежали, отдыхая от утомительной ходьбы, одна из обезьян внезапно поднялась и стала обнюхивать воздух. Несколькими гортанными звуками она приказала всем замолчать и, поднявшись на дерево, побежала в ту сторону, откуда ветер донес запах человека. Жрецы безмолвно окружили Ла. Им недолго пришлось ждать. Через несколько минут обезьяна появилась из густых зарослей джунглей, подошла прямо к Ла и обратилась к ней на языке больших обезьян.

— Большой Тармангани спит. Пойдем и убьем его.

— Не смейте убивать его! — приказала Ла. — Приведите Большого Тармангани ко мне живым и невредимым. Месть принадлежит мне.

Зловещий отряд осторожно пробирался сквозь джунгли, предводительствуемый большой обезьяной. Она остановила жрецов неподалеку от большого дерева. На массивной низкой ветке лежал Тарзан, вытянувшись во весь рост. Даже во сне одна его рука обхватила толстую ветку, а сильная коричневая нога вытянулась вперед и тоже обвилась вокруг ветки.

Он проснулся лишь тогда, когда три обезьяны навалились на него всей своей тяжестью и сбросили на землю. Он был совершенно оглушен падением и не успел опомниться, как пятьдесят ужасных волосатых мужчин окружили его. В один момент Тарзан стал центром кусающей, кричащей, дерущейся толпы. Они медленно одолевали его, хотя вряд ли нашелся среди них один, который не испытал бы на себе тяжелых кулаков и острых влыков Тарзана.

XIII

Приговоренный к смертной казни

Ла недолго пришлось ждать, через несколько минут Тарзан, связанный, беспомощный, лежал у ее ног.

— Поставьте мне палатку! — распорядилась она. — Мы здесь переночуем, а завтра перед лицом огненного бога Ла принесет в жертву сердце осквернителя храма. Где священный нож? Кто взял его у Тарзана?

Но никто не видел ножа, и все уверяли, что Тарзан не имел при себе священного орудия, когда его схватили. Тарзан посмотрел на отвратительных, грозящих ему уродцев и презрительно заворчал. Он взглянул на Ла и улыбнулся. Смерть не испугала его.

— Где нож? — спросила его Ла.

— Я не знаю, — отвечал Тарзан. — Тот человек унес его с собой, когда убежал от меня. Зачем нужен вам этот нож? Вы можете сделать себе другой, точно такой же. Неужели только ради ножа вы преследовали нас? Отпустите меня, и я найду его и принесу вам.

Ла горько рассмеялась. В глубине души она сознавала, что не за одно похищение жертвенного ножа собиралась она предать его казни; но когда она взглянула на него, связанного и беспомощного, слезы навернулись у нее на глаза, и она отвернулась, чтобы скрыть их. Но осталась непреклонна в своем решении жестоко наказать Тарзана за то, что он осмелился отвергнуть ее любовь.

Когда жрецы раскинули палатку, Ла велела принести туда Тарзана.

— Всю ночь я буду пытаться его, — сказала она жрецам, — а с первыми лучами зари приготовьте пылающий алтарь, и я принесу его в жертву огненному богу.

Вплоть до заката солнца жрецы были заняты устройством жертвенника. Во время работы они пели заунывные гимны на древнем языке Атлантиды. Они не знали смысла слов, они только повторяли молитвы, переходившие от учителя к ученику, еще с тех незапамятных времен, когда хвостатые предки первобытного человека раскачивались на деревьях в сырых, болотистых джунглях, там, где теперь находится Англия.

Под сенью палатки Ла ходила вокруг связанного по рукам и ногам Тарзана. Тарзан был готов к смерти. Его могучие мускулы не в состоянии были одолеть множество веревок, связывавших его руки и ноги — он уже не раз тщетно пытался разорвать их. И все же он улыбался Ла.

А Ла? Она смотрела на его божественно прекрасное тело, на улыбающееся лицо и заставляла себя думать о том, что он отверг ее любовь. Законы огненного бога повелевают покарать нечестивого, который осквернил святая святых, который украл с запятого кроваво жертвенника Опара жертву огненного бога, и не один, а три раза. Три раза Тарзан обманул бога ее отцов! Ла остановилась и опустилась на колени подле человека-обезьяны. Она приложила острие ножа к боку Тарзана и надавила на рукоятку. Но Тарзан улыбнулся и пожал плечами.

Как он был красив! Она сравнивала его с кривыми, уродливыми полулюдьми, среди которых должна выбрать супруга, и вздрогнула при этой мысли.

Наступили сумерки, а за ними пришла и ночь. Перед глазами верховной жрицы огненного бога вставала картина завтрашнего торжества. Она видела, как это прекрасное, гигантское тело извивается в пламени костра, как обгорают и обугливаются эти улыбающиеся губы над крепкими белыми зубами. Она ясно представляла, как огненные языки слизывают густую, черную, всклокоченную гриву этой красивой головы. Но было ли чувство, которое испытывала Ла, ненавистью?

Темная африканская ночь спустилась над лагерем, освещенным только неровным светом костра. Тарзан страдал от жажды и острой боли, причиняемой ему туго затянутыми веревками на кистях и щиколотках, но не жаловался. Он знал, что судьба его решена, что никакие мольбы не смягчат сурового приговора, и не тратил вре-

мени на упрасивания, веря, что его мучения не могут продолжаться вечно. В это время кто-то подбросил новую охапку сучьев в костер, и яркое пламя внезапно осветило внутренность палатки и прекрасное лицо лесного бога. Любовь, которую Ла почувствовала к нему, увидев его впервые, и которую она лелеяла долгие годы, мечтая о нем, захлестнула женское сердце. Не нужно пытки! Смерть, немедленная смерть дерзкому осквернителю святыни! Один удар тяжелого лезвия, а труп туда, в объятия пылающего костра! Рука занесла нож в воздухе и остановилась, готовясь к удару, — и Ла, слабая женщина, упала без сил на тело любимого человека.

Ее руки в немой ласке скользили по его обнаженной груди, она покрывала его лоб, глаза, губы горячими поцелуями, она прикрыла его своим телом, словно защищая его от ужасной судьбы, которую сама же ему приготовила, и дрожащим, жалобным голосом умоляла его о любви. Бурная, безумная страсть овладела прислужницей огненного бога, в течение нескольких часов она не могла совладать с собой, но наконец сон одолел ее, и она задремала. А Тарзан, не тревожась за будущее, спокойно спал в объятиях Ла.

При первых проблесках зари Тарзан был разбужен пением жрецов города Опара. Начатое в тихих, мягких тонах, пение быстро перешло в дикий вопль кровавого вождения.

Ла зашевелилась, ее прекрасная рука крепче прижала к себе Тарзана, улыбка появилась на губах, и она проснулась. Но когда значение погребальных песнопений дошло до ее сознания, улыбка сошла с лица, глаза расширились от ужаса.

— Люби меня, Тарзан! — воскликнула она. — Люби меня — и ты будешь спасен!

Веревки, связывавшие Тарзана, остановили кровообращение и причиняли ему страдание. С сердитым ворчанием он повернулся на бок спиной к Ла. Это был его ответ. Верховная жрица вскочила, горячая краска стыда, залившая на мгновение ее щеки, сменилась смертельной бледностью.

— Сюда, жрецы огненного бога! — крикнула она. — Приготовьтесь к жертвоприношению.

Кривоногие уроды поспешили на зов своей повелительницы и вошли в палатку. Они подняли Тарзана, вынесли его из палатки, и, продолжая путь, отмечали такт, покачиваясь из стороны в сторону на своих кривых ногах.

За ними шла Ла. Лицо верховной жрицы было бледно от мук неразделенной любви и ужаса предстоящего обряда. Но Ла была тверда в своем решении. Невярный должен умереть. Презревший ее любовь получит возмездие на пылающем костре за оскорбление. Она видела, как они положили прекрасное тело на жесткие ветки. Верховный жрец вопросительно взглянул на нее; факел догорал, и огонь уже обжигал его руки, а хворост был так маляще близок. Тарзан закрыл глаза и ждал конца. Он знал, что будет страдать и умрет, но не боялся. Смерть — не событие для того, кто вырос в джунглях, она поджидает на каждом шагу, следует по пятам в течение дня и ложится рядом по ночам. Человек-обезьяна вряд ли задумывался над тем, что ожидает его после смерти.

Он почувствовал, что Ла наклонилась над ним, открыл глаза и увидел бледное, измученное лицо и слезы, застилавшие ее глаза.

— Тарзан, Тарзан! — простонала она. — Скажи мне, что ты любишь меня, что ты вернешься со мною в Опар — и ты будешь жить. Я спасу тебя, несмотря на гнев моего

народа. В последний раз я спрашиваю: что ты ответишь мне?

Рядом стоял дикий фанатик с отвратительным звериным лицом, готовый по первому ее приказанию поджечь костер. Этот урод должен будет стать ее супругом, если она не найдет другого, менее отталкивающего. Ла вздрогнула. Тяжело дыша, она наклонилась над Тарзаном.

— Да или нет? — прошептала она.

Из глубины джунглей донесся слабый звук, который наполнил сердце Тарзана надеждой на спасение. Он издал резкий, пронзительный крик, который заставил Ла отступить на несколько шагов. Нетерпеливый жрец ворчал, перекидывая факел из одной руки в другую и все ближе поднося его к смолистым сучьям.

Звук, привлечший внимание Тарзана, приближался; теперь и другие слышали его. Это был резкий рев слона. Когда Ла наклонилась над Тарзаном, пытаясь прочесть свой приговор в его глазах, она увидела, как тень заботы пробежала по его лицу. Только теперь она сообразила, что обозначал его пронзительный крик. Он призывал Тантора-слона на помощь. Брови Ла нахмурились, дикий огонек появился в ее глазах.

— Ты отказываешься от Ла? — вскрикнула она. — Так умри же! Огонь! — коротко приказала она, повернувшись к жрецу.

— Тантор идет сюда, — сказал Тарзан. — Я думал, что он спасет меня, но теперь я слышу по его голосу, что он убьет всех, кто попадетс я ему на пути. Он найдет тех, кто попытается спрятаться, потому что Тантор охвачен любовным безумием.

Ла хорошо знала, как свирепеет слон-самец, обезумевший от любви. Тарзан не преувеличивает. Трудно предсказать заранее, что сделает животное, потерявшее над собой контроль.

— Я не могу любить тебя, Ла! — тихим голосом говорил Тарзан. — Я и сам не знаю почему: ведь ты так красива. Я не мог бы жить в Опаре, мой дом — просторные дикие джунгли. Нет, я не могу любить тебя, но и не могу допустить, чтобы ты умерла, пронзенная клыками Тантора. Перережь веревки, и я еще смогу спасти тебя!

Тоненькая струйка дыма поднялась над костром, сухие сучья затрещали, охваченные пламенем. Огненные языки все ближе подползали к Тарзану. Из леса донесся треск ломаемых ветвей и вывороченных стволов. Тантор приближался. Беспокорство овладело жрецами. Они бросали пугливые взгляды назад и вопросительно смотрели на Ла.

— Бегите! — приказала она и, наклонившись над пленником, перерезала связывавшие его веревки.

Тарзан вскочил на ноги. Возмущенные жрецы закричали от гнева и возмущения. Жрец, поджегший костер, бросился к Ла.

— Изменница! — крикнул он, поднимая дубину, — теперь и ты умрешь!

Тарзан прыгнул вперед и вырвал дубину из рук разъяренного уroda. Жрец накинулся на него, кусая и царапая.

Схватив кривоногого жреца своими мощными руками, Тарзан поднял его высоко над головой и бросил в толпу фанатиков, собиравшихся уже кинуться на своего недавнего пленника. Ла не выказала и тени испуга; только гордое презрение к жрецам и восхищение перед человеком, которого она так безнадежно любила, можно было прочесть на ее прекрасном лице.

В это время огромный, обезумевший слон выскочил на поляну из-за деревьев. Тарзан моментально повернулся к Ла, схватил ее на руки и помчался к ближайшему дереву. Слон со свирепым ревом гнался за ним. Белые руки Ла

крепко обвилились вокруг шеи Тарзана. Она почувствовала, как он подпрыгнул в воздухе и стал взбираться на дерево, стараясь уйти подальше от жилистого хобота толстокожего.

Увидя, что его жертвы ускользнули, слон бросился за разбежавшимися во все стороны жрецами. Он поднял ближайшего из них клыками и швырнул высоко на дерево. Другого он обхватил хоботом и стал яростно колотить о ствол, пока несчастный жрец не превратился в сплошную кровавую массу. Слон бросил его на землю и кинулся вслед за убежавшими.

Еще двое жрецов погибли, раздавленные гигантскими ногами, остальные успели скрыться в чаще джунглей. Внимание разъяренного великана снова обратилось к Тарзану. В джунглях издавна была известна дружба, которая существовала между Тарзаном и племенем Тантора. Ни один слон не причинил бы зла Тарзану, белой обезьяне. Но охваченный любовным безумием, самец хотел уничтожить своего старого друга.

Тантор вернулся к дереву. Он уперся передними ногами в ствол и, вытянув свой длинный хобот, пытался достать им до Тарзана. Но человек-обезьяна заранее предвидел это и забрался на самую верхушку дерева, до которой не мог дотянуться хобот слона. Это довело обезумевшего Тантора до иступления. Земля содрогалась от его рева и визга. Упершись головой в ствол, он изо всех сил начал толкать его; дерево наклонилось, но не упало.

Странно вел на этот раз себя Тарзан. Если бы Нума, Сабор, Шита или какой-нибудь другой зверь джунглей хотели погубить его, человек-обезьяна прыгал бы на дереве, закидывая своего врага импровизированными снарядами и всячески издеваясь над ним. Но сейчас он сидел совсем тихо на недостигаемой вышине, и на его красивом лице было выражение глубокой печали и жалости.

Тарзан любил Тантора больше всех обитателей джунглей. Если бы у него была возможность убить слона, он не сделал бы этого. Пройдет пора дикой страсти — и Тантор станет прежним добрым Тантором, и Тарзан снова сможет вытянуться во весь рост на широкой спине животного и нашептывать сказки в большие отвислые уши.

Видя, что дерево не валится от его толчков, Тантор рассвирепел еще больше. Он обернул хобот вокруг ствола, широко расставил огромные ноги и начал дергать дерево, стараясь вырвать его с корнями. К изумлению Тарзана, дерево стало медленно поддаваться. Маленькие холмики образовались у подножия, оно закачалось... Еще момент, и оно будет вырвано и брошено на землю.

Тарзан взвалил Ла на спину и в тот момент, когда дерево стало медленно склоняться к земле, перепрыгнул на стоявшее рядом меньшее дерево. Это был чрезвычайно опасный скачок: Ла закрыла глаза и вздрогнула. Тарзан по ветвям деревьев пробрался дальше в лес.

Вырванное с корнями дерево с грохотом повалилось на землю, сминая мелкие, встретившиеся на его пути. Тантор, убедившись, что его добыча скрылась от него, яростно затрубил и бросился в погоню.

XIV

Женщина побеждает жрицу

Вначале Ла зажмурилась и в ужасе прижалась к Тарзану, но через минуту она набралась храбрости и приоткрыла глаза. Тарзан буквально летел по верхушкам деревьев, огромными прыжками перескакивая с одного дерева на другое; но теперь Ла уже не боялась. Она чувствовала себя в полной безопасности, так велика была ее вера в это необыкновенное существо.

Странное существо была Ла из Опара; вся сотканная

из противоречий и меняющаяся, как капризный ребенок. Жестокая и кровожадная прислужница безжалостного бога, трогательно мягкая женщина, вся — нежность и сострадание. Воплощение ревности и мстительности, и рыдающая девушка, великодушная и всепрощающая, в одно и то же время — девственно чистая и развратная, но всегда женщина.

Какой-то злополучный жрец, искавший убежища в джунглях, показался на глаза взбешенному Тантору. Животное повернулось, набросилось на него, подняло на бивни, отбросило в сторону и, отвлеченное от своей цели, повернуло на юг и скрылось в чаще. Через несколько минут рев его затерялся в отдалении.

Тарзан спустился на землю, и Ла соскользнула с его спины.

— Созови свой народ! — сказал Тарзан.

— Они убьют меня, — возразила Ла.

— Никто не убьет тебя, пока Тарзан из племени обезьян с тобою. Позови их, и мы поговорим с ними.

Ла издала странный, необыкновенный звук, похожий на пассаж флейты, и он разнесся далеко по лесу. Раздались ответные клики на лающем языке жрецов Опара: «Мы идем, мы идем!»

В одиночку и небольшими кучками из глубины леса стали появляться жрецы, и вскоре большая часть свиты приблизилась и остановилась неподалеку от верховной жрицы и ее спасителя.

Когда собрались все, Тарзан обратился к ним:

— Ваша Ла цела! — сказал он. — Если бы она убила меня, она сама была бы теперь мертва, да и многих из вас уже не было бы в живых. Но она пощадила меня, чтобы я мог спасти ее. Идите с ней своей дорогой назад к Опару, а Тарзан пойдет в джунгли. Да будет всегда мир между Тарзаном и Ла! Я жду ответа.

Жрецы заворчали. Они не хотели взять Ла назад, они хотели совершить свой обряд и принести Тарзана в жертву огненному богу.

Это надоело Тарзану.

— Вы исполните приказание вашей повелительницы, — сказал он нетерпеливо, — и вернетесь с ней в Опар, или же Тарзан из племени обезьян созовет обитателей джунглей и убьет вас всех. Я не знаю, где ваш священный нож, но вы можете сделать другой. Обещаете ли вы мне, что вернетесь с Ла в Опар и не причините ей зла?

Жрецы собрались в кучу, совещаясь и споря. Они ворчали и лаялись между собой, и Тарзану стало наконец ясно, что один из них мешал согласию. Гнев и ревность переполняли сердце верховного жреца; его возмущало, что Ла открыто призналась в своей любви к чужеземцу; в то время как по обычаю она должна была принадлежать ему.

Задача казалась неразрешимой. Наконец другой жрец выступил вперед и, подняв руку, обратился к Ла.

— Кадж, верховный жрец, хочет вас обоих принести в жертву огненному богу, — объявил он, — но все мы, кроме Каджа, с радостью вернулись бы в Опар с нашей повелительницей.

— Вас много против одного, — сказал Тарзан, — почему же вам не настоять на своем? Вернитесь в Опар с Ла и, если Кадж будет сопротивляться, убейте его!

Жрецы Опара приветствовали эту мысль громкими криками одобрения. Она казалась им внушением свыше. Долгие годы они беспрекословно покорялись каждому желанию верховных жрецов, но когда они сообразили, что могут заставить Каджа поступить, как они хотят, то обрадовались, как дети, получившие новую игрушку. Они окружили и схватили Каджа.

— Жрец! — сказал Тарзан. — Ла возвращается в свой храм. Тарзан вернется в Опар еще до наступления дождей, и если что-нибудь случится с Ла, горе тебе!

Кажд ургюмо обещал не причинять вреда своей повелительнице.

— Оберегайте ее! — крикнул Тарзан на прощанье жрецам.

— Ла будет ждать твоего прихода, мечтая и тоскуя. О, скажи же мне, что ты придешь! — в слезах воскликнула прекрасная жрица.

— Кто знает? — проговорил Тарзан и, быстро вскочив на дерево, направился на восток. Он бежал по верхнему ярусу деревьев, пока ночная мгла не спустилась над джунглями. Тогда он лег в густой листве и заснул крепким сном. Мысль о завтрашнем дне не тревожила его сознания, и даже образ Ла казался воспоминанием далекого прошлого.

Прошло два дня со времени бегства Верпера. Тарзан вспомнил о красивых камешках, и ему захотелось снова поиграть ими. А так как у него не было никаких неотложных дел, он решил отправиться на равнину и откопать сумочку.

Хотя там, где были зарыты камешки, не осталось никакого знака, и место ничем не отличалось от любой другой пяди земли на узкой полосе, тянувшейся на несколько верст до линии, где тростники переходили в луга, — тем не менее Тарзан безошибочно, с твердой уверенностью направился прямо к месту.

Охотничьим ножом он раскопал неплотно лежавшую землю, но, хотя вырытая яма была глубже той, которую он выкопал в первый раз, он не нашел ни сумочки, ни драгоценных камней. Тарзан понял, что его ограбили, и брови его мрачно нахмурились. Ему не потребовалось долго искать виновника, и он, не задумываясь, решил отправиться вдогонку за вором.

Следы, оставленные два дня назад, в некоторых местах были совершенно стерты. Однако Тарзан легко отыскал их. Белый человек спустя двенадцать часов не мог бы их проследить и на двадцать шагов, а черный потерял бы их на первой версте, но Тарзан из племени обезьян еще в раннем детстве развил в себе чувства до такой степени, как никто из обыкновенных смертных.

На месте, где стояла нога, долгое время сохраняется ее запах. Он совершенно незаметен для нас, но для существ низшего порядка, особенно для хищников и преследуемых, он так же интересен и временами более ясен и понятен, чем для нас печатная страница.

Тарзан руководствовался, однако, не одним только обонянием. Зрение и слух его тоже были необыкновенно развиты благодаря тому, что вся его молодость прошла в джунглях, где для сохранения жизни требовались непрерывная бдительность и изощрение всех своих способностей.

Тарзан шел по следам Верпера через лес на север, но давность следов затрудняла его работу, и он продвигался вперед очень медленно. На пути ему попадались отряды диких воинов, но Тарзан старался держаться вдали от них: он преследовал определенную цель, и эти незначительные встречи не должны были отвлечь его от главного. Это были отряды Басули и его союзников, которые направлялись к сборному пункту, чтобы оттуда вместе двинуться на север и соединенными силами осадить крепость Ахмет-Зека. Но Тарзан смотрел на них как на врагов, он не помнил, чтобы он когда-нибудь был дружен с чернокожими.

Наступила ночь. Тарзан остановился около огороженной частоколом деревни араба-разбойника. Сидя высоко на дереве, он смотрел вниз, наблюдая за тем, что проис-

ходит внутри ограды. Он выжидал удобного момента, чтобы прокрасться в деревню, и в это время с наслаждением грыз толстые концы большой кости, раскалывая ее на мелкие кусочки своими сильными челюстями и высасывая восхитительный костный мозг. Но глаза его все время были прикованы к стану Ахмет-Зека.

Тарзан видел арабов в белых одеяниях и полуголых негров, но ни один из них не был похож на человека, укравшего его драгоценные камни. Он терпеливо ждал, когда в деревне воцарится ночной покой. И вот наконец улицы опустели, и все, кроме часовых у ворот, ушли спать. Тогда он спрыгнул на землю, обошел лагерь и приблизился к частоколу с противоположной стороны.

У его пояса висел длинный аркан, сделанный из сырой кожи. Он был крепче и надежнее тех травяных веревок, которыми ему приходилось пользоваться в детстве. Размотав его, Тарзан быстрым движением закинул аркан наверх на острый конец столба частоккола. Туго затянув узел, он попробовал, крепко ли он держится, быстро и ловко взобрался наверх. Свернуть веревку в кольцо и привязать ее к поясу было делом секунды. Бросив быстрый взгляд вниз и убедившись, что кругом никого нет, Тарзан осторожно спрыгнул на землю.

Перед ним тянулись длинные ряды палаток и хижин. Исследование каждой из них представляло большую опасность, но ему не нужно было входить в каждую жилище через дверь, окно или щель в стене. Он мог по запаху определить, находилась ли внутри его добыча. Наконец он подошел к палатке, около которой почувствовал запах вора. Тарзан прислушивался, приложив ухо к полотну палатки, но изнутри не доносилось ни звука.

Он обрезал веревку у колка и, приподняв край палатки, просунул голову внутрь. Внутри было темно и тихо. Тарзан осторожно вполз в палатку — запах бельгийца был очень силен, но это не был живой запах. Прежде чем палатка была осмотрена, Тарзан уже знал, что в ней никого нет.

Он тщательно обыскал все углы, но не нашел драгоценных камней. В том месте, где были навалены одеяла, полотно палатки было прорезано, и, обнюхав это место, он заключил, что бельгиец недавно вышел через отверстие.

Не долго думая, Тарзан последовал тем же путем. Следы вели его все время в тени позади хижин и палаток — и для Тарзана стало ясным, что бельгиец, прячась от людей, тайком крался по этой дорожке. Он, очевидно, боялся жителей деревни, или действия его были такого рода, что он не желал быть накрытым.

Следы довели Тарзана до задней стены одной из туземных хижин. Небольшое отверстие, недавно вырезанное в камышовой стене, вело внутрь хижины. Тарзан безбоязненно пошел по следам.

Много разнообразных запахов ударило в нос Тарзана, когда он очутился в хижине. Среди них он ясно почувствовал вдруг запах, который в его дремлющем сознании пробудил некоторые воспоминания о прошлом. Это был слабый, нежный запах женщины.

Когда Тарзан почувствовал этот запах, странное беспокойство овладело всем его существом — непреодолимое влечение, с которым ему суждено было вновь познакомиться, тот могучий инстинкт, который толкает самца к его подруге. Запах бельгийца тоже был в хижине, и когда оба эти запаха смешались и достигли ноздрей Тарзана, ревнивый гнев закипел в душе человека-обезьяны.

Хижина тоже оказалась совершенно пуста, и, убедившись, что похищенная сумочка не была спрятана здесь, Тарзан вышел через дыру в задней стене. Он опять пошел

по следам бельгийца, пересек открытую поляну, перелез через частокол и скрылся в джунглях.

XV Побег Верпера

Соорудив чучело и уложив его в постели, Верпер пролез под задней стеной палатки и направился к хижине, в которой находилась Джен Клейтон.

У дверей сидел на корточках часовой. Верпер смело подошел к нему, шепнул несколько слов на ухо, сунул в руку пачку табаку и прошел в хижину. Чернокожий подмигнул и усмехнулся, оскалив зубы.

Верпер, будучи одним из приближенных Ахмет-Зека, мог, конечно, беспрепятственно входить в любое помещение в деревне. В палатке Верпер шепотом заговорил по-французски:

— Леди Грэйсток! Это я, Фреко. Где вы?

Но ответа не последовало. В темноте Верпер с лихорадочной поспешностью обшаривал хижину. В ней никого не было. Он уже собирался выйти из хижины и распроткнуть часового, как вдруг глаза его, привыкшие к темноте, заметили у основания задней стены пятно, которое выделялось в окружающей мгле. При ближайшем осмотре это

пятно оказалось отверстием, прорезанным в стене. Верпер, уверенный в том, что леди Грэйсток ушла через него, последовал ее примеру.

Его жизнь висела на волоске. Он должен скрыться и уйти как можно дальше от деревни, прежде чем Ахмет-Зек откроет побег. По двум весьма существенным причинам он хотел устроить также побег леди Грэйсток и скрыться вместе с ней. Во-первых, если бы он спас ее, он заслужил бы благодарность англичан и таким образом был бы до некоторой степени обеспечен от передачи в руки бельгийских властей. Это было бы чрезвычайно важно в случае, если бы выяснилась его личность и ему предъявили бы обвинение в убийстве офицера. Он не мог идти на запад, потому что бельгийские владения лежали между ним и Атлантическим океаном. Юг был закрыт для него из-за присутствия там ограбленного им человека-обезьяны. На севере были друзья и союзники Ахмет-Зека. И только на восток через британскую восточную Африку он мог пройти, не боясь быть задержанным.

Сопровождаемый знатной англичанкой, которую он спас от ужасной судьбы, и представленный им как француз по имени Фреко, он не без основания мог надеяться на активную поддержку со стороны англичан.

Но теперь, когда леди Грэйсток исчезла, его шансы

на успех падали. После того, как Ахмет-Зек обнаружил драгоценности, и бегство Верпера стало неизбежным, Верпер, мечтая о будущем, представлял себе, как он убедит леди Грэйсток, что муж ее умер, постарается заслужить ее благодарность и тем самым завоюет ее сердце.

В этой части деревни, наиболее отдаленной от ворот, Верпер заметил две или три длинные жерди, приставленные к частоколу. Они были, вероятно, приготовлены для постройки хижины и случайно оставлены здесь. Верпер совершенно правильно определил, что леди Грэйсток именно здесь перелезла через стену. Не мешкая ни минуты, он сразу же повернул на восток.

* * *

В нескольких верстах к югу Джен Клейтон, тяжело дыша, лежала в ветвях большого дерева, куда она забралась, спасаясь от голодной львицы. Ее бегство из деревни оказалось легче, чем она предполагала. Нож, которым она прорезала камышовую стену хижины, она случайно нашла воткнутым в стену ее тюрьмы.

Обойти позади деревню, держась в тени, было делом нетрудным; счастливым случай привел ее к жердям, приставленным к частоколу, и, таким образом, самая трудная задача была решена.

Целый час бежала она на юг по дорожке, протоптанной зверями, как вдруг до ее чутких ушей долетел шорох мягких шагов хищника. Она поспешила взобраться на дерево: Джен Клейтон была слишком умна и опытна, чтобы продолжать путь после того, как она заметила, что за ней следят.

Верперу повезло. Всю ночь он шел сквозь джунгли, и ничто не остановило его на пути. Но на заре он заметил конного араба, который следовал по его пятам. Это был один из любимцев Ахмет-Зека. Много таких молодцов рыскало сейчас по лесу во всех направлениях, разыскивая беглого бельгийца.

Увидев араба, бельгиец спрятался в густом кустарнике. Все ближе и ближе подъезжал он. Верпер приник к земле. Вдруг неподалеку зашелестели листья кустарника. Глаза его впиллись в темную завесу на противоположной стороне тропинки. Постепенно он разглядел очертания огромного, бурого чудовища со свирепыми желто-зелеными глазами, которые глядели через тропинку прямо в его глаза.

Верпер едва не вскрикнул от страха, но по дороге приближался вестник другой смерти, такой же верной и не менее ужасной. И он промолчал, скованный ужасом. На противоположной стороне тропинки лев приготовился было к прыжку, но его отвлек от добычи подъезжающий всадник.

Бельгиец видел, как тяжелая голова повернулась в сторону разбойника, и немного успокоился. Араб ехал не спеша. А что, если нервный конь почует близость хищника и понесется вскачь, оставив Верпера в лапах царя зверей? Но лошадь не подозревала о грозившей опасности. Она шла спокойно, пережевывая сорванную траву. Лев стремительно выскочил из-за кустов и прыгнул на всадника. Лошадь заржала от испуга и бросилась в сторону, едва не задавив Верпера. Лев стащил беспомощного араба на землю. Бельгиец сразу заметил опустевшее седло и, ухватившись за его край и гриву, вскочил на спину животного.

Полчаса спустя голый великан, пробиравшийся по нижним веткам деревьев, остановился недалеко от этого места. Запах крови сильно ударил ему в нос, смешиваясь с запахом льва Нумы. Великан наклонил голову на бок и стал слушать. Впереди на тропинке раздавалось жадное чавканье льва. Хрустение костей, громкое глотание боль-

ших кусков, довольное рычание — все говорило о близости царя зверей, занятого трапезой.

Тарзан не старался скрыть своего приближения, и Нума заметил его. Громкое, злобщее рычание раздалось из-за кустов. Тарзан остановился на низкой ветке над головой льва и взглянул вниз на жуткую картину. Могла ли эта неузнаваемая кровавая масса быть человеком, которого он искал? Человек-обезьяна не был уверен. Время от времени он спускался на тропинку, чтобы при помощи обоняния проверить свое предположение, а именно, что бельгиец следовал по этой тропинке на восток.

Он отошел от льва еще дальше к востоку, снова спустился и начал обнюхивать землю. Здесь не было следов того, кого он выслеживал. Тарзан вернулся к дереву. Внимательно он оглядывал землю вокруг изуродованного трупа, стараясь заметить сумочку с красивыми камешками: но ее здесь не было.

Он бранил Нуму и старался отогнать его от трупа, но в ответ получил лишь сердитое рычание. Тогда он стал срывать ветки с ближайшего сука и кидать ими в своего давнишнего врага. Нума взглянул наверх, оскалив клыки, но не поднялся со своей добычи...

Тарзан приладил стрелу к луку и, натянув изо всей силы тугое дерево, которое только он мог согнуть, выпустил ее в Нуму. Стрела вонзилась глубоко в бок, и Нума вскочил и заревел от ярости и боли.

Он делал тщетные прыжки, пытаясь достать насмеявшегося над ним человека-обезьяну. Тарзан выпустил еще одну стрелу. На этот раз он старательно прицелился, и стрела застряла в спинном хребте Нумы. Громадный зверь остановился, неловко подался вперед и свалился ничком, парализованный.

Тарзан спустился на тропинку, подошел ко льву и глубоко вонзил копыте в свирепое сердце. Вытащив свои стрелы из тела животного, он вернулся в кусты и стал рассматривать бранные останки добычи. Лица уже не было. Тарзан был так уверен в том, что тело принадлежало человеку, который его ограбил, что не счит даже нужным удостовериться в этом по запаху, который смешивался с запахом хищника и свежей крови его жертвы.

Все старания Тарзана были обращены на разыскивание сумочки. Но ни на трупе, ни вокруг него не было никаких следов ни сумочки, ни ее содержимого. Человек-обезьяна был разочарован не столько потерей разноцветных камешков, сколько тем, что Нума лишил его возможности отомстить.

Не понимая, куда могло скрыться его сокровище, Тарзан решил с наступлением темноты снова войти в арабскую деревню и тщательно обыскать ее. Взобравшись на дерево, он направился прямо на юг, в поисках добычи. Он был голоден, и ему хотелось позавтракать до полудня, потом лечь на каком-нибудь дереве подальше от лагеря, где ничто не потревожит его покоя, а ночью приступить к осуществлению своего плана.

Едва Тарзан ушел с тропинки, на ней появился высокий черный воин; твердым шагом он направился на восток. Это был Мугамби. Он остановился подле трупа льва. На его лице появилось выражение недоумения, когда он нагнулся, чтобы осмотреть раны животного. Тарзан извлек свои стрелы из тела льва, но для Мугамби причина смерти зверя была так же ясна, как если бы обе стрелы и копыте все еще торчали в трупе.

Чернокожий украдкой оглянулся вокруг. Труп был совсем теплый, и из этого он заключил, что убийца должен быть где-нибудь поблизости. Мугамби покачал головой и продолжал свой путь по тропинке с удвоенной скоростью.

Он шел целый день, останавливаясь по временам, чтобы крикнуть в чащу: «Леди!» — в надежде, что она, наконец, услышит и откликнется. Но к концу дня безграничная преданность привела его лишь к несчастью.

Уже несколько месяцев Абдул-Мурак со взводом абиссинских солдат, въехав в джунгли с северо-востока, усердно разыскивал разбойника-араба Ахмет-Зека, который шесть месяцев тому назад нанес тяжелое оскорбление его царю Менелику, ворвавшись на территорию Абиссинии и уведя с собой рабов.

Случилось так, что Абдул-Мурак в этот день, около полудня, сделал привал. Солдаты только слезли с коней, когда Верпер, не замечая их присутствия, прискакал на своей измученной лошади к месту их стоянки. Он был, конечно, моментально окружен. Солдаты сняли его с седла и повели к своему начальнику.

Подчеркивая свое европейское происхождение, Верпер старался убедить Абдул-Мурака, что он француз. Он рассказывал мрачному абиссинцу, что когда он охотился в джунглях, на него напали разбойники, перебили всех его спутников, и он сам спасся только благодаря чуду.

Из случайной фразы, брошенной абиссинцем, Верпер узнал цель экспедиции и, сообразив, что эти люди — враги Ахмет-Зека, поторопился взвалить на него вину и за свое несчастье.

Боясь, однако, снова попасть в руки разбойника, он старался отговорить Абдул-Мурака от дальнейших преследований Ахмет-Зека. Он уверял абиссинца, что у Ахмет-Зека большое и сильное войско и что сейчас он поспешно идет на юг.

Рассудив, что для погони за арабом потребуется много времени, а исход битвы с ним очень сомнителен, Мурак без особого сожаления отказался от своих планов и отдал приказ приготовиться к возвращению в Абиссинию.

Под вечер внимание абиссинцев было привлечено странными звуками, доносившимися с запада. Чей-то могучий голос несколько раз повторял одно и то же слово: «Леди! Леди! Леди!».

Несколько абиссинцев, крадучись, пошли на звук этого голоса. Через полчаса они вернулись, таща за собой Мугамби. Первый, кого увидел Мугамби в лагере абиссинцев, был Жюль Фреко, недавний гость его господина, тот самый француз, который накануне на глазах Мугамби вошел, как свой, в деревню Ахмет-Зека. Когда он увидел, что Верпер его не узнает, он не стал ему представляться.

Ссылаясь на то, что он безобидный охотник одного из южных племен, Мугамби просил отпустить его на свободу; но Абдул-Мурак пришел в восхищение от прекрасного телосложения воина и решил взять его с собой в Аддис-Абебу и принести в дар Менелику.

Мугамби и Верпер были уведены под конвоем, и тогда только Верпер понял, что на него смотрят скорее как на пленника, чем на гостя. Он пробовал протестовать, но здоровенный солдат ударил его по лицу и пригрозил пристрелить, если он не успокоится.

Мугамби не принимал неудачи близко к сердцу. Он ни на минуту не сомневался, что во время путешествия ему не раз представится возможность отвлечь бдительность своих стражей и бежать.

Не расставаясь с этой мыслью, он старался расположить к себе абиссинцев. Он расспрашивал об их императоре, стране и выказывал желание скорее достичь конца похода, чтобы насладиться всеми хорошими вещами, которыми, по их словам, изобиловала Аддис-Абеба. Таким образом удалось усыпить их подозрительность, и они с каждым днем предоставляли ему все больше свободы.

Пользуясь тем, что его держали вместе с Верпером,

Мугамби пробовал попытаться у него о местонахождении Тарзана, о судьбе леди Грэйсток и о нападении разбойника на владения Грэйстоков. Но так как Мугамби не хотел, чтобы Верпер знал, кто он, то ему приходилось подходить к вопросу окольными путями: с другой стороны, Верпер тщательно скрывал свою роль в деле разгрома владений его гостеприимного хозяина.

Был знойный полдень. Отряд Абдул-Мурака подошел к цветущим берегам широкой, чистой, прозрачной реки. В ней не водились крокодилы, которыми кишели многие здешние реки, и абиссинцы решили воспользоваться случаем и окунуться в прохладные струи.

Пленникам тоже разрешено было выкупаться. Когда Верпер стал раздеваться, Мугамби заметил, с какой заботливостью и осторожностью он снял что-то, завязанное вокруг его поясницы. Эту таинственную вещь он тщательно обернул сорочкой. Верпер так нервничал, что сверток, который он мял в руках, выскользнул и упал на землю. И Мугамби, заметил, как содержимое рассыпалось по траве.

Мугамби бывал со своим господином в Лондоне. Он далеко не был тем непосредственным дикарем, за которого его принимали. Он входил в контакт с космополитической толпой величайшего города мира, посещал музеи и останавливался у витрин магазинов, а кроме всего, это был умный и проницательный человек.

В тот момент, когда самоцветы Опара рассыпались, засверкав перед его удивленными глазами, он сразу оценил их значимость. Но он увидел еще кое-что, что заинтересовало его значительно больше, чем камни.

Тысячу раз Мугамби видел маленькую кожаную сумочку на поясе своего господина. Это бывало тогда, когда Тарзан из племени обезьян, желая развлечься и повеселиться, возвращался на несколько часов к первобытным приемам и обычаям своего детства и, окруженный воинами, охотился на львов и леопардов, слонов и буйволов тем примитивным способом, который так любил.

Верпер заметил, что Мугамби видел драгоценные камни. Он торопливо стал собирать их, а Мугамби, притворившись равнодушным к таким пустякам, спустился к реке.

На следующее утро Абдул-Мурак был огорчен и обозлен неприятным известием: чернокожий пленник скрылся ночью. Верпер пришел в отчаяние, узнав о бегстве Мугамби, но, когда его дрожащие пальцы нашарили сумочку под сорочкой и сквозь кожу прощупали твердые очертания ее содержимого, бельгиец успокоился.

XVI

Тарзан опять становится предводителем Мангани

Ахмет-Зек с двумя приближенными ушел от лагеря далеко на юг, чтобы преградить дорогу беглецу. Другие арабы рассыпались по джунглям в разных направлениях, так что за ночь они образовали в джунглях большой круг и теперь все продвигались к центру.

Около полудня Ахмет-Зек и его спутники сделали остановку, чтобы отдохнуть. Предводитель разбойников был в дурном настроении: мало того, что он был одурочен неверным (что само по себе было достаточно позорно), он одновременно лишился драгоценностей, которых жаждало его алчное сердце, и это было уже слишком много.

Ну, что же? Он все еще имел женщину. На севере он выручит за нее хорошую цену, и, кроме того, у него в запасе клад, зарытый у развалин дома англичанина.

Слабый шум в джунглях заставил Ахмет-Зека насторожиться. Он, держа ружье наготове, приказал своим

спутникам замолчать и спрятаться. Вдруг густая зелень раздвинулась, и из-за нее высунулась голова женщины. Она боязливо оглядывалась по сторонам и, видя, что опасность ей не угрожает, вышла, наконец, на открытое место. С губ Ахмет-Зека сорвалось проклятие. Он не верил своим глазам: это была его пленница. А он-то был уверен, что она находится под надежной охраной в его лагере!

Джен медленно пробиралась по поляне. С тех пор как она покинула деревню арабов, она дважды едва не попала в лапы хищников, один раз чуть было не наткнулась на сыщика Ахмет-Зека. Уже почти отчаяваясь в возможности когда-либо достичь безопасного места, она была полна решимости бороться до тех пор, пока ее мытарства не кончатся смертью или избавлением.

В то время как арабы следили за ней из-за кустов, из-за листьев ближайшего дерева другая пара глаз наблюдала за сценой, происходившей внизу. Это были удивленные, беспокойные, сияющие серые глаза. Тот, кому принадлежали эти глаза, мучительно напрягал память, стараясь понять, почему лицо и фигура этой женщины казались ему знакомыми.

Неожиданный треск в кустах в том месте, откуда появилась Джен Клейтон, привлек к себе внимание арабов и наблюдателя на дереве. Женщина обернулась. Огромная человекоподобная обезьяна показалась из-за кустов, а за ней ковыляла еще одна, и еще, и еще. Но леди Грейсток не стала останавливаться и считать, сколько этих ужасных созданий шло за ней по пятам.

Она бросилась бежать через поляну на противоположную сторону, и когда достигла кустов, Ахмет-Зек и его прислужники схватили ее. В этот момент голый бронзовый гигант спрыгнул с дерева.

Повернувшись к удивленным обезьянам, он произнес несколько гортанных звуков и, не заботясь о том, какое впечатление они произвели на обезьян, повернулся и бросился к арабам.

Ахмет-Зек тащил Джен к лошади, а его слуги торопливо отвязывали коней. Женщина, сясь вырваться от араба, повернулась и увидела человека-обезьяну, который бежал к ней. Ее лицо просияло от радости!

— Джон! — крикнула она. — Благодарение богу, ты пришел вовремя!

За Тарзаном шли обезьяны, удивленные, но послушные его приказанию. Арабы увидели, что им не успеть сесть на коней, а значит не удастся убежать — звери и человек достигли их. Ахмет-Зек узнал в человеке своего давнишнего противника и решил раз и навсегда избавиться от него.

Крикнув арабам, чтобы они следовали его примеру, он поднял ружье и прицелился в бегущего великана. Почти одновременно раздались три выстрела. Тарзан и двое из его человекообразных волосатых воинов упали ничком на траву.

Грохот выстрелов остановил остальных обезьян. Ахмет-Зек и его товарищи воспользовались их замешательством, вскочили в седла и помчались галопом, увозя с собой убитую горем женщину.

Они прискакали к деревне, и Джен опять очутилась в заточении в маленькой хижине. Но на этот раз к ней не только приставили второго часового, но и связали по рукам и ногам.

Когда арабы скрылись из виду, обезьяны подошли к своим товарищам, простертым на земле. Один был мертв, но другой, а также большая белая обезьяна еще дышали. Ворча и бормоча на своем странном языке, волосатые чудовища окружили их.

Тарзан первый пришел в сознание. Он сел и огляделся

вокруг. Из раны на его плече шла кровь. Медленно поднявшись на ноги, он прежде всего взглянул на то место, где в последний момент видел самку, пробудившую в его дикой груди такое странное волнение.

— Где она? — спросил он.

— Тармангани увели ее с собой, — ответила одна из обезьян. — Ты говоришь на языке Мангани? Кто ты?

— Я — Тарзан, — отвечал человек-обезьяна, — могучий охотник, храбрый боец. Когда я рычу, джунгли молчат и содрогаются от ужаса. Я — Тарзан из племени обезьян. Меня долго здесь не было, но теперь я вернулся к моему народу.

— Да, — сказала одна старая обезьяна, — это в самом деле Тарзан. Я знаю его! Это хорошо, что он вернулся. Теперь у нас будет хорошая охота.

Остальные обезьяны подошли поближе и стали обнюхивать человека-обезьяну. Тарзан стоял очень спокойно, с полуобнаженными зубами и напряженными мускулами, готовыми к действию: но никто не стал оспаривать его право быть среди них, и осмотр и обнюхивание окончились к общему удовлетворению.

Обезьяны рассказали Тарзану, что они шли на восток. По дороге внимание их привлек запах самки, и они стали выслеживать ее. Они хотели сейчас продолжать прерванное путешествие; но Тарзан предпочитал погнаться за арабами и отобрать у них женщину. После довольно продолжительных споров было решено, что они все-таки сначала отправятся на несколько дней поохотиться на восток, а потом вернутся и отыщут арабов.

Причиной, по которой он решил отложить свое преследование, была рана. Разумнее было подождать, пока она заживет, прежде чем снова вступать в борьбу со стреляющими из ружей Тармангани.

И в то время как Джен с туго связанными руками и ногами лежала в своей темнице, ее защитник бродил по джунглям в обществе волосатых чудовищ. Он терся с ними плечом о плечо так же просто, как за несколько месяцев до этого пожимал руки своих знакомых в одном из наиболее избранных и фешенебельных клубов Лондона.

Но все время в глубине его пострадавшего и притупленного мозга таилась мысль, что ему нечего делать здесь, что ему следовало быть, по каким-то непонятным причинам, в другом месте, среди совершенно других существ. К тому же его все время влекло назад к арабам, чтобы отобрать женщину, которая будила его дикие чувства.

История с сумочкой до известной степени тоже занимала его мысли, и у него, таким образом, было основание торопиться в лагерь разбойников. Он хотел завладеть красивыми камешками и самкой. Потом он вернется к большим обезьянам с новой подружкой и с блестящими игрушками, уведет свою волосатую компанию в далекую чашу, неведомую человеку, и там проживет всю жизнь, охотясь и воюя с обитателями джунглей.

Он обратился к товарищам-обезьянам, объяснил им в чем дело, и пытался уговорить их сопровождать его, но все, кроме Таглата и Чолка, отказались. Чолк был молод, силен и одарен большим умом, чем его товарищи. Экспедиция сулила приключения и поэтому сильно манила его.

У Таглата была совсем иная побудительная причина, и если бы Тарзан из племени обезьян подозревал о ней, он бы набросился на обезьяну и задушил ее в ревнивой ярости.

Таглат был уже не молод, но это был громадный зверь с колоссальными мускулами, жестокий и, в силу своего большого опыта, хитрый и сообразительный. Рост и вес

часто помогали ему победить более ловкого молодого противника. У него был мрачный и угрюмый нрав. Это выделяло его даже среди его нахмуренных товарищей, где такой характер является скорее правилом, чем исключением. Хотя Тарзан и не замечал этого, Таглат свирепо ненавидел его...

Когда они двинулись в путь, остальные обезьяны окинули их прощальным взглядом и вернулись к своему важному занятию: они в это время обедали.

Тарзану стоило больших трудов сохранить в сознании своих спутников цель и смысл путешествия, потому что обезьяны не могут долго сосредотачиваться на одном предмете. На пути встречается столько вещей, которые отвлекают внимание!

Вначале Чолк настаивал на том, чтобы бежать как можно быстрее, словно деревня разбойников была рядом, но через несколько минут упавшее дерево привлекло его внимание: под ним, наверное, можно было найти много вкусных вещей. И когда Тарзан спохватился и вернулся искать его, он нашел Чолка перед гниющим стволом, из-под которого он усердно выкапывал личинок и жуков, которые составляют существенную часть обезьяньего меню. Так как Тарзан не хотел вступить в драку, ему ничего не оставалось делать, как терпеливо ждать, пока иссякнут лакомые запасы под деревом.

Когда Чолк наконец кончил, оказалось, что исчез Таглат. После долгих поисков Тарзан нашел этого достойного господина в созерцании страшных мучений раздавленного им грызуна. Он сидел и равнодушно смотрел в другую сторону, пока это занятие ему не надоело, и тогда он окончил мучения своей игрушки, проглотив ее.

Эти курьезные причины задерживали прибытие Тарзана в деревню Ахмет-Зека; но человек-обезьяна терпел, потому что для выполнения плана ему были нужны Чолк и Таглат.

Постоянно поддерживать в колеблющемся сознании человекоподобных интерес к их предприятию — дело не легкое. Чолк начал уставать от бесконечного пути, привалы были редкие и короткие. Он с удовольствием прекратил бы поиски приключений, если бы Тарзан не раздражил его соблазнительными картинками огромных запасов пищи, которые они найдут в деревне Тармангани.

Таглат же лелеял свою тайную надежду с большим постоянством, чем этого можно было ожидать от обезьяны. Но по временам он был готов бросить это предприятие, и, если бы Тарзан не заманивал и его, он давно бы сбежал.

Был душный тропический день, когда тонкое чутье трех путешественников предупредило их о близости арабского лагеря. Они подкрались к нему под защитой густой зелени деревьев.

Молча взобрались они на нижние ветки большого дерева, прилегающего к частоколу. Отсюда можно было отлично видеть, что происходило внутри.

Из ворот деревни выехал всадник в белом бурнуса. Тарзан сказал Чолку и Таглату, чтобы они оставались на месте, а сам пробрался по ветвям к тропинке, по которой ехал араб.

Араб ехал медленно, не подозревая об опасности, которая грозила ему с деревьев. Человек-обезьяна сделал небольшой круг и забрался на дерево впереди араба. Здесь он притаился на нижней ветви, свешивавшейся над тропинкой. Араб приближался, тихо напевая монотонную песню пустыни. Он проехал под нависшей ветвью; наверху слегка зашелестели листья. Конь вдруг захрипел и присел: бронзовое человекоподобное существо упало

к нему на круп. Мощные руки обвилились вокруг араба и стащили с седла на землю.

Десять минут спустя Тарзан вернулся к своим товарищам с одеждой подмышкой. Он показал свои трофеи, рассказывая низкими гортанными звуками, как он добыл их. Чолк и Таглат пощупали материю, обнюхали ее и, приложив к ушам, старались даже вслушаться в нее.

Тарзан снова повел их к тропинке, все трое спрятались в кустах и стали ждать. Вскоре на тропинке показались двое черных разбойников Ахмет-Зека в белых бурнусах. Они возвращались в лагерь, весело смеясь и разговаривая между собой. Вдруг из-за кустов выскочили три гиганта. Миг — и негры лежали мертвыми, а над ними склонились фигуры трех убийц. Тарзан и с них снял верхнюю одежду, затем спокойно вернулся с Чолком и Таглатом на дерево, которое они облюбовали.

Здесь человек-обезьяна нарядился сам и нарядил своих косматых товарищей в эти одеяния. Издали их можно было принять за трех одетых в белое арабов, молча сидящих в лесу на дереве.

До наступления темноты Тарзан вел наблюдение за арабами. Кроме хижины, в которой он впервые почувал запах самки и возле которой он сейчас увидел двух часовых, Тарзан наметил и палатку Ахмет-Зека. Что-то говорило ему, что именно там он найдет свою сумочку с камешками.

Чолк и Таглат были очень заинтересованы своим замечательным нарядом. Они щупали его, нюхали и пристально оглядывали друг друга с видимым удовольствием. Чолк, который по-своему был шутником, протянул длинную волосатую руку, схватил капюшон бурнуса Таглата и спустил ему его на глаза.

С сердитым хрипом Таглат кинулся на Чолка, не подняв даже шерстяной ткани, которая затемняла его зрение.

Тарзан кинулся к дерущимся. Качаясь и чуть не падая со своего ненадежного наместа, три огромных зверя колотили и кусали друг друга, пока, наконец, Тарзану не удалось разнять рассвирепевших обезьян. Обезьяны, привыкшие к частым спорам, в которых теряется больше волос, чем крови, быстро забывают о таких незначительных схватках, и через минуту Чолк и Таглат опять сидели рядом и спокойно ждали, когда человек-обезьяна разрешит идти в лагерь Тармангани.

Ночная мгла спустилась на землю, и Тарзан повел своих товарищей к отдаленному краю деревни.

Подняв складки бурнуса под мышку, чтобы ноги не запутались в длинных полах, Тарзан с небольшого разбега вскочил на верхушку забора. Опасаясь, что обезьяны вздумают подражать ему и только зря изорвут одежду, он спустил сверху к ним копые. Чолк и Таглат, уцепившись за него, быстро вскарабкались за верхушку частокола, и через минуту все трое молча спрыгнули вниз.

Прежде всего Тарзан повел их к хижине, где была заключена Джен. Сквозь грубо заделанное отверстие в стене он старался уловить запах самки, за которой он пришел.

Чолк и Таглат, прижав свои волосатые щеки к лицу кровного аристократа-англичанина, вместе с ним обнюхивали местность. Все они убедились, что женщина была внутри, и каждый реагировал на это по-своему.

Чолк отнесся к этому совершенно равнодушно. Самка была все равно не для него, а для Тарзана. Он хотел скорее заняться уничтожением пищевых запасов Тармангани, не прилагая к добыванию еды никаких усилий. Тарзан сказал, что это будет его наградой, и он был вполне удовлетворен.

Но злые налитые кровью глаза Таглата сузились, когда он понял, что близится минута для осуществления его тщательного обдуманного плана. Он облизнулся, причмокнул своими отвислыми губами и затаил дыхание.

Убедившись, что самка была там, где он рассчитывал ее найти, Тарзан повел обезьян к палатке Ахмет-Зека. Проходивший мимо араб и двое черных рабов заметили их, но ночь была очень темна, и белые бурнусы скрывали волосатые тела обезьян и гигантскую фигуру их предводителя. Они опустили на корточки, словно разговаривая между собою, и не вызвали никакого подозрения. Ахмет-Зек разговаривал со своими приближенными. А Тарзан, притаившись снаружи у задней стены палатки, внимательно прислушивался к их беседе.

XVII

Джен Клейтон в смертельной опасности

Лейтенант Альберт Верпер с ужасом думал о судьбе, которая ждала его в Аддис-Абебе, и мечтал о бегстве. Но абиссинцы после исчезновения Мугамби удвоили свою бдительность, боясь, что Верпер последует примеру негра.

Одно время Верпер даже думал подкупить Абдул-Мурака. Он собирался предложить ему часть содержимого сумочки; но, боясь, что тот потребует за его освобождение и остальное, оставил эту мысль и стал искать другого выхода.

Его осенила идея. Через день после бегства Мугамби Верпер стал добиваться аудиенции у Абдул-Мурака. Когда Верпер предстал перед ним, мрачный взгляд абиссинца не обещал ничего хорошего. Но бельгиец помнил о слабости всего человечества к золоту и решил довести дело до конца.

— Что ты хочешь от меня? — спросил Абдул-Мурак.

— Свободы! — ответил Верпер.

Абиссинец презрительно усмехнулся.

— И ты потревожил меня, чтобы сказать то, что известно всякому дураку, — проговорил он.

— Я могу заплатить за это, — сказал Верпер.

Абдул-Мурак громко рассмеялся.

— Заплатить? — переспросил он. — Уж не теми ли люхмотьями, которые висят на твоих плечах? Или, может быть, под твоей одеждой скрыта тысяча пудов слоновой кости? Убирайся отсюда, дурак, и если ты еще раз явишься ко мне со своими глупостями, я прикажу тебя высечь.

— Выслушай меня! — умолял Верпер. — Что, если я дам тебе столько золота, сколько могут унести десять человек? Пообещаешь ли ты тогда, что меня доведут целым и невредимым до первого английского поста?

— Столько золота, сколько могут унести десять человек? — повторил Абдул-Мурак. — Да ты с ума сошел! Где ты возьмешь столько золота?

— Я знаю, где оно спрятано! — ответил Верпер. — Обещай мне, и я поведу тебя к нему.

Абдул-Мурак перестал смеяться. Он пристально смотрел на бельгийца. Человек казался нормальным, но десять мер золота! Это было невероятно. Абиссинец задумался.

— Хорошо! Предположим, что я обещаю, — сказал он. — Как далеко это золото отсюда?

— На расстоянии одной недели к югу!

— А знаешь ли ты, какое наказание ожидает тебя, если мы не найдем золота?

— Если его там не окажется, я отвечу своей головой, — сказал бельгиец. — Я собственными глазами видел,

как его зарыли. И даже больше того; там не десять мер, а столько, сколько могут унести пятьдесят человек. Оно целиком будет принадлежать тебе, если ты передашь меня под защиту англичан.

— Отлично! — проговорил абиссинец. — Я обещаю тебе свободу, если там будет даже пять мер; но пока золото не в моих руках, ты останешься пленником.

— Я согласен, — сказал Верпер. — Завтра мы двинемся.

Абдул-Мурак кивнул головой, и Верпер вернулся в тюрьму. На следующее утро абиссинские солдаты были удивлены приказанием повернуть на юг.

А в это время Ахмет-Зек отдавал приказание своим помощникам снарядить отряд воинов и носильщиков, чтобы отправиться к развалинам дуара, принадлежавшего англичанину, и принести с собой сказочное богатство, о котором говорил ему лейтенант. Пока он отдавал приказания, молчаливый слушатель притаился около палатки и ждал, когда можно будет войти в нее и отыскать любимые камешки.

Наконец арабы оставили палатку. Их предводитель тоже вышел наружу, чтобы выкурить трубку. Едва успел последний араб выйти, как в задней стене, приблизительно на расстоянии шести футов от земли, появилось острое ножа, раздался шуршащий звук разрезаемого шелка.

Тарзан вошел в палатку. За ним пролез и Чолк, но Таглат не последовал за ними. Он повернул обратно и в темноте стал прокрадываться к хижине, где находилась Джен. У входа сидели двое часовых, беседуя вполголоса. Молодая женщина лежала внутри на грязной циновке. У нее не осталось никакой надежды, и она твердо решила сносить все муки до тех пор, пока не представится возможность прибегнуть к последнему средству, о котором она даже думать не хотела — к самоубийству.

Таглат подошел к углу хижины и оглянулся. Часовые были всего в нескольких шагах от него, но он помнил о ненавистных ему мечущих гром и молнию палках Тармангани. Он найдет более верный способ нападения.

Край крыши нависал над головами часовых, и оттуда Таглат мог прыгнуть на них, никем не замеченный. Одного движения могучих челюстей будет достаточно, чтобы прикончить одного из стражников прежде, чем другой успеет спохватиться. А там уж нетрудно будет справиться и с ним.

Таглат отошел на несколько шагов, разбежался и прыгнул на крышу. Она, поддерживаемая снизу стеной, несколько секунд терпела тяжесть звериного тела; но когда Таглат шагнул вперед, соломенная кровля осела и раздвинулась, и Таглат полетел вниз. Часовые, услышав треск кровельных жердей, вскочили и бросились в хижину. Джен тщетно пыталась освободиться, огромная туша грохнулась на пол так близко от нее, что прижала край платья.

Обезьяна, почувствовав ее движение, нагнулась и одной рукой мощно подняла ее. Бурнус прикрывал тело, волосатое ее тело, и Джен подумала, что ее обхватила человеческая рука. Радостная надежда наполнила ее сердце, которое до сих пор было погружено в бездну отчаяния.

Часовые были уже в хижине, но стояли в нерешительности, не зная, кто виновник этого треска. Их глаза, не привыкшие к темноте, не могли ничего разобрать, и они не слышали ни единого звука, потому что обезьяна не шевелилась, ожидая их нападения. Но сообразив, что с ношей на руках он не может вступить в бой, Таглат решил одним махом прорваться на свободу. Нагнув

голову, он устремился прямо на часовых, загораживавших дверь. Могучий толчок его плеч повалил их на пол, и, прежде чем те успели опомниться, обезьяна была уже далеко и во мраке ночи неслась к ограде.

Сила и быстрота ее спасителя удивили Джен Клейтон. Неужели Тарзан жив? Кто кроме него мог с такой легкостью поднять взрослую женщину?

Одним огромным прыжком он очутился на частоколе, повис там на одно мгновение и спрыгнул на землю по ту сторону. Теперь Джен была почти уверена, что она в объятиях своего мужа, а когда обезьяна влезла на дерево и по веткам понеслась в джунгли, как это много раз проделывал Тарзан, она и вовсе перестала сомневаться.

Приблизительно в версте от лагеря райбойников, на освещенной лунной прогалине, спаситель остановился и бросил ее на землю. Его грубость удивила Джен, но она все еще верила, что это был Тарзан. Но в этот момент обезьяна, стесненная непривычной человеческой одеждой, сорвала с себя бурнус — и глазам пораженной ужасом женщины представились страшное лицо и волосатая фигура гигантской человекообразной обезьяны.

Джен Клейтон вскрикнула и лишилась сознания. Из-за ближайших кустов лев Нума голодными глазами смотрел на них и облизывался.

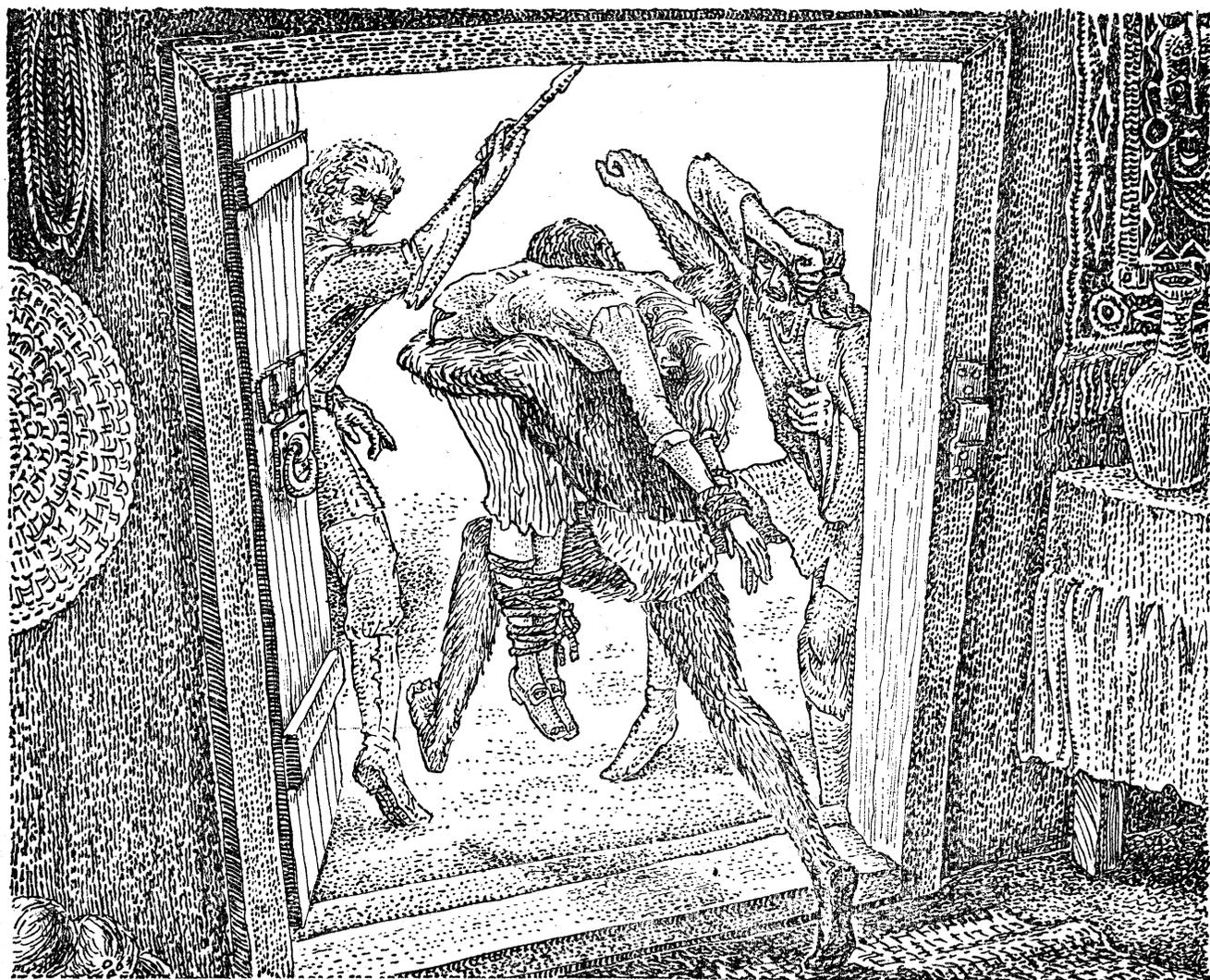
Тарзан обыскал всю палатку Ахмет-Зека. Ни один предмет не ускользнул от его зорких глаз. Он перевернул вверх дном всю палатку, но сумочки с красивыми камешками все-таки не нашел.

Убедившись, что его сокровища здесь нет, Тарзан решил вернуться к самке и завладеть ею прежде, чем продолжать дальнейшие поиски.

Приказав Чолку следовать за ним, он вышел сквозь дыру из палатки и совершенно открыто направился к хижине, в которой была заключена Джен.

Ему бросилось в глаза, что Таглат исчез. Но, знакомый с капризами и непостоянством обезьян, Тарзан не придавал этому большого значения. Пока Таглат не мешал его планам, Тарзану было безразлично, где он прятался.

Когда Тарзан приблизился к хижине, он заметил у ее дверей столпотворение. Люди казались очень возбужденными, и Тарзан, опасаясь, что Чолк, несмотря на его костюм, будет узан, велел ему уйти в конец деревни. Чолк заковылял к частоколу, стараясь держаться в тени, а Тарзан смело подошел к взволнованной толпе. Торопясь узнать, в чем дело, он смешался с чернокожими и арабами, и совершенно упустил из виду, что только у него одного были копье, лук и стрелы, которые могли навлечь подозрение.

Работая плечами, он протолкался сквозь толпу и был уже у самых дверей. Но в эту минуту один из рабов опустил руку на его плечо.

— А это кто такой? — спросил он и одновременно откинул капюшон с лица Тарзана.

Тарзан из племени обезьян никогда в своей дикой жизни не имел обыкновения вступать в рассуждения с врагом. Поэтому схватил своего обличителя за горло.

Действуя арабом, как оружием, Тарзан расчистил себе дорогу к дверям и через секунду уже был в хижине. Беглый осмотр убедил его в том, что хижина пуста. Но нос уловил запах Таглата. Глухое, зловещее рычание сорвалось с губ Тарзана. Услыхав эти звуки, люди, подбежавшие к дверям, чтобы схватить дерзкого пришельца, отступили назад. Они переглядывались, перепуганные и озадаченные. В хижину вошел человек, а сейчас они собственными ушами слышали в ней рычание дикого зверя. Что бы это могло быть? Может быть, лев или леопард забрался туда, незамеченный часовыми?

Тарзан увидел в потолке отверстие, через которое провалился Таглат. Он понял, что обезьяна либо вошла, либо вышла через отверстие. Тарзан подпрыгнул, ухватился одной рукой за край стены, вылез на крышу и спрыгнул на землю позади хижины.

Наконец арабы набрались храбрости и решились войти; предварительно они даже дали несколько ружейных залпов сквозь стены. Но хижина была пуста. А в это время Тарзан на краю деревни искал Чолка, но обезьяна исчезла бесследно.

Лишенный своей самки, покинутый изменником-товарищем, не отыскав блестящих камешков, Тарзан перелез через забор и скрылся во мраке джунглей. Он был сердит и печален. Было бы безумием вернуться в лагерь арабов, когда он весь поднят на ноги. Во время бегства из деревни Тарзан потерял следы Таглата и теперь кружил по лесу, стараясь снова напасть на них.

На небольшой освещенной луной поляне большая обезьяна склонилась над бесчувственным телом Джен. Зверь разрывал веревки, опутывавшие руки и ноги женщины, нетерпеливо дергая и грызя их.

Тарзан шел несколько правее и не мог их увидеть, но ветер доносил до него их запахи.

Еще момент — и Джен была бы спасена, хотя Нума готовился уже к нападению. Но судьба, и без того немилосердно жестокая, на этот раз превзошла себя: ветер на несколько минут изменил направление, и запах, который должен был бы привести Тарзана к его жене, был отнесен в противоположную сторону.

Тарзан прошел в пятидесяти шагах от того места, где разыгрывалась ужасная трагедия.

XVIII Борьба за золото

Утром Тарзан понял, что и в выслеживании Таглата ему на этот раз не повезло. Он, конечно, найдет Таглата, только не так скоро, как он думал. Он поест, поспит, а потом снова отправится в путь. Джунгли велики, но не менее велики ловкость и хитрость Тарзана. Таглат мог уйти очень далеко, но Тарзан обязательно найдет его.

Размышляя таким образом, человек-обезьяна выслеживал оленя Бару. Полчаса Тарзан шел по его следам по тропинке, утоптанной копытами животных. Вдруг, к его удивлению, олень показался впереди. Он с бешеной скоростью бежал назад прямо на охотника.

Тарзан отскочил в сторону, взобрался на нижнюю

ветку развесистого дерева и притаился в густой листве, как хищный зверь, поджидающий добычу.

Тарзан не знал, что так безумно напугало оленя: может быть, это был лев Нума или пантера Шита. Но это мало интересовало человека-обезьяну; он был готов отстоять свою добычу от любого из обитателей джунглей.

Тарзан повернулся спиной к приближающемуся животному и с согнутыми коленями повис на покачивающейся ветке, чутким ухом прислушиваясь к стуку приближающихся копыт.

Через секунду олень был под деревом, и в то же мгновение Тарзан спрыгнул сверху на его спину. Тяжесть тела придавила оленя к земле; он рванулся в напрасном усилии подняться. Могучие руки отогнули его голову далеко назад, круто повернули ее — и Бара был мертв. Тарзан перевалил тушу через плечо, вскочил на дерево и снова уселся на нижних ветках прямо над тропинкой. Его зоркие глаза были прикованы к тому месту, откуда выбежал олень.

Ждать пришлось недолго. Скоро до слуха Тарзана доносились звуки копыт, и Тарзан сразу определил, что приближается конный отряд. Схватив свою добычу, человек-обезьяна поднялся на среднюю террасу дерева и уселся поудобнее на толстом суку, откуда была видна вся тропинка внизу. Здесь он отрезал сочный кусок от задней части оленя и погрузил свои крепкие белые зубы в горячее мясо, наслаждаясь плодами своей доблести и ловкости.

На повороте извилистой тропы показалась голова первой лошади. Тарзан притаился: один за другим длинной, узкой лентой мимо него проезжали всадники, и он внимательно вглядывался в каждое лицо. Одного из них Тарзан узнал. Но человек-обезьяна настолько умел владеть своими чувствами, что ничем не выдал своего внутреннего волнения; даже выражение его лица не изменилось.

Внизу под деревом проехал Альберт Верпер. Он, конечно, и не подозревал, что пара внимательных глаз исследует всю его фигуру, стараясь обнаружить хоть какие-нибудь следы сумочки.

Абиссинцы ехали на юг. Полунагой белый великан с кровавой тушей оленя, перекинутой через плечо, отправился следом за ними. Запас еды был необходим: Тарзан знал, что ему, может быть, долго не представится случая вновь поохотиться, пока он будет преследовать бельгийца.

Выхватить его из среды вооруженных всадников Тарзан решился бы только в крайнем случае, потому что обитатели чащи привыкли действовать с хитростью и осторожностью; только боль или гнев могут толкнуть их на опрометчивый шаг.

Через два дня они пришли к широкой равнине. За нею вдали подымались горы. Тарзан помнил эту равнину: она будила в нем какие-то смутные воспоминания и непонятную тоску.

Около груды обгоревших балок всадники остановились. Тарзан, подкравшись совсем близко, спрятался в густом кустарнике и стал наблюдать за абиссинцами. Он видел, как они вскапывали землю, и подумал, что они закопали здесь мясо и теперь пришли за ним. Потом он вспомнил, как он сам закопал камешки; очевидно, они откапывали вещи, которые были здесь зарыты чернокожими.

Затем он увидел, как они вытащили какой-то грязный желтый предмет и чрезвычайно обрадовались. Вскоре целая груда слитков лежала на земле. Абдул-Мурак

смотрел на них горящими от жадности глазами и нежно поглаживал их.

Что-то зашевелилось в сознании человека-обезьяны. Он долго и внимательно смотрел на золотые слитки. Где это он видел такие же точно? Что это было? Почему Тармангани так добивались их? Кому они принадлежали?

Он вспомнил черных людей, которые их зарыли. Эти вещи, наверное, принадлежали им. Верпер, очевидно, хотел украсть их так же, как он украл сумочку с камешками. Глаза человека-обезьяны сердито засверкали.

В то время, как эти мысли мелькали в его голове, целый отряд людей выехал на равнину из леса и стал приближаться к развалинам дома. Бдительный Абдул-Мурак заметил их. Он приказал солдатам сесть на коней и быть наготове. В глуши Африки никто не может знать, дружен или враждебен чужой отряд.

Верпер вскочил в седло и стал вглядываться в приближающихся людей. И вдруг, побледнев, он обернулся к Абдул-Мураку.

— Это Ахмет-Зек и его разбойники, — пробормотал он. — Они пришли за золотом.

Ахмет-Зек еще издали заметил груды золотых слитков и убедился, что его опасения оправдались. Кто-то опередил его. Араб был взбешен. Последнее время все было против него. Он потерял драгоценные камни, потерял бельгийца и вторично лишился англичанки. А теперь кто-то пришел, чтобы похитить его сокровище. И он еще имел глупость полагать, что его золото в безопасности!

Он не интересовался тем, кто были эти воры. Но он был уверен, что они не отдадут золота без боя. Громко гикнув, он прищипил коня и понесся на абиссинцев. За ним, размахивая длинными ружьями над головами, дико крича, с бранью и проклятиями мчалась разношерстная орда его помощников-головорезов.

Люди Абдул-Мурака встретили их ружейным залпом и уложили нескольких арабов, но разбойники уже накнулись на них, и в ход пошли сабли и пистолеты.

Ахмет-Зек увидел и узнал Верпера и бросился к нему. Бельгонец, ясно представляя участь, которая ожидала его, повернул коня и помчался бешеным галопом прочь с поля битвы.

Поручив командование одному из своих приближенных и пригрозив ему смертной казнью в случае, если он не прогонит абиссинцев и не притащит золота в лагерь, Ахмет-Зек пустился в погоню. Даже здесь, рискуя потерять золото, он не мог отказаться от мести.

Битва на равнине была в полном разгаре. Ни свирепые абиссинцы, ни закоренелые убийцы-разбойники не щадили и не просили пощады.

Место, где прятался Тарзан, было занято абиссинцами. Людей Ахмет-Зека было больше, чем абиссинцев, и разбойники медленно, но верно уничтожали солдат Менелика. Для Тарзана исход битвы был безразличен. Он следил за борьбой с определенной целью — выбраться из кольца ожесточенных бойцов и погнаться за Верпером. Вдруг двое конных бойцов, араб и абиссинец, подскакали совсем близко к нему, яростно размахивая саблями.

Шаг за шагом араб отнесся своего противника в кусты, лошадь абиссинца уже чуть не наступила на Тарзана, но в этот миг кривая сабля расколола череп абиссинца, и труп его свалился с седла, едва не задев человека-обезьяну.

Не успело испуганное животное прийти в себя и броситься наутек, как голый великан уже сидел верхом на его спине. Сильная рука схватила поводья, и удивленный араб увидел нового врага на месте только что убитого.

Но этот противник не размахивал саблей, лук и копье

преспokoйно висели у него за спиной. Оправившись от удивления, араб кинулся вперед с поднятой саблей. Он рассчитал удар, который должен был уложить человека-обезьяну. Но удар пришелся по воздуху, так как Тарзан вовремя успел уклониться. Араб почувствовал, как лошадь противника задела его ногу, а сильная рука вытянулась и обхватила его вокруг пояса. Не успел он опомниться, как был стащен с седла, его враг прикрывал им, как щитом, и пронесся сквозь отряд его товарищей.

Миновав поле битвы, Тарзан швырнул араба на землю, и когда тот немного пришел в себя, он увидел, что его странный противник скачет через равнину к лесу.

Еще целый час продолжалась ожесточенная бойня. Прекратилась она только тогда, когда последний из абиссинцев свалился мертвым на песок равнины. Но горсточке людей удалось все-таки спастись, и среди них был Абдул-Мурак.

Победители собрались возле груды золотых слитков, вырытых абиссинцами, и стали ждать возвращения своего предводителя. Их радость несколько омрачилась воспоминаниями о странном голом белом великане, который промелькнул у них перед глазами. Им слишком хорошо было знакомо славное имя Тарзана из племени обезьян. Они сразу узнали заклятого врага лесных разбойников, и его появление нагнало на них панический ужас — тем более, что их уверяли, что Тарзана уже нет в живых.

Суеверные по природе, они не сомневались в том, что видели бестелесный дух умершего, и с ужасом оглядывались, ожидая его возвращения. Они спрашивали себя, какую месть учинит над ними этот дух за то, что они разгромили его владения и вдобавок покушались на его золото.

Ужас их возрастал с каждой минутой, а из-за тростников отряд черных воинов следил за каждым их движением.

Разбойники долго ждали Ахмет-Зека, и наконец страх перед привидением, которое могло каждую минуту возвратиться сюда, взял верх над чувством преданности к предводителю. Кто-то осмелился высказать молчаливое желание всех и заявил, что он намерен отправиться в лес на поиски Ахмет-Зека. В следующий же момент все были на конях.

— Золото тут будет в полной сохранности! — крикнул один из них. — Мы убили абиссинцев, а больше унести его некому. Идем искать Ахмет-Зека!

И, не задумываясь более, они прищипили коней и в туче пыли, бешеным галопом поскакали через равнину. Из-за тростников вдоль реки черные воины крались к тому месту, где остались без присмотра золотые слитки Опара.

Когда Верпер достиг леса, он все еще был впереди Ахмет-Зека, но араб был на лучшем коне и уже догонял беглеца. Мчась вперед с безрассудной смелостью отчаяния, бельгиец все время понукал лошадь, и без того летевшую во весь опор по узкой извилистой тропинке, протоптанной зверями.

Позади себя он слышал голос Ахмет-Зека. Разбойничий атаман приказывал ему остановиться, но Верпер лишь глубже вдавливал шпоры в окровавленные бока своего загнанного коня. В лесу, в двухстах ярдах от опушки, упавший с дерева сломанный сук лежал поперек тропинки. Это было незначительное препятствие, и любая лошадь легко перескочила бы его, но силы скакуна Верпера были надорваны, он едва держался на ногах, и, когда сук подвернулся под передние ноги, лошадь споткнулась и всей тяжестью грохнулась наземь.

Верпер перелетел через ее голову, быстро вскочил и

подбежал к лошади. Схватив поводья, он стал тянуть их, но животное не могло или не хотело подняться, и, пока Верпер стегал и бранил ее, Ахмет-Зек показался на повороте.

Бельгиец моментально схватил ружье, лег позади лошади и выстрелил в Ахмет-Зека. Пуля пролетела слишком низко и попала в грудь лошади араба. Животное свалилось на землю в ста ярдах от Верпера. Араб, увидев стратегическое положение, которое занял бельгиец, не теряя времени, последовал его примеру и спрятался за тушей лошади.

Противники из укрытия попеременно стреляли друг в друга с громкими проклятиями и ругательствами, а Тарзан в это время приближался к опушке леса. Он услышал их редкие выстрелы и, соскочив со взмыленного, полуживого абиссинского коня, направился на звуки кратчайшим и более верным и удобным для него путем — по веткам лесных великанов.

Он вскоре добрался до места, откуда в относительной безопасности мог наблюдать за действиями обоих противников. То один, то другой подымались они над телами лошадей, выпускали пулю, немедленно прятались за прикрытие и заряжали ружье, чтобы через минуту повторить ту же операцию.

Боевые запасы Верпера были очень скудны: Абдул-Мурак второпях вооружил его небогатыми доспехами абиссинца, павшего одним из первых в борьбе за золото. Положение казалось безвыходным: единственная надежда была на то, что, отдав драгоценности, ему удастся купить свою свободу.

У Верпера осталась одна пуля, и, воспользовавшись кратким перерывом, он громко крикнул:

— Ахмет-Зек! Одному аллаху ведомо, кто из нас оставит здесь свои кости, если мы будем продолжать наше глупое состязание. Ты хочешь получить драгоценности, а мне жизнь и свобода дороже, чем они. Так пусть же каждый из нас получит то, чего он желает, и с миром пойдет своей дорогой! Я оставляю тебе сумочку, а ты дашь мне возможность уйти.

Араб молча обдумывал предложение. Он только что выпустил свой последний патрон. И он ответил:

— Ну что же, иди своим путем, только камни оставь на виду. Видишь, я кладу свое ружье курком к тебе. Иди же!

Верпер снял с себя сумочку. Печально и нежно он нащупывал твердые очертания камешков. О, если бы, он мог вынуть хотя бы маленькую горсточку. Но Ахмет-Зек не сводил с него своих пронизательных глаз.

С тяжелым сердцем Верпер положил драгоценности на тушу лошади, поднялся, взял ружье и, не отрывая взгляда от Ахмет-Зека, стал пятиться по тропинке, пока поворот не скрыл его от взоров подозрительного араба. Но и тогда Ахмет-Зек не двинулся с места. Он боялся какой-нибудь выходки со стороны Верпера — одной из тех, которые он сам был способен при подобных обстоятельствах. Он опасался не зря. Как только Верпер исчез из поля зрения араба, он спрятался за дерево и, подняв ружье, прицелился в то место, к которому должен был подойти Ахмет-Зек.

Но Ахмет-Зек не слишком полагался на запятнанную честь вора и убийцы. Взяв свое длинное ружье, он сошел с тропинки и стал подбираться к цели, прячась в густой спутанной растительности. Он полз на четвереньках осторожно и медленно и ни на мгновение не попал под прицел убийцы.

Верпер ждал с нервным нетерпением и удивлялся, почему араб не приходит за своей добычей. Вдруг в не-

скольких дюймах над сумочкой таинственно и неожиданно появилось дуло ружья и, прежде чем бельгиец сообразил, какую хитрую шутку сыграл с ним араб, конец ружья был ловко просунут под кожаный ремешок, сумочка поднялась в воздухе и через секунду исчезла в густой зелени. Верпер не решался выпустить наугад свой последний заряд.

Ахмет-Зек неслышно рассмеялся и осторожно отошел в глубь джунглей. Он был уверен в том, что Верпер поблизости ждет удобного момента, чтобы пристрелить его.

Верпер не тронулся с места, жадность и одновременно страх не позволяли ему уйти.

Но еще один человек видел все, и он не побоялся последовать за Ахмет-Зеком. Когда Ахмет-Зек наконец остановился, остановился и он, и навис над арабом, неподвижный и молчаливый, как смерть.

Ахмет-Зек провел языком по губам, распутал шнурок сумочки и, сложив руку чашечкой, высыпал на ладонь часть содержимого. Только один короткий взгляд кинул он на камешки. Его глаза сузились, проклятье сорвалось с губ, и он презрительно швырнул камешки на землю. Он поспешно опорожнил сумочку, осмотрел каждый камешек в отдельности и, швырнув их на землю, стал топтать ногами. Лицо его исказилось от гнева, и он так сильно сжал кулаки, что ногти впились ему в ладони.

Сверху Тарзан смотрел на него с удивлением. Ему было любопытно узнать, чем кончится вся эта история. Араб, взяв свое длинное ружье за ствол, как дубину, стал тайком красться сквозь джунгли рядом с тропинкой, по которой ушел Верпер. Когда он скрылся из виду, Тарзан спустился вниз и стал подбирать рассыпанные камешки. Рассмотрев их вблизи, он понял гнев араба: вместо блестящих и сверкавших драгоценных камней, которые привлекли к себе внимание человека-обезьяны в подземных кладовых Опара, в сумочке хранилась горсть самых обыкновенных — речной гальки.

XIX

Джен Клейтон и дикie звери

Тяжелые времена наступили для Мугамби после его побега из лагеря абиссинцев. Он брел через незнакомую лесную страну, в которой не мог найти воды, и с трудом добывал себе пищу. В течение каких-нибудь трех-четырёх дней он так ослабел, что едва волочил ноги.

С каждым днем ему становилось все труднее устраивать на ночь убежище от диких хищников, а днем он еще более изнурял себя поисками и выкапыванием съедобных корней и отыскиванием питьевой воды.

Лузи стоячей воды, разбросанные на большом расстоянии друг от друга, кое-как утоляли его жажду. Тем не менее состояние его было очень плачевно: И трудно сказать, чем кончилось бы для него это путешествие, если бы совершенно случайно он не вышел к большой реке, в окрестностях которой было обилие плодов и дичи. Из отломившегося сука он сделал толстую, узловатую дубину и, пуская в ход хитрость, ловкость и это примитивное орудие, стал опять легко добывать мелкую дичь.

Зная, что предстоит еще очень далекий путь до страны Вазир, он разумно решил остановиться здесь, пока не восстановятся здоровье и силы. Мугамби соорудил прочное заграждение из колючего кустарника и внутри его устроил нечто вроде хижины с крышей, где он мог спокойно спать по ночам. Днем он уходил на охоту; только мясо могло вернуть могучим мускулам их прежнюю силу.

Однажды, когда он охотился, кто-то стал следить за

ним сквозь густую листву деревьев. Это был Чолк. Он смотрел на ничего не подозревавшего человека скорее с любопытством, чем с враждой. С тех пор, как Тарзан облачил Чолка в арабский бурнус, в душе человекоподобного проснулось желание подражать Тармангани. Однако бурнус так стеснял его движения и причинял ему столько беспокойства, что он давно сорвал его с себя и бросил.

Теперь он видел Гомангани, наряженного менее стеснительным образом. Весь его туалет состоял из мехового набедренника, нескольких медных украшений и головного убора из перьев. Это гораздо более отвечало вкусу Чолка, чем развевающееся платье, которое постоянно путается между ногами и цепляется за каждую ветку.

Чолк оглядывал сумку, которая перевешивалась через плечо Мугамби. Она-то, главным образом, и привлекла его внимание, потому что была украшена перьями и бахромой. С этого дня Чолк стал постоянно вертеться около хижины Мугамби. Он ждал случая, чтобы тайком или силой завладеть какими-нибудь частями туалета чернокожего.

Случай скоро представился. Внутри колючего заграждения Мугамби чувствовал себя в полной безопасности. Во время дневной жары он вытягивался на земле в тени хижины и спал до тех пор, пока уходящее на запад солнце не уносило с собой расслабляющий полуденный зной.

Наблюдая за Мугамби с верхушки дерева, Чолк однажды заметил, что черный воин, вытянувшись в своей хижине, спит крепким сном. Чолк дополз до ветки, свешивавшейся над заграждением, и соскочил на землю. Мягко ступая и не задевая на своем пути ни листа, ни былинки, обезьяна подкралась к спящему.

Наклонившись над ним, она стала осматривать его украшения. Несмотря на колоссальную силу Чолка, в глубине его маленького мозга тайлось что-то такое, что не позволяло вызвать человека на бой. Это было врожденное у всех существ низшего порядка чувство странного страха перед человеком; страх этот останавливал иногда даже самых могучих обитателей джунглей.

Снять кусок меха с бедер Мугамби, не разбудив его, было невозможно. Единственной легкой добычей были узловатая дубина и сумка. Последняя сползла с плеча у чернокожего, когда тот повернулся во сне. Схватив их (это было все же лучше, чем ничего!), Чолк поспешно отскочил, взобрался на дерево и поторопился удрать в глубь джунглей.

Через некоторое время Мугамби проснулся и хватился сумки. Эта пропажа страшно взволновала его. Куда она могла деться? Она была у него на боку, когда он лег спать — в этом он был уверен: он помнил, что отодвинул ее из-под себя, потому что она давила на ребра и причиняла боль. Каким же образом она могла исчезнуть?

Суеверный дикарь подумывал уже о духах умерших друзей и врагов. В самом деле, чему можно было приписать такое таинственное исчезновение дубины и сумки, как не действию сверхъестественных сил? Но потом, при более тщательном осмотре, чуткий и сообразительный Мугамби нашел более материальное объяснение случившемуся.

На земле он заметил слабый отпечаток огромных ног, похожих на человеческие. И теперь Мугамби уже знал, кто похититель его вещей. Выйдя из заграждения, он стал искать новые следы. Он взбирался на деревья, стараясь определить, в какую сторону убежал вор. Но слабые следы, которые оставляет за собой осторожная обезьяна, предпочитающая путешествовать по деревьям, Мугамби не сумел растолковать.

Благодаря отдыху Мугамби оправился и окреп — и теперь решил продолжать свое путешествие. Найдя другую дубину, он оставил реку позади и через лесную глушь стал пробираться к стране Вазири.

* * *

В то время как Таглат возился с веревками, опутывавшими руки и ноги его пленницы, огромный лев подкрадывался все ближе и ближе к своим жертвам.

Обезьяна сидела спиной к нему. Она не видела мощной лохматой головы, которая выглядывала из-за зеленой густой стены. Таглат не подозревал, что сильные задние лапы уже подогнулись под бурным животом и готовились к внезапному прыжку, об угрожающей ей опасности обезьяна узнала, когда раскатыстый торжествующий рев нападающего льва раздался за ее спиной.

Даже не оглянувшись назад, Таглат отскочил от лежащей в глубоком обмороке женщины и бросился в сторону. Но было уже поздно. Вторым прыжком лев очутился на широкой спине обезьяны.

Когда Таглат упал, в нем заговорил инстинкт самосохранения и проснулась вся ловкость, свирепость и сила. Перевернувшись на спину, он сцепился с хищником в смертельной схватке, такой дикой, такой отчаянной, что сам великий Нума должен был затрепетать от ужаса. Схватив льва за гриву, Таглат погрузил желтые илыки глубоко в шею хищника и, не раскрывая рта, наполнил его кровью и волосами противника, глухо и свирепо зарычал.

Лев взревел от ярости и боли. Противники катались по траве, как одержимые. Но вот огромная кошка вытянула задние лапы под животом, вонзила когти глубоко в грудь Таглата и изо всей силы дернула вниз, распоров тело обезьяны. Выпотрошенное животное судорожно вздохнуло и замерло неподвижной окровавленной массой под тяжелым телом победителя.

Нума вскочил и осмотрелся — не скрываются ли где-нибудь еще враги? Но его взгляд встретил только безжизненное тело женщины в нескольких шагах от него. С сердитым ворчанием лев положил переднюю лапу на труп жертвы и, подняв голову, огласил джунгли диким ревом торжества.

Его взгляд блуждал по просеке и наконец снова остановился на молодой женщине. Большие немигающие глаза впились в неподвижное тело Джен Клейтон. Гордо выпрямившись, величественная фигура льва неожиданно съезжилась и осела, и медленно и осторожно, словно ступая по чему-то очень хрупкому, он пополз к женщине.

Судьба смилостивилась над Джен, оставив ее в счастливом неведении опасности. Леди Грэйсток не знала, что лев подкрался и остановился возле нее. Она не чувствовала ни зловония горячего дыхания, отдававшего ее лицо, ни слюны, стекавшей на нее из открытой пасти.

Наконец лев передней лапой повернул тело женщины на бок, пристально вглядываясь в нее и все еще не зная, жива она или мертва. Но шорох, донесшийся из джунглей, отвлек его внимание. Он вернулся к останкам Таглата и, усевшись спиной к женщине, принялся утолять свой голод.

За этим занятием и застала его Джен, когда, наконец, открыла глаза. Приученная к опасности, она сохранила самообладание даже при виде нового сюрприза, приготовленного ей судьбой. Она не вскрикнула и не двинула ни одним мускулом.

Джен поняла, что лев убил обезьяну и теперь пожирал свою добычу меньше, чем в пятидесяти футах от нее. Что могла она сделать? Лев съест и переварит обезьяну,

а потом вернется к ней, чтобы завершить свое пиршество, если к тому времени она не будет разорвана гиенами или другими лесными хищниками.

Мысли одна другой мрачнее сменялись в ее мозгу. Вдруг она заметила, что веревки на руках и ногах не причиняли ей больше мучений.

Она удивилась и шевельнула рукой. Что за чудо совершилось с ней? Ее руки не были связаны! Осторожно и бесшумно она пошевелила ногами: и они были свободны! Джен Клейтон не могла знать, что Таглат, разрывая веревки для своих гнусных целей, перегрыз их ровно за секунду до того, как Нума напал на него.

В первый момент сердце Джен наполнилось радостью и благодарностью судьбе. Но радость быстро прошла. Лев сидел всего лишь в нескольких шагах от нее. Мнимая свобода была послана ей лишь тогда, когда спасение было уже совершенно немислимо.

Ближайшее дерево было в ста футах от нее, а лев меньше чем в пятидесяти. Встать и бежать к дереву сейчас — значило навлечь на себя немедленную гибель. Но может быть, наевшись досыта, он посмотрел бы равнодушно на бегство женщины. Она очень сомневалась в удачном исходе такой попытки, но, с другой стороны, совсем не была намерена упустить единственную воз-

можность спасения, не попытавшись воспользоваться ею.

Она следила за движениями льва. Для того, чтобы видеть ее, он должен был повернуть голову не меньше, чем на полоборота. Бесшумно она перевернулась на бок и откатилась на несколько футов к ближайшему дереву. Потом, приняв прежнюю позу, она лежала несколько минут совершенно неподвижно, затаив дыхание и не сводя глаз со льва. Но лев не слышал ничего, что могло бы вызвать его подозрение. Тогда она снова откатилась на несколько футов — и снова замерла в пытливом ожидании, не спуская глаз со спины зверя.

Джен казалось, что она уже часами двигалась таким образом, а лев невозмутимо продолжал свою трапезу, не подозревая, что его вторая жертва ускользала от него. Она была уже в нескольких шагах от дерева. Еще секунда — и она могла бы вскочить на ноги и, отбросив в сторону осторожность, сделать дерзкий прыжок к спасению. Но вот лев повернул голову. Он увидел, как она повернулась и стала отползать от него. В этот момент Джен взглянула в его сторону и облилась холодным потом. Она поняла, что в двух шагах от цели смерть все-таки настала ее.

Долгое время ни лев, ни женщина не шевелились. Зверь лежал неподвижно, повернув голову через плечо

и устремив глаза на жертву. Молодая женщина не смела пошевелиться ни единым мускулом. Нервы ее были так напряжены, что она с трудом удерживала нарастающее желание вскрикнуть. Но прошло еще несколько секунд — и Нума вернулась к своему привычному занятию. Только оттопыренные назад уши говорили о том, что лев был не совсем спокоен за свою добычу.

Зная, что малейшее ее движение немедленно привлечет внимание зверя, Джен решила рискнуть: попытаться добежать до дерева и вскарабкаться на нижние ветви.

Собравшись с силами, она вскочила на ноги, но почти одновременно с ней вскочил и лев и, круто повернувшись, с широко открытой пастью и ужасающим ревом бросился за ней.

Те, кто провел большую часть своей жизни в Африке, охотясь на крупного зверя, скажут вам, что вряд ли найдется на свете другое существо, способное на коротком расстоянии развивать такую скорость, с какой мчится нападающий лев. И потому, хотя расстояние было очень невелико, ужасающая скорость льва губила всякую надежду на спасение для молодой женщины.

Но страх может творить чудеса. И хотя лев уже оцарапал когтями ее башмак в то время, когда Джен взбиралась на дерево — ей удалось уклониться от страшного удара мохнатой лапы. И когда Нума ткнулся о дерево, молодая женщина уже достигла безопасной высоты.

Джен сидела на ветке ни жива ни мертва. После страшного напряжения, которое ей пришлось пережить, наступила реакция. Ей казалось, что она уже никогда не посмеет спуститься на землю. Ее охватывал неодолимый ужас при мысли о новых опасностях, которые ожидали ее на пути в страну Вазири.

Было уже почти темно, когда лев наконец ушел с просеки. Его место подле трупа обезьяны немедленно было занято кучкой гиен. Но если бы гиен даже не было на лужайке, Джен не решилась бы спуститься и готовилась ждать наступления дня. Усталость наконец ододела ее, и она заснула глубоким сном, свернувшись клубочком на двух почти горизонтальных, близко друг от друга расположенных ветвях.

Когда она проснулась, солнце было уже высоко в небе. Вокруг было совершенно спокойно. Только обглоданные кости обезьяны, разбросанные по земле, свидетельствовали о том, что произошло здесь несколько часов назад.

Джен Клейтон мучили голод и жажда. Поэтому, набравшись храбрости, она слезла с дерева и снова начала свое путешествие через джунгли.

Она шла на юг в том направлении, где, по ее сообщениям, должна была находиться равнина Вазири. Джен надеялась добраться до одной из многочисленных деревень вазири, разбросанных вокруг равнины, или же встретить по дороге охотников из племени преданных ей чернокожих.

День уже клонился к концу. Вдруг до нее донесся звук выстрела, стреляли где-то недалеко. За первым выстрелом последовал второй, третий... Боясь рисковать, она забралась на дерево около тропинки и, притаившись в густой листве, стала ждать.

Когда выстрелы стали реже, она уловила звук человеческих голосов. Потом стрельба совсем прекратилась, и она услышала голоса двух мужчин, громко перекинувшихся между собой, но слов не могла разобрать. За этим последовало долгое молчание, которое было прервано крадущимися шагами на тропинке впереди нее. Затем она увидела мужчину, он пятился с ружьем наготове, не отрывая настороженного взгляда от густых зарослей.

Джен сразу узнала в нем Жюля Фреко, своего недав-

него гостя. Она уже была готова окликнуть его, обрадованная этой встречей, но он отошел в сторону и спрятался в кустах. Его, по-видимому, преследовал враг, и Джен не решилась крикнуть, боясь отвлечь его внимание или выдать его неприятелю.

Едва Фреко успел спрятаться, на тропинке появился араб в белом бурнусе и стал тихонечко красться вперед. Джен хорошо видела с дерева обоих противников. Она узнала в арабе предводителя разбойничьей шайки, которая ограбила ее владения и взяла ее в плен. И когда она увидела, что Фреко поднял ружье и прицелился в араба, ее сердце замерло в радостном ожидании.

Ахмет-Зек остановился посреди тропинки. Его зоркие глаза обыскивали каждый куст, каждое дерево. Его высокая фигура была хорошей мишенью для вероломного убийцы. Раздался выстрел, дымок поднялся из-за кустов, скрывавших бельгийца, Ахмет-Зек зашатался и упал на тропинку лицом вниз.

Когда Верпер вышел из засады, он был поражен чьим-то радостным криком. Оглянувшись, он увидел Джен Клейтон, которая легко спрыгнула с дерева и с протянутыми руками бросилась к нему, чтобы поздравить с победой над врагом.

XX

Джен Клейтон снова пленница

Платье Джен было изодрано, волосы растрепаны, но она была так хороша, радуясь встрече с другом и спасителем, что Альберт Верпер невольно залюбовался ею.

Бельгиец сильно подозревал, что Джен Клейтон знала о его участии в нападении на ее владения. Но его подозрения были сразу рассеяны ее искренним дружеским приветствием. Она была так счастлива, что неожиданно наткнулась на друга, притом в такой момент, когда надежда совсем было покинула ее. Она торопливо рассказала ему о несчастьях, постигших ее с того времени, как он покинул ее дом. И когда она заговорила о смерти своего мужа, то не в силах была удержаться от слез.

— Я потрясен, — сказал Верпер с притворным участием, — но я не удивляюсь. Этот злодей (он указал на труп Ахмет-Зека) терроризировал всю область. Люди Ахмет-Зека захватили всю равнину вокруг ваших прежних владений, и там вам нечего надеяться на помощь и спасение. Единственно, что нам можно сделать, это поторопиться на север к лагерю разбойников, чтобы попасть туда прежде, чем весть о смерти Ахмет-Зека дойдет до тех, кто у него остался. Там, путем хитрости, мы постараемся добыть проводников на север.

— Я думаю, что это вполне осуществимо, — прибавил он, — ведь я был гостем Ахмет-Зека раньше, чем узнал о том, кто он такой. И люди, оставшиеся в лагере, не подозревают, что я стал его врагом. Нам нужно прийти в лагерь прежде, чем разбойники, сопровождавшие Ахмет-Зека в последнем набеге, найдут его труп и вернуться туда. Это наша единственная надежда, леди Грэйсток, и для того, чтобы эта попытка увенчалась успехом, вы должны всецело довериться мне. Подождите одну минуту, я только сниму с трупа араба вещь, которую он у меня украл.

С этими словами Верпер направился к трупу, опустился на колени и стал торопливо обшаривать его.

К его изумлению и огорчению ни в одеянии, ни на теле Ахмет-Зека сумочки не оказалось. Поднявшись, бельгиец пошел назад по тропинке, он самым тщательным образом обшарил траву около трупа своей лошади и даже углубился на несколько шагов в джунгли по обе стороны

тропинки, но не нашел ничего. Озадаченный, разочарованный и сердитый, он вернулся наконец к молодой женщине.

— Не нашел! — объяснил он коротко. — Но я не решаюсь терять время на поиски, нам необходимо добраться до лагеря прежде, чем вернутся разбойники.

Не имея представления о характере этого человека, Джен с живостью приняла предложение и вместе с Альбертом Верпером направилась на север, во вражеский стан, где еще накануне была пленницей!

К вечеру следующего дня они достигли цели своего путешествия. Верпер предупредил молодую женщину, чтобы она не удивлялась ничему.

— Я скажу им, — говорил он, — что поймал вас и отвел к Ахмет-Зеку, но так как он сам в это время был занят ожесточенной битвой с вазири, то направил меня сюда, велел взять охрану и немедленно отвезти вас на север, а там как можно подороже продать работорговцу.

Искренность его тона и на этот раз подкупила Джен. Она понимала, что приходится пойти на отчаянные средства для того, чтобы спастись из отчаянного положения. И, хотя она содрогалась при мысли, что ей снова придется войти в ненавистную деревню разбойников, она не видела никакого другого выхода.

Громко эжикнув часовых у ворот, Верпер схватил Джен за руку и храбро направился через поляну. Часовые открыли ворота и не сумели при виде его скрыть своего удивления. То обстоятельство, что беглый, преследуемый лейтенант вернулся в лагерь по доброй воле, совершенно их обезоружило.

Не теряя времени, Верпер направился к арабу Мохамет-Бею, который замещал в лагере Ахмет-Зека, и тут ему удалось своей дерзкой смелостью рассеять подозрения Мохамет-Бея и заставить того поверить рассказу о том, что побудило его возвратиться. Тот факт, что он привел убежавшую пленницу обратно, прибавлял весу его словам, и через несколько минут Мохамет-Бей уже дружески беседовал с Верпером... Подчас назад он без рассуждений пристрелил бы его, если бы встретился с ним в джунглях.

Джен Клейтон была опять водворена в хижину, которую занимала раньше: но ее укрепляло сознание, что это лишь комедия, которую она и Фреко разыгрывали перед легковверными арабами.

Ее снова связали и приставили часовых к дверям, но прежде чем выйти, Верпер прошептал ей на ухо несколько ободряющих слов. От нее он пошел прямо в палатку Мохамет-Бея. Он высчитывал, когда могут вернуться разбойники с трупом своего убитого начальника. И чем больше он об этом думал, тем больше опасался, что без сообщников план его должен провалиться.

Мохамет-Бей сидел на циновке, скрестив ноги, и курил трубку, при виде европейца он поднял голову.

— Привет тебе, о брат мой! — сказал он.

— Привет и тебе! — ответил Верпер.

Некоторое время оба молчали. Араб заговорил первый.

— Как чувствовал себя господин мой Ахмет-Зек, когда ты в последний раз видел его? — спросил он.

— Никогда еще не был он более защищен от грехов и опасностей, угрожающих смертным, — ответил бельгиец.

— Это хорошо! — проговорил Мохамет-Бей, выпуская струйку синего дыма.

Снова наступило молчание.

— А что, если окажется, что он умер? — спросил бельгиец.

Он решил открыть правду и попытаться подкупить Мохамет-Бея для выполнения своего плана.

Араб наклонился вперед, глаза его сузились и впились в глаза бельгийца.

— Верпер! — сказал он. — Я много думал нынче вот о чем: ты так неожиданно вернулся в лагерь человека, которого обманул и который искал тебя с гневом в сердце. Я много лет прожил с Ахмет-Зеком. Даже его мать не знала его так хорошо, как знал я. Он никогда ничего не прощает и никогда не доверился бы человеку, который уже однажды обманул его. Я много думал об этом и пришел к заключению, что Ахмет-Зек действительно умер, потому что в противном случае ты никогда не посмел бы вернуться в его стан, для этого ты должен быть или более храбрым человеком, или большим дураком. Верпер, скажи мне, что тебе нужно? Если у тебя еще сохранились ценности, о которых говорил мне Ахмет-Зек, я не вижу, почему бы нам с тобой не отправиться на север вместе и не разделить между собой выкуп за белую женщину, да, кстати, поделить и то, что находится в сумочке. Как ты думаешь?

Злые глаза сузились, лукавая улыбка искривила тонкие губы, и Мохамет-Бей ехидно усмехнулся в лицо бельгийца.

Верпер был одновременно обрадован и обеспокоен поведением араба. Равнодушное спокойствие, с которым он принял известие о смерти начальника, сняло немалую тяжесть с плеч убийцы Ахмет-Зека, но требование разделить с ним драгоценности не предвещало ничего хорошего.

Сознаться в том, что он потерял драгоценности, значило бы навлечь на себя гнев или подозрение араба, и тогда все пути к спасению будут отрезаны. Поэтому он решил солгать и поддерживать Мохамет-Бея в приятной уверенности, что драгоценные камни все еще у него. Он решил положиться на будущее.

— Да! — сказал он. — Ахмет-Зек мертв. Он пал в битве с отрядом абиссинцев, которые меня держали в плену. Во время сражения я убежал, но сомневаюсь, чтобы кто-нибудь из людей Ахмет-Зека остался в живых. Золото теперь в руках абиссинцев. Вероятно, сейчас они уже спешат сюда. Ведь они были посланы Менеликом отомстить Ахмет-Зеку за набег на абиссинскую деревню. Их очень много, и, если мы не поторопимся уйти, нас постигнет та же судьба.

Мохамет-Бей молча выслушал его. Он не знал, можно ли доверять словам неверного, но рассказ бельгийца давал ему повод оставить лагерь и отправиться на север.

— Если я поеду с тобой, — спросил он, — половина драгоценных камней и половина денег, вырученных за женщину, будут моими?

— Да, — ответил Верпер.

— Ладно, — сказал Мохамет-Бей, — я пойду и прикажу снять с лагеря завтра же на заре. Все будет сделано, как ты хочешь: с нами поедут двадцать человек.

На этом они порешили.

На заре Джен Клейтон была разбужена шумом головозе возле ее хижины. Через минуту к ней вошел Фреко в сопровождении двух арабов. Арабы распутили веревки и помогли ей подняться. Потом они сунули ей горсть сухарей и вывели наружу при свете едва брезжившего утра.

Она вопросительно взглянула на Фреко, и, когда араб отвернулся, бельгиец нагнулся и шепнул ей, что все складывается как нельзя лучше. Молодая женщина успокоилась, и в душе ее вновь зародилась надежда, которая потухла было за эту долгую, мучительную ночь.

Скоро к ней подвели лошадь, подняли в седло и, окружив со всех сторон, вывели за ворота деревни. Через

полчаса кавалькада повернула на север и в продолжение всего путешествия держалась этого направления.

Фреко очень редко разговаривал с Джен. Она понимала, что для осуществления их плана он должен был разыгрывать из себя ее притеснителя. И она ничего не подозревала, хотя не могла не заметить дружеских отношений между европейцем и арабом, предводителем отряда.

Но, если Верперу и удавалось избегать разговора с молодой женщиной, он совершенно не мог изгнать ее образ из своих мыслей. Сто раз в день его глаза останавливались на ней, и он любовался красотой ее лица и фигуры. С каждым часом страсть его росла, пока желание обладать ею не превратилось у него в настоящую манию.

На второй день путешествия Мохамет-Бей подъехал к Джен Клейтон. Со стороны могло показаться, что он только сейчас впервые заметил ее; но уже много раз в течение этих двух дней из-под капюшона бурнуса он следил за пленницей и пожирал ее глазами.

Скрытая страсть зародилась в его душе уже давно, когда он впервые увидел англичанку, взятую в плен Ахмет-Зеком. Но пока был жив его суровый господин, он и думать не смел об осуществлении своих желаний.

Теперь же только эта презренная собака — Верпер — стоял между ним и молодой женщиной. Разве так трудно убить этого неверного и взять себе и женщину, и драгоценные камни? А когда камни будут у него, незачем будет продавать женщину. Как ни велика сумма, которую ему предложили бы за нее, она будет ничтожна по сравнению с радостями, которые доставит ему пленница!

Он ехал рядом, не отрывая от нее глаз. Как она хороша! Его руки сжимались и разжимались в непреодолимом желании сдать ее в своих объятиях.

— Знаешь ли ты, куда везет тебя этот человек? — спросил он.

Джен утвердительно кивнула головой.

— И ты готова стать игрушкой черного султана?

Молодая женщина отвернулась и не ответила. Она боялась выдать себя и Фреко, боялась, что у нее не хватит сил правдоподобно разыграть ужас и отвращение перед участью, которая якобы готовилась ей.

— Ты можешь избежать этой участи, — продолжал араб. — Мохамет-Бей спасет тебя!

И он протянул смуглую руку и сжал пальцы ей правой руки так неожиданно и так сильно, что это движение выдало его животную страсть так же ясно, как если бы он произнес признание.

Джен Клейтон выдернула пальцы из его руки.

— Скотина! — крикнула она. — Если ты сейчас же не оставишь меня, я позову господина Фреко.

Мохамет-Бей отодвинулся и нахмурил брови. Его тонкая верхняя губа приподнялась, обнажая ряд белых зубов.

— Фреко? — усмехнулся он. — Тут нет такого! Этого человека зовут Верпер. Он лгун, вор и убийца. Он убил своего капитана в Конго и убежал под защиту Ахмет-Зека. Он повел Ахмет-Зека грабить твой дом. Он последовал за твоим мужем, чтобы украсть его золото. Он сознался нынче мне, что ты считаешь его своим защитником и что этим он воспользовался и постарался заслужить твое доверие лишь для того, чтобы легче было повезти тебя на север и продать в гарем какого-нибудь черного султана. Мохамет Бей — одна твоя надежда.

Он злобно прищипорил лошадь и присоединился к передним всадникам, предоставив пленнице обдумать его слова на досуге.

Джен не знала, что было истинно и что ложно в словах Мохамет-Бея. Но в душе ее опять погасла надежда,

и она с невольной подозрительностью стала смотреть на человека, которого считала своим единственным защитником в страшном мире врагов и опасностей.

Для пленницы везли отдельную палатку и ночью ее ставили между палатками Мохамет-Бея и Верпера. К ней были приставлены двое часовых и при таких предосторожностях не считали нужным связывать пленницу.

Вечером после разговора с Мохамет-Беем Джен сидела у входа в палатку, отрешенно глядя в даль. Она поужинала принесенными ей лепешками из кассавы и не поддающимся описанию варевом, в которое вошли: свежесбитая маргашка, пара белок и остатки зебры, добытой накануне. Но балтиморская красавица в борьбе за существование уже давно притупила свои тонкие чувства, которые в прежнее время возмущались бы даже при наличии гораздо меньших оснований.

Она не видела перед собой ничего: ни кучки людей, смеющихся и дерущихся между собой, ни джунглей, скрывавших от нее горизонт. Ее мысли были далеко. Она видела высокого, широкоплечего мужчину, возвращающегося верхом с отдаленных полей, она видела себя, стоящую у калитки в ожидании его с охапкой свежих роз, только что сорванных с кустов. Все это ушло, исчезло в прошлом, уничтоженное огнем, пулями и ненавистью этих низких жестоких людей... Джен вздрогнула и, едва сдерживая рыдания, вернулась в свою палатку и бросилась на грудь грязных одеял. Уткнувшись в них лицом, она долго плакала, пока благотворительный сон не принес ей временного облегчения.

Джен Клейтон спала, а в это время из соседней палатки вынырнул высокий человек. Он подошел к часовому у входа в палатку пленницы, шепнул ему что-то на ухо, и часовой кивнул и скрылся в ночной мгле. Подойдя к задней стене палатки, он тоже что-то сказал другому часовому, и тот удалился вслед за первым.

Тогда темный человек вернулся ко входу, развязал скреплявшие полотно тесемки и бесшумно, как привидение, проскользнул внутрь.

XXI Бегство в джунгли

Верпер не спал. Он метался в постели и думал о прекрасной женщине в соседней палатке. Он заметил, что Мохамет-Бей неожиданно стал проявлять интерес к пленнице, и догадывался, на чем основывалась внезапная перемена в его отношении к ней. Сердце Верпера переполнялось дикой ревностью при мысли, что Мохамет-Бей может привести в исполнение свои гнусные намерения относительно беззащитной женщины.

Странное дело! Намерения Верпера были несколько не лучше намерений араба, а между тем он считал себя защитником Джен Клейтон и был убежден, что, если внимание Мохамет-Бея было ей противно, то такое же внимание со стороны Верпера могло быть ей чрезвычайно приятным.

Тарзан умер, и Верпер воображал, что он сможет заполнить в ее сердце место, ставшее свободным. Он мог предложить Джен Клейтон вступить с ним в брак, чего, конечно, не сделает Мохамет-Бей. В конце концов бельгиец пришел к убеждению, что пленница не только имела основание полюбить его, но что она различными чисто женскими приемами уже дала ему почувствовать зарождающуюся привязанность.

И вдруг внезапная решимость овладела им. Он откинул покрывало и поднялся. Натянув сапоги и прикрепив к поясу патронташ и револьвер, он выглянул наружу. Перед

палаткой пленницы не было часового. Положительно, судьба играла ему на руку!

У задней стены палатки тоже не было часового. Верпер, напрягая зрение, шагнул в темноту.

Луна слабо освещала внутренность палатки. У стены чей-то силуэт наклонился над грудой одеял. Понемногу глаза Верпера привыкали к темноте. Он увидел, что человек, склонявшийся над постелью, мужчина, и догадался, что этот ночной посетитель.

Красная пелена застала глаза бельгийца. Нет! Этот человек не получит ее! Она принадлежит ему и только ему. Он никому не уступит своих прав!

Он подкрался и кинулся сзади на Мохамет-Бея. Араб был поражен неожиданным нападением, но он был не из тех, кто сдастся без боя. Пальцы бельгийца искали горло араба, но тот оттолкнул его и, поднявшись, повернулся к своему противнику. Верпер резко ударил его в лицо, и араб, зашатавшись, полетел на пол. Бельгиец дергал рукоятку револьвера, стараясь вытащить его, но, как назло, он застрял в кобуре.

Прежде чем Верпер высвободил оружие, Мохамет-Бей опомнился и бросился на противника. Отчаянно борясь и пытаясь задушить друг друга, противники метались на

узкой площади палатки, в то время как женщина с глазами, широко открытыми от ужаса и удивления, следила за ними, не смея шевельнуться.

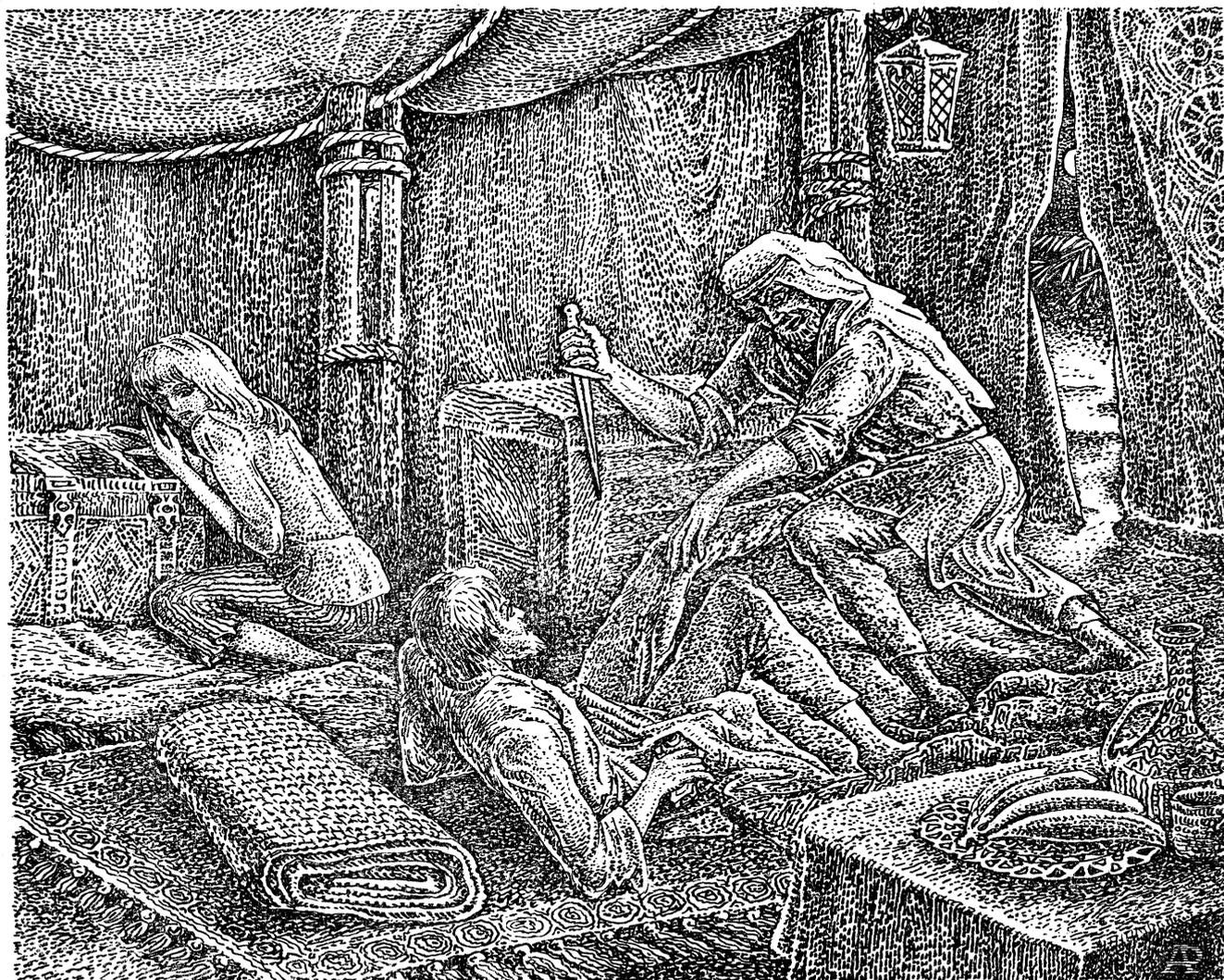
Несколько раз Верпер пробовал вытащить револьвер. Мохамет-Бей, не ожидая наткнуться на отпор, да еще отпор такого рода, пришел в палатку вооруженный только ножом. И во время первой короткой передышки он вытащил его из-за пояса.

— Собака! — пробормотал он. — Посмотри на этот нож! Взгляни хорошенько, неверный, потому что это последняя вещь, которую ты увидишь и почувствуешь в своей жизни. Если у тебя есть бог, молись ему сейчас — через минуту ты будешь мертв.

С этими словами он ринулся вперед с высоко поднятым над головой ножом. Верпер все еще безуспешно пытался освободить оружие. В отчаянии он бросился на пол к стене палатки и подставил ногу.

Хитрость удалась. Мохамет-Бей споткнулся о препятствие и грохнулся наземь. Он сейчас же вскочил, но в руке Верпера сверкнул револьвер, освобожденный наконец из кобуры.

Раздался громкий выстрел, и Мохамет-Бей упал, покатился по полу и замер у постели женщины, которую он

хотел обесчестить. Звук выстрела вызвал переполох. В лагере раздались возбужденные голоса. Люди перекликались друг с другом, перепуганные и недоумевающие.

Джен Клейтон подошла к Верперу с протянутыми руками.

— Чем смогу я отблагодарить вас, мой друг? — спросила она. — И подумать только, что я сегодня едва не поверила гнусной лжи этого мерзавца, когда он говорил мне о вашем вероломстве и о вашем прошлом.

Руки Верпера бессильно повисли. Он стоял, глядя на нее, и не находил слов для ответа. Ее доверие совершенно обезоружило его.

Тем временем в лагере арабы разыскивали, кто стрелял. Часовые, снятые Мохамет-Беем с поста, первые подали мысль осмотреть палатку пленницы. Верпер услышал, что сюда идут люди. Если его заподозрят в убийстве Мохамет-Бея — его ждет смерть. Он должен был найти какое-нибудь объяснение и помешать им увидеть труп.

Вложив револьвер в кобуру, он быстро вышел из палатки и очутился лицом к лицу с приближавшимися людьми. Он с улыбкой вытянул руку, преграждая им дорогу.

— Женщина сопротивлялась, — сказал он, — и Мохамет-Бей был вынужден выстрелить в нее. Она не убита, а лишь слегка ранена. Вы можете вернуться к себе. Мы с Мохамет-Беем останемся возле пленницы.

Он повернулся и вошел в палатку, а разбойники, удовлетворенные таким объяснением, вернулись к прерванному сну.

Возбуждение, пережитое Верпером во время схватки с Мохамет-Беем, и опасность, угрожавшая ему со стороны арабов, охладили пылкую страсть, во власти которой он находился еще несколько минут назад.

Но другое, новое чувство зародилось в душе бельгийца. Как бы низко ни пал человек, чувства рыцарства и чести, если только они когда-нибудь были в его сердце, не могут окончательно заглухнуть в нем; Альберт Верпер давно забыл о рыцарстве и чести, но совершенно бессознательно Джен Клейтон задела давно замолкнутую струну, и она отозвалась глубоко в сердце дезертира.

Слишком много гнусности и подлости лежало на его совести, чтобы он мог надеяться когда-нибудь искупить свои проступки. Но в первом порыве раскаяния он искренне желал исправить, насколько это будет в его силах, то зло, которое причинила этой милой, нежной женщине его безграничная жадность.

Джен прервала его размышления.

— Что нам делать теперь? — спросила она. — Утром труп обнаружат. Они убьют вас, когда узнают.

Верпер несколько мгновений думал, потом быстро повернулся к женщине.

— У меня есть план! — воскликнул он. — Для его выполнения от вас потребуется храбрость и самообладание. Хватит ли у вас сил еще на одно испытание?

— Я готова на все, лишь бы бежать отсюда, — отвечала она с улыбкой.

— Вы должны притвориться мертвой, — пояснил он. — Я вынесу вас из лагеря. Я скажу часовым, что Мохамет-Бей приказал мне унести ваш труп в джунгли. Это на первый взгляд странное приказание я объясню тем, что Мохамет-Бей питал к вам безумную страсть и не в силах был больше выносить укоров совести при виде безжизненного тела.

— Да вы лишились рассудка! — воскликнула Джен. — Неужели вы думаете, что часовые поверят этой нелепой сказке?

— О, вы не знаете их! — отвечал он. — Несмотря на

суровую внешность этих закоренелых преступников, в каждом из них есть романтическая жилка. Это чувство романтизма толкает людей к дикой жизни, преступлениям и разбою. Не беспокойтесь, наша хитрость удастся.

Джен Клейтон пожала плечами.

— Что ж, попробуем, — проговорила она. — Ну, а потом?

— Я спрячу вас в джунглях, — продолжал бельгиец, — а утром приду за вами и приведу двух лошадей.

— Но как объясните вы смерть Мохамет-Бея? — спросила она. — Она будет обнаружена прежде, чем вам удастся скрыться отсюда утром.

— Я ничего не стану объяснять, — ответил Верпер. — Это мы предоставим покойнику. Вы согласны на риск?

— Да.

— Тогда я сейчас принесу вам оружие и патроны. Через минуту Верпер вернулся со вторым револьвером и добавочным патронташем вокруг пояса.

— Вы готовы? — спросил он.

— Да, — ответила молодая женщина.

— Тогда ляте ко мне на левое плечо. Так! Теперь свесьте руки, ноги и голову совершенно свободно, чтобы они болтались. Помните, что вы мертвы.

В следующий момент бельгиец уже шел по лагерю с телом женщины на плече. Двое часовых мерно шагали при ярком свете костра. Один из них заметил приближение Верпера.

— Кто ты? — крикнул он. — Что несешь ты на плече?

Верпер откинул капюшон бурнуса, чтобы часовой мог видеть его лицо.

— Это труп женщины, — пояснил он. — Мохамет-Бей просил меня унести его в джунгли, потому что он не может смотреть на лицо той, которую любил. Необходимость заставила его убить ее. Он жестоко страдает, он совершенно безутешен. Я с трудом удержал его от самоубийства.

Джен, перепуганная, неподвижная, ждала ответа араба. Конечно, он рассмеется и не поверит этой глупой сказке.

— Ты пойдешь один, или разбудить кого-нибудь, чтобы проводить тебя? — спросил араб, и в интонации его не слышалось ни малейшего удивления по поводу того, что в характере Мохамет-Бея так неожиданно обнаружились нежность и чувствительность.

— Я пойду один, — ответил Верпер и мимо часового проскользнул в узкий проход.

Несколько минут спустя он уже углублялся в джунгли со своей ношей и, когда стволы деревьев скрыли пламя лагерного костра, остановился и опустил ее на землю.

— Шш-шш, — прошептал он, видя, что женщина хочет заговорить, и, отведя ее еще глубже в лес, остановился под большим развесистым деревом. Здесь он, вручив Джен патронташ и револьвер, помог ей вскарабкаться на нижние ветви дерева.

— Завтра утром, — прошептал он, — как только мне удастся улизнуть, я вернусь за вами. Будьте мужественны, леди Грэйсток!

— Благодарю вас, — ответила она тихо. — Вы были очень храбры и очень добры ко мне.

Верпер не ответил, и ночная мгла скрыла краску стыда, залившую его щеки. Он торопливо повернулся и направился к лагерю. Часовой со своего поста наблюдал, как бельгиец вошел в свою палатку, но он не видел, как тот ползком вылез из-под задней стены и подкрался осторожно к палатке, в которой лежало тело Мохамет-Бея.

Верпер пролез внутрь и, не медля ни минуты, схватил мертвеца за кисти рук и потащил за собой.

Выбравшись наружу, он взвалил его на плечи и быстро перебежал через открытое место. У шелковой завесы палатки Мохамет-Бей он остановился, опустил тяжелую ношу на землю и притаился, прислушиваясь.

Убедившись наконец, что никто его не видел, он нагнулся, приподнял полу палатки и вполз внутрь, волоча за собой мертвеца. Он уложил труп в постель и стал рыться в темноте, разыскивая револьвер араба. Найдя его, он вернулся к постели, просунул правую руку с револьвером под одеяла и левой плотно обернул ее несколькими слоями толстой ткани. Потом он нажал курок и одновременно с этим закаптался.

Заглушенный выстрел за звуками кашля не мог быть услышан даже вблизи палатки. Верпер остался доволен. Он вытащил револьвер из-под одеяла и осторожно вложил его в правую руку мертвеца, разместив три пальца вокруг рукоятки, а указательный прижав к курку. Потом он привел в порядок разбросанные покрывала и вышел из палатки тем же путем, спустив за собой шелковую полу и укрепив ее в прежнем положении. Затем он пробрался к себе и лег на постель.

На следующее утро он был разбужен криком раба Мохамет-Бей:

— Скорее, скорее! Мохамет-Бей лежит мертвый в своей палатке, он застрелился.

Верпер нервно вскочил с постели. Но при последних словах чернокожего он облегченно вздохнул.

— Я иду! — крикнул он и, натащив сапоги, вышел из палатки.

Когда Верпер вошел, толпа арабов стояла вокруг трупа своего начальника. Протолкавшись через людей, Верпер подошел к трупу. С минуту он молча вглядывался в мертвеца, потом повернулся к арабам.

— Кто сделал это? — крикнул он. В голосе его слышались угроза и обвинение. — Кто убил Мохамет-Бей?

И в ответ раздался целый хор возмущенных голосов. — Мохамет-Бей никто не убивал, — кричали они. — Он сам убил себя. Аллах и вот это — наши свидетели!

И они указали на револьвер в руке мертвеца.

Вначале Верпер симулировал недоверие, но потом как бы поверил, что Мохамет-Бей покончил с собой, раскаяваясь в убийстве горячо любимой женщины.

Верпер собственноручно обернул покрывала вокруг трупа, стараясь спрятать места, обгоревшие во время выстрела. Шесть человек чернокожих вынесли труп на поляну и опустили его в неглубокую могилу, выкопанную перед лагерем. Когда комья земли стали падать вниз, еще один вздох облегчения вырвался из груди Верпера: его план удался.

После смерти Ахмет-Зека и Мохамет-Бей разбойники остались без предводителя и после короткого совещания решили вернуться на север к своим племенам.

Узнав об этом, Верпер заявил, что он поедет на восток к морю. Разбойники ничего не знали о драгоценностях Верпера, и так как в нем совершенно не нуждались, они не возражали, чтобы он шел своей дорогой.

Наблюдая за отъездом арабов, Верпер благодарил бога, что наконец избавился от их общества. Когда топот их коней замер в отдалении, Верпер направил свою лошадь к тому месту, где он накануне оставил леди Грейсток.

Подъехав к дереву, он остановился и радостно воскликнул:

— С добрым утром!

Но ответа не последовало. Верпер тщетно вглядывался в густую листву. Он слез с лошади и взобрался на дерево, откуда ему были видны все верхние ветви. Убежище опустело — Джен Клейтон исчезла.

Когда Тарзан перебирал камешки, брошенные Ахмет-Зекон, его мысли нечаянно вернулись к груде желтых слитков, из-за которых так ожесточенно бились арабы и абиссинцы.

Что было общего между этой грудой грязного металла и красивыми сверкающими камешками, которые раньше наполняли его сумку? Какая мучительная неясная мысль все время преследовала его? Что значило то смутное воспоминание, почти уверенность, что эта груда слитков имела какое-то отношение к его прошлому и что она принадлежала ему?

Что было в его прошлом? Он покачал головой. Бледные картины детства, проведенного среди обезьян, медленно проходили в его памяти, а за ними следовала странная путаница лиц, фигур и событий, которые как будто никакого отношения не имели к Тарзану из племени обезьян, а между тем казались ему знакомыми.

Медленно и мучительно восстанавливалась его память по мере того, как поврежденный мозг заживал благодаря прекрасному кровообращению.

Впервые за долгое время образы, появлявшиеся в сознании, показались ему близкими и знакомыми, но он не мог ни водворить их на места, которые они занимали в его прошлой жизни, ни назвать их по именам.

Особенно часто в смутных воспоминаниях большого мозга появлялся образ прекрасной женщины. Кем была она Тарзану из племени обезьян? Ему казалось, что он ее когда-то видал в тех местах, где абиссинцы откопали золото, но только тогда окружающая местность была совсем другой.

Там было одно строение... нет, там было много строений... и там были плетни, живые изгороди и цветы. Тарзан наморщил лоб: он был озадачен. Ему уже показалось, что он нашел объяснение, и вдруг вся картина побледнела, словно подернулась дымкой, и на ее месте появилась сцена в джунглях: голый белый юноша, танцующий в кругу диких волосатых обезьян.

Тарзан покачал головой и вздохнул. Почему он не мог вспомнить этого? Он во всяком случае был убежден, что груда золота, место, где оно лежало, нежный аромат все время ускользавшей от него самки, образ белой женщины и он сам были каким-то образом неразрывно связаны между собой и что прошлое было связующим звеном между ними.

Но если в его воспоминаниях женщина была неразрывно соединена с тем местом, то где же было искать или ждать ее, как не там? Тарзан пойдет и поищет ее. Он перебросил пустую сумочку через плечо и по верхушкам деревьев направился назад к равнине.

Во время путешествия через равнину он наткнулся на небольшое стадо антилоп, которое паслось на полянке, со всех сторон защищенной кустами. Обстоятельства благоприятствовали охоте. В течение полудня Тарзан выслеживал жирную годовалую антилопу — и наконец одним махом подскочил к ней и уложил своим охотничьим ножом. Утолив голод, он направился по тропинке к реке. Когда он напился, ночь уже спустилась над равниной, а он был еще на расстоянии полуверсты от того места, где лежала груда желтых слитков.

В глазах обитателей джунглей время не имеет определенного значения, и торопливость, когда она не вызывается ужасом, гневом или голодом, для них вещь глубоко ненавистная. Поэтому он расположился на ночь на ближайшем дереве и заснул глубоким сном, убаюканный хором диких голосов преследователей и преследуемых. Утром

голод и жажда разбудили его. Он слез с дерева и направился к реке, к месту водооя. Однако лев Нума опередил его. Огромный зверь стоял у водооя и с жадностью лакал воду. Услышав шаги Тарзана, он поднял голову и через плечо взглянул на дерзкого нарушителя спокойствия. Он глухо зарычал, но Тарзан, догадавшись, что лев явился на водою уже после завтрака, лишь немного отклонился с тропинки и вышел к реке в другом месте, в нескольких ярдах от буро го хищника. Он стал на четвереньки и погружил лицо в прохладную воду. С минуту лев смотрел на человека, потом продолжил прерванное занятие. Человек и зверь утоляли жажду, стоя почти рядом, и со стороны могло показаться, что каждый из них забыл о присутствии другого.

Тарзан продолжал с наслаждением глотать воду, но краем глаза следил за каждым движением зверя, пока тот, напившись, не скрылся из виду.

Тарзан окунулся в прохладные струи, позавтракал яйцами, которые нашел в тростниках, и пошел вверх по реке к развалинам дома, где недавно лежала гряда слитков.

Велико было его изумление и огорчение, когда, пойдя к месту битвы, он увидел, что желтые слитки исчезли. Из земли, истоптанной ногами людей и копытами лошадей, слитки словно испарились.

Все исчезло: красивые камешки, желтый металл, самка, его собственные воспоминания. Тарзан был недоволен, Тарзану все опротивело и надоело. Он вернется в джунгли и отыщет Чолка. И он побежал к джунглям и на опушке с проворностью обезьяны взобрался на деревья.

Два дня бродил он таким образом по лесу. Ел, пил и спал, когда того требовал его организм, убивал, когда иссякали запасы, и нимало не заботился о будущем. На третий день утром до его ноздрей донесся слабый запах лошади и человека. Не медля ни минуты, он переменял направление и потихонечку по ветвям деревьев стал двигаться навстречу запаху.

Вскоре он увидел одинокого всадника. В первый же момент зрение подтвердило то, что обоняние только подозревало: всадник был человеком, который украл его камешки. Гневный огонек появился в серых глазах человека-обезьяны. Он спустился на нижнюю ветку. Один быстрый прыжок, и Верпер почувствовал, как что-то тяжелое упало на круп его перепуганной лошади. Лошадь захрипела и бросилась вперед. Стальные руки обвилились вокруг всадника. Он и моргнуть не успел, как его станили с седла, и через секунду он уже лежал поперек тропинки, и голый гигант придавил ему грудь коленом.

Верпер с первого взгляда узнал Тарзана, и лицо его покрылось мертвенной бледностью. Он пытался крикнуть, просить, умолять, но жестокие пальцы не дали ему говорить.

— Где красивые камешки? — кричал человек, сидевший на его груди. — Что вы сделали с красивыми камешками Тарзана?

Пальцы вокруг его горла разжались, чтобы получить ответ. Некоторое время Верпер задыхался от кашля.

Наконец он овладел собой и заговорил:

— Араб Ахмет-Зек украл их у меня! Он заставил меня отдать ему сумочку.

— Я видел это, — ответил Тарзан, — но там были только такие камешки, которые покрывают берега рек. Даже арабу они были не нужны, он с гневом отшвырнул их, когда обнаружил подмену. Нет, мне нужны мои хорошие камешки. Где они?

— Я не знаю, я не знаю! — кричал Верпер. — Я отдал их Ахмет-Зеку, потому что иначе он убил бы меня. Через

несколько минут он последовал за мной по тропинке, хотя и обещал больше меня не трогать, а я застрелил его. Я обыскал его, но не нашел сумочки.

— Я нашел ее, говорю я вам! — взревел Тарзан, — я нашел камешки, которые Ахмет-Зек отбросил с презрением. Вы спрятали их. Скажите мне, где они, или я убью вас!

И загорелые пальцы еще сильнее сжали горло бельгийца.

Верпер старался высвободиться.

— Боже мой, лорд Грэйсток! — с трудом прохрипел он. — Неужели вы совершите убийство из-за горстки камней?

Пальцы Тарзана разжались, удивление и недоумение отразились в серых глазах.

— Лорд Грэйсток! — повторил человек-обезьяна. — Лорд Грэйсток! Как это лорд Грэйсток? Где я слышал это имя?

— Да ведь вы же сами лорд Грэйсток! — воскликнул бельгиец. — Вы были ушиблены осколком скалы в туннеле Опара во время землетрясения. Вы пришли туда с вашими черными вазири за золотыми слитками из подземной комнаты. От ушиба вы утратили память. Вы Джон Клейтон, лорд Грэйсток; разве вы не помните?

— Джон Клейтон, лорд Грэйсток, — повторил Тарзан.

Несколько минут он молчал и сосредоточенно думал. Он провел дрожащей рукой по лбу, и вдруг в глазах его засветилась искорка понимания. Забытое имя разбудило смутные воспоминания, так мучительно преследовавшие Тарзана. Человек-обезьяна отпустил горло бельгийца и вскочил на ноги.

— Джен! — крикнул он и резко повернулся к бельгийцу. — Моя жена? — спросил он. — Что случилось с ней? Все мое имяние разрушено. Вы имели какое-то отношение ко всему этому. Вы пошли за мной в Опар, вы украли драгоценности, которые я считал просто красивыми камешками. Вы подлец и вор! Не старайтесь разубудить меня.

— Он хуже, чем вор, — произнес спокойный голос позади них.

Тарзан с удивлением обернулся. На тропинке в нескольких шагах стоял высокий человек в военной форме. За ним несколько черных солдат в форме свободного штата Конго.

— Он — убийца, сэр! — продолжал офицер. — Я давно разыскивал его, чтобы предать суду за убийство старшего офицера.

Верпер поднялся с земли бледный, трясущийся от ужаса. Судьба все-таки настигла его, выискала в глухих, непроходимых джунглях! Он инстинктивно устремился вперед, чтобы бежать, но Тарзан схватил его за плечо.

— Подождите! — сказал человек-обезьяна своему пленнику. — Вы нужны этому господину и мне тоже. Когда я разделаюсь с вами, он сможет получить вас. Скажите, что стало с моей женой?

Бельгийский офицер с любопытством оглядывал почти голого белого гиганта. Странный контраст представляли примитивный наряд и вооружение с той легкостью и беглостью, с которой этот человек говорил по-французски.

Первое говорило о низшей, второе — о высшей ступени культуры. Он никак не мог определить социальное положение этого странного существа; но ему совершенно не нравился диктаторский тон, которым этот молодец изъявил права на его пленника...

— Простите меня, — проговорил он, выступая вперед и опуская руку на другое плечо Верпера, — но этот человек — мой арестант. Он должен пойти со мной.

— Он пойдет с вами, когда я сведу с ним счеты, — спокойно ответил Тарзан.

Офицер повернулся и сделал знак солдатам, стоявшим на тропинке позади него.

Кучка чернокожих быстро окружила Тарзана и его пленника.

— Закон и сила на моей стороне! — заявил офицер. — Не будем спорить. Если у вас есть личные счеты с этим человеком, вы можете пойти вместе с нами и в общем порядке подать на него жалобу в авторитетный суд.

— Ваши законные права весьма сомнительны, друг мой, — ответил Тарзан, — и ваше приказание имеет только кажущуюся, а не действительную силу. Вы осмелились вступить на британскую территорию с вооруженными людьми. Кто дал вам право на такое вторжение? Где бумаги, уполномочивающие вас на арест этого человека? И откуда у вас уверенность, что я не могу привести сюда вооруженный отряд, который воспрепятствует вашему возвращению в свободный штат Конго?

Офицер потерял терпение.

— Я не намерен вступать в переговоры с голым дикарем, — закричал он. — Если вы не хотите сами пострадать, не вмешивайтесь в мои дела. Сержант, возьмите арестованного!

Верпер прошептал Тарзану:

— Не отдавайте меня им, я покажу вам место, где прошлой ночью видел вашу жену. Она не может уйти далеко отсюда.

Солдаты по знаку сержанта подошли, чтобы схватить дезертира. Тарзан схватил Верпера, поднял его одной рукой, как он поднял бы мешок муки, и прыгнул вперед, пытаясь прорваться сквозь кольцо солдат. Кулаком он ударил в лицо ближайшего солдата и отбросил его в толпу. Он вырывал винтовки из рук тех, кто преграждал ему дорогу, и черные солдаты падали направо и налево под могучим натиском человека-обезьяны.

Чернокожие не решились стрелять из опасения ранить кого-нибудь из своих. Тарзан уже протолкался сквозь толпу, но один из солдат, подкравшись сзади, нанес ему тяжелый удар прикладом по голове. Тарзан упал, и в следующий момент с дюжину черных солдат уже сидели на нем. Когда он очнулся, то понял, что крепко связан — точно так же, как и Верпер. Бельгийский офицер, довольный тем, что погоня увенчалась успехом, пришел в хорошее настроение. Он подтрунивал над арестованными, говоря, что сам не рассчитывал на такую быструю и легкую победу. Тарзан молчал, зато Верпер был очень разговорчив и громко высказывал свое возмущение. Он уверял, что Тарзан — английский лорд, но офицер только рассмеялся, услышав это, и посоветовал пленнику приберечь красноречие для оправдания перед судом.

Как только Тарзан пришел в себя и обнаружилось, что повреждение его несерьезно, весь отряд двинулся к пограничной линии свободного штата Конго.

К вечеру отряд остановился у реки и стал готовить ужин. Из густой листвы джунглей пара диких глаз с напряженным вниманием следила за деятельностью черных солдат. Из-под нахмуренных бровей лохматое существо наблюдало за тем, как устраивалось заграждение, раскладывались костры и приготавливался ужин.

Тарзан и Верпер лежали связанные за грудой походных ранцев. Когда ужин был готов, охранявший их солдат приказал им встать и подойти к огню.

Когда гигантский человек-обезьяна поднялся, выражение удивления появилось в глазах существа, сидевшего на дереве в джунглях, и глухой гортанный звук слетел с его губ. Тарзан моментально насторожился, но ответный

крик замер у него на губах: Тарзан боялся вызвать подозрение солдат.

Вдруг его осенила блестящая мысль. Он повернулся к Верперу:

— Я сейчас обращусь к вам громко на языке, которого вы не понимаете. Сделайте вид, что вы внимательно прислушиваетесь к моим словам, и время от времени бормочите что-нибудь такое, что могло бы казаться ответом на том же языке. Наше спасение зависит от того, как вы справитесь с этой задачей.

Верпер кивнул головой в знак согласия, и тотчас же Тарзан заговорил на странном наречии, которое с одинаковым успехом могло быть лаем собаки и болтовней мартышки.

Солдаты с удивлением посмотрели на человека-обезьяну. Некоторые из них рассмеялись, некоторые отодвинулись от него в суеверном страхе. Офицер приблизился к арестованным и остановился позади них, с интересом и любопытством прислушиваясь к странному языку. Когда Верпер пробормотал в ответ какую-то чепуху, он не выдержал и, подойдя поближе, спросил, на каком языке они говорят.

Судя по разговорам, которые офицер вел с арестованными во время перехода, Тарзан догадывался приблизительно о степени его образованности и, руководствуясь этим, объявил, что они говорили по-гречески.

— О, я так и думал! — ответил офицер. — Но с тех пор, как я изучал его, прошло столько лет, что я не был уверен. В будущем, однако, я очень бы просил вас изясняться на языке более мне знакомом.

Верпер отвернулся, чтобы скрыть усмешку, и прошептал:

— Что ж! Он принял это за греческий — и прекрасно!

Но один из чернокожих солдат пробормотал своему товарищу:

— Я уже слышал эти звуки раньше. Однажды ночью я заблудился в джунглях и слышал, как волосатые люди на деревьях разговаривали между собой, и их слова были похожи на слова этого белокожего. Лучше бы нам было не находить его. Он не человек, он — злой дух, и с нами случится несчастье, если мы не отпустим его!

И негр с ужасом посмотрел в черные джунгли.

Его товарищ нервно рассмеялся и подошел к группе солдат, чтобы рассказать им с вариациями и преувеличениями то, что он слышал. Через полчаса личность великана-пленника была окружена целой легендой о черной магии и внезапных таинственных смертях.

А далеко в окутанных ночной мглой джунглях волосатое человекоподобное существо по ветвям деревьев неслось на юг по какому-то таинственному поручению.

XXIII

Ужасная ночь

Джен Клейтон сидела в ветвях дерева, где оставил ее Верпер, и ей казалось, что эта долгая ночь никогда не кончится. Но наконец вззошло солнце, и через час на тропинке показался одинокий всадник. Сердце молодой женщины вновь наполнилось надеждой.

Просторный бурнус и широкий капюшон скрывали лицо и фигуру всадника, но Джен хорошо знала, что это Фреко: ведь и он носил арабский костюм, а кроме него никто не знал, что она здесь, и только он мог прийти за ней. Но она не разглядела ни темного лица под белым капюшоном, ни колонны смуглолицых всадников, медленно ехавших за поворотом тропинки следом за своим предводителем.

Наклонившись вперед, она радостным криком приветствовала приближающегося всадника. При первом ее слове человек взглянул вверх; Джен увидела темное лицо Абдул-Мурака и в ужасе отпрянула назад, но было поздно. Он крикнул, чтобы она спустилась. Она поняла, что сопротивление бесполезно, медленно слезла на землю и, подойдя к абиссинцу, во имя человеколюбия и справедливости стала просить отпустить ее.

Рассерженный недавним поражением, потерей золота и бегством пленников, Абдул-Мурак менее всего был склонен внять мольбам женщины.

Разжалование, а может быть и смерть ждали его дома за неудачи и несчастья, постигшие экспедицию. Но хороший подарок мог смягчить гнев Менелика, и уж, конечно, этот нежный цветок чужой расы будет принят императором с большой благосклонностью.

Когда Джен замолчала, он кратко ответил, что готов оказать ей покровительство, но должен отвезти ее к своему повелителю.

Молодой женщине незачем было спрашивать, зачем она нужна его императору, и надежда снова погасла в ее душе. Она покорно дала поднять себя в седло позади одного из солдат и под новым конвоем поехала навстречу тому, что теперь уже казалось ей неизбежной судьбой.

В битве с разбойниками Абдул-Мурак потерял проводников. Сам он был совершенно незнаком с местностью и сбился с дороги. Он направился на запад в надежде наткнуться на какую-нибудь деревню, где мог бы найти проводников. Но, когда наступила ночь, он был так же далек от своей цели, как и на заре.

Унылые, павшие духом, мучимые голодом и жаждой абиссинцы расположились лагерем в дикой чаще джунглей. Львы, привлеченные лошадьми, дико рычали подле тернистого заграждения, и гул их диких голосов сливался с ржаньем насмерть перепуганных коней. Ни люди, ни звери не могли заснуть. Число часовых было удвоено, не столько на случай нападения львов, сколько для поддержания костров, которые были лучшей защитой от зверей, чем тернистое заграждение.

Было около полуночи, но Джен, несмотря на бессоницу прошлой ночи, не могла даже задремать. Предчувствие несчастья, словно черный полог, висело над лагерем. Храбрые воины абиссинского императора нервничали и волновались. Абдул-Мурак то и дело подымался со своего ложа и беспокойно шагал взад и вперед между привязанными лошадьми и трещащими кострами. Молодая женщина видела его огромный силуэт на фоне яркого пламени костров и по его быстрым, нервным движениям поняла, что он боится.

Рычанье львов становилось все громче и яростнее. Лошади пронзительно ржали, стараясь порвать сдерживавшие их путы.

Огромный лев, свирепый и бесстрашный, подскочил к самой огаде, ярко освещенной пламенем костра. Часовой поднял ружье и выстрелил, и крошечный свинцовый шарик навлек все силы ада на маленький лагерь.

Пуля оставила глубокую болезненную борозду в боку зверя и привела его в неопределяемую ярость, но не лишила мощи и силы. Боль и ярость заставили его забыть об осторожности, и с громким злобным ревом он одним прыжком перескочил через барьер и очутился среди лошадей.

Лошадь, на которую кинулся лев, отчаянно ржала от страха и боли. Остальные порвали свои путы и бешено металась по всему лагерю. Люди бросились к заграждениям с ружьями наготове, и вдруг из джунглей целое стадо львов, ободренных примером товарища, бесстрашно напало на лагерь.

Поодиночке, по двое, по трое перескакивали они через заграждение, и маленькое пространство лагеря наполнилось криками и воплями людей и ржаньем лошадей, отчаянно борющихся за свою жизнь с зеленоглазыми чудовищами джунглей.

Джен стояла, пораженная ужасом, глядя на кровавую бойню, кипевшую вокруг нее. Мчавшаяся во весь опор лошадь сбила ее с ног, а через секунду лев, гнавшийся за другой насмерть перепуганной лошадью, тоже задел ее, и она снова упала на землю.

Среди треска ружейной пальбы и рева хищников слышались стоны жертв, схваченных обезумевшими от запаха крови львами. Скачущие хищники и мечущиеся лошади мешали абиссинцам действовать совместно: каждый думал только о себе — и в общей схватке беззащитная женщина была совершенно забыта. Спасти было невозможно. Вокруг жужжали пули солдат, неслись лошади, рыскали львы.

Пораженная случайной пулей лошадь упала возле Джен, лев прыгнул через тушу умирающего животного на воина, стоявшего напротив. Человек поднял свое ружье и ударил им по широкой голове Нумы, но в следующий момент, крича от ужаса, солдат слабыми тулаками колотил лохматую грудь в напрасном старании оттолкнуть от себя огромную кошку. Лев опустил голову, разверстая пасть с желтыми клыками закрылась над искаженным от ужаса лицом, и череп хрустнул в зубах хищника. Он перешагнул через труп лошади и поволок за собою безжизненную окровавленную ношу.

Труп мешал льву двигаться, и это еще больше разъярило его. Он злобно тряс безжизненное тело. Он ворчал и рычал, и бросил наконец предмет, который стеснял его движения. Он поднял голову и оглянулся в поисках новой жертвы, на которой он бы мог сорвать злобу. Гневные желтые глаза остановились на женщине, щетинистые губы раскрылись, обнажив клыки. Ужасающий рев вырвался из дикой груди, громадный зверь прыгнул к земле и приготовился к прыжку на беззащитную жертву.

* * *

Рано заснул лагерь, в котором лежали крепко связанные Вернер и Тарзан. Двое чутких часовых мерно шагали взад и вперед, внимательно вглядываясь в непроницаемую мглу джунглей.

Тарзан не спал. Тихо, но мощно растягивал он веревки, связывавшие его кисти. Мускулы напряглись под гладкой загорелой кожей его плеч и рук, жилы на лбу вздулись от напряжения. Одна веревка порвалась, другая, третья — и правая рука освободилась.

Из джунглей донесся глухой гортанный звук, и человек-обезьяна застыл, безмолвный и неподвижный как статуя. Его уши и ноздри сквозь черную мглу старались уловить то, чего не могли разглядеть глаза.

Опять раздался таинственный звук в густой листве за лагерем. Часовой внезапно остановился, пытаясь разглядеть что-нибудь во мраке. Волосы встали дыбом на его голове. Он глухим шепотом окликнул своего товарища.

— Ты слышал? — спросил он.

Тот, дрожа, подошел поближе.

— Что слышал? — спросил он.

Снова повторился странный звук, и сейчас же в ответ раздался такой же звук из лагеря. Часовые прижались друг к другу, вглядываясь в черную пустоту, откуда донесся голос. Они онемели от страха и, не посмея даже разбудить своих товарищей, стояли в ожидании чего-то ужасного.

Часовым недолго пришлось ждать. Большое темное

существо прыгнуло с дерева в лагерь. При виде этого призрака один из часовых пришел в себя. Он громко закричал, чтобы разбудить товарищей, и, подскочив к костру, подобрал в него охапку хвороста.

Белый офицер и черные солдаты вскочили на ноги. Пламя костра поднялось высоко, освещая весь лагерь, и проснувшиеся люди в суеверном страхе отступили назад перед тем, что представилось их глазам.

Десять-двенадцать огромных волосатых чудовищ показались на противоположном конце лагеря. Белый великан при помощи одной освобожденной руки поднялся на колени и кричал что-то этим страшным ночным посетителям на странном лающем языке.

Верперу удалось сесть. Он тоже видел дикие лица приближающихся человекоподобных и не знал, радоваться ему или пугаться. Огромные обезьяны с ревом подскочили к Тарзану и Верперу. Чолк шел впереди. Бельгийский офицер громко крикнул, приказывая своим людям стрелять. Но негры не двигались, исполненные суеверного страха перед волосатыми лесными людьми и уверенные, что белый великан, который может сзывать зверей джунглей, больше, чем просто человек.

Вытащив револьвер, офицер выстрелил, и Тарзан, зная, какое впечатление произведет пальба на его робких друзей, крикнул им, чтобы они поторопились.

При звуке выстрела несколько обезьян повернулись и бросились бежать. Но Чолк и с полдюжины других по приказанию человека-обезьяны схватили его и Верпера и понесли с собою в джунгли.

Путем угроз, упреков и ругательств бельгийскому офицеру удалось уговорить свою дрожащую черную команду дать залп по удалявшимся обезьянам.

Это был разрозненный, разорванный залп, но одна пуля попала в цель. Когда джунгли скрыли волосатых спасителей, Чолк, несший Верпера на широком плече, зашатался и упал.

Через секунду он снова был на ногах, но по его нетвердой походке Верпер понял, что тот тяжело ранен. Он ковылял далеко позади остальных и только спустя несколько минут после того, как они по приказанию Тарзана остановились, медленно доплелся до них, покачиваясь из стороны в сторону, и свалился под тяжестью своей ноши.

Падая, Чолк уронил Верпера лицом вниз, и тело обезьяны легло поперек его спины. Руки Верпера, все еще связанные, почувствовали прикосновение какого-то матерчатого предмета. Совершенно механически пальцы ощутили его. Это была мягкая сумка, наполненная маленькими твердыми зернышками. У Верпера захватило дыхание. Он узнал этот предмет. Это было невероятно — и все же это была истина.

Он лихорадочно пытался снять сумочку с обезьяны, но связанные руки не могли справиться с этой задачей. Ему, однако, удалось засунуть сумочку за пояс своих брюк.

Тарзан сидел неподалеку и распутывал последние узлы связывавших его веревок. Наконец он отбросил их от себя и поднялся на ноги. Он подошел к Верперу и, опустившись на колени, стал осматривать обезьяну.

— Чолк мертв! — объявил он. — А какое это было великолепное существо!

Он наклонился к Верперу и стал разрывать его путы. Прежде всего он освободил руки и потом занялся узлами на лодыжках.

— Я справлюсь с остальным, — сказал бельгиец. — У меня есть маленький перочинный нож, который не затегили, обыскивая меня.

Таким образом он избавился от услуг человека-обезьяны, открыл свой ножичек и перерезал ремень, удерживающий сумочку на плече Чолка. Справившись с этим, он переложил ее из-за пояса к себе за пазуху.

Жадность снова овладела Верпером. Забыты были все добрые намерения, пробужденные в нем доверием Джен Клейтон. То, что сделало доверие — уничтожила алчность.

Верпер не мог представить, каким образом самоцветы попали к большой обезьяне. Может быть, человекоподобное существо видело его стычку с Ахмет-Зекем и забрало их себе? Во всяком случае, он вновь обрел сокровища Опара: это было несомненно, и это было все, что нужно было знать Верперу.

— Теперь, — сказал человек-обезьяна, — исполните ваше обещание и покажите место, где вы видели мою жену.

Идти за медленно двигающимся бельгийцем было утомительно и скучно. Человека-обезьяну раздражало промедление, но европеец не умел бежать по ветвям, как его спутники, и поэтому приходилось терпеть.

Обезьяны некоторое время шли за ними, но потом им это надоело. Одна из них остановилась на лужайке, и остальные присели рядом. Они из-под нахмуренных бровей смотрели вслед удалявшимся людям, пока те не скрылись из виду. Тогда одна обезьяна растянулась под деревом, другие последовали ее примеру. Тарзана поведение обезьян несколько не удивило и не огорчило. Внимание его было отвлечено другим: издалека донеслось львиное рычание.

Тарзан не обратил бы внимания на знакомые звуки, но с той же стороны до него долетел звук выстрела. А когда за ним последовало отчаянное ржание лошадей и почти непрерывная перестрелка, сопровождаемая свирепым рычанием львов, он сразу же насторожился.

— Кто-то попал в беду, — сказал он, поворачиваясь к Верперу. — Я пойду туда. Это могут быть друзья.

— Может быть, ваша жена с ними, — сказал бельгиец.

Найдя сумочку, он стал бояться человека-обезьяны и все время думал, как бы скрыться от этого гиганта-англичанина, который одновременно был его освободителем и тюремщиком.

При этих словах Тарзан ускорил шаг, словно его подстегнули хлыстом.

— Боже мой, — крикнул он, — она может быть там, и на них нападают львы! Они уже в лагере, я слышу это по ржанью лошадей, а вот это кричит человек. Останьтесь здесь. Я вернусь к вам.

И, вскочив на дерево, он быстро понесся вперед, тихо и неслышно, как бестелесный дух.

Минуту Верпер стоял на месте. Потом хитрая улыбка появилась у него на губах.

— Остаться здесь? — проговорил он про себя. — Остаться здесь и ждать, пока ты вернешься и отнимешь мое сокровище? Нет, мой друг, я не дурак.

Повернув на запад, Альберт Верпер пробрался сквозь густую сетку вьющихся растений и исчез, словно призрак.

XXIV Домой

По мере того, как Тарзан приближался к лагерю абиссинцев, все сильнее становилась его уверенность, что люди не могут справиться с расклевывшими хищниками. Наконец между деревьями показался огонь костров, и в следующую секунду человек-обезьяна повис над лагерем. Он кинул быстрый взгляд на кровавую бойню

внизу, и сразу охватил все поле битвы. Глаза его остановились на фигуре женщины, стоявшей в двух шагах от огромного льва. Только круп лошади отделял ее от свирепого хищника.

Положение казалось Джен таким безвыходным, что она словно окаменела под взглядом льва и с полной апатией ожидала его нападения.

К чему бежать? Не лучше ли пасть сейчас же? Ведь все равно спасения нет. Она даже не закрыла глаз, когда увидела, как лев подобрал под себя задние ноги, готовясь к прыжку; и в этот момент кто-то спрыгнул с дерева на землю.

Тарзан, ее Тарзан был жив! Крик невыразимой радости сорвался с ее губ и замер, когда она увидела, что ее муж совершенно безоружен и что лев, оправившись от неожиданности, повернулся к Тарзану, чтобы отомстить.

У ног человека-обезьяны лежало разряженное ружье убитого абиссинца. Быстрый взгляд, искавший на земле какое-нибудь орудие для защиты, заметил винтовку, и, когда лев поднялся на задние лапы, чтобы разорвать дерзкое существо, осмелившееся встать между Нумой и его добычей, тяжелое ружье с шумом рассекло воздух и расколосось на широкой голове.

Бездыханный лев упал на землю, и Джен бросилась в объятия мужа. Со всех сторон львы нападали на новые жертвы. Метавшиеся лошади угрожали растоптать их. Пули еще оставшихся в живых абиссинцев жужжали над их головами.

Остаться здесь дольше — значило погибнуть. Тарзан схватил свою Джен и поднял ее на плечо. Абиссинцы видели, как голый гигант прыгнул с дерева, и теперь с удивлением смотрели, как он исчез в ветвях так же неожиданно, как и появился, унося с собой их пленницу.

С сердцем, переполненным радостью, Тарзан направился со своей драгоценной ношей к тому месту, где он оставил Верпера. Он был так счастлив, что решил простить бельгийца и даже помочь ему скрыться от преследующих его властей. Но Верпера на месте не оказалось. Тарзан несколько раз выкрикивал его имя, но ответа не последовало.

Убедившись, что человек умышленно скрылся от него, Джон Клейтон решил, что он вовсе не обязан подвергать свою жену дальнейшим опасностям, пустившись на поиски бельгийца.

— Своим бегством он признал свою вину, Джен, — сказал он. — Мы предоставим его участи, которую он сам себе уготовил.

Молча, охваченные радостью и тихой печалью, шли они сквозь знакомые джунгли. Под вечер до Тарзана долетел слабый звук.

— Мы приближаемся к вазири, Джен, — сказал он. — Я слышу их голоса. Они, вероятно, сделали привал на ночь.

Через полчаса они подошли к толпе черных воинов, которых Басули созвал на войну против разбойников. С ними были женщины их племени, которых они освободили в деревне Ахмет-Зека. Рядом с Басули стоял высокий черный воин, бросившийся в глаза даже среди великанов вазири. Это был Мугамби, которого Джен считал погибшим под обгоревшими развалинами.

О, что это была за встреча! До поздней ночи пляски, песни и смех будили звонкое эхо темного леса. Вновь соединившиеся друзья без конца рассказывали друг другу о своих приключениях, своих битвах с дикими зверями и дикими людьми, и заря уже занималась, когда Басули в сотый раз описывал, как он с кучкой своих воинов наблюдал за битвой абиссинцев и разбойников, и, когда

разбойники бежали, они вылезли из тростников и унесли драгоценные слитки, чтобы запрятать их в таком месте, где никогда не обнаружат их никакие разбойники. Из их отдельных воспоминаний о бельгийце выяснилась картина предательства Альберта Верпера. И только одна леди Грэйсток нашла в нем кое-что достойное похвалы, но и ей трудно было связать его многочисленные гнусные поступки с единственным примером чести и благородства.

— Глубоко в сердце каждого человека заложено зерно справедливости, — сказал Тарзан. — Твое доверие больше, чем твоя беспомощность, пробудили на мгновение заснувшую совесть этого падшего человека. Одним поступком он искупил все.

Прошло несколько месяцев. С помощью золота Опара верные вазири восстановили разрушенные поместья Грэйстоков. Жизнь обширной африканской фермы вошла в свое русло и потекла тихо и мирно, как до прихода Верпера и араба. Забыты были горе и невзгоды прошлого.

Впервые после долгих месяцев труда лорд Грэйсток разрешил себе маленькое развлечение. Была устроена большая охота, чтобы преданные труженики могли отпраздновать окончание своей работы.

Затея оказалась очень удачной, и через десять дней тяжело нагруженные охотники повернули обратно к равнине Вазири.

Лорд и леди Грэйсток с Мугамби и Басули ехали впереди колонны, смеясь и разговаривая с той дружеской фамильярностью и свободой, которыми общность интересов связывает честных и умных людей всех рас и племен.

Вдруг лошадь Джен испуганно попятилась от какого-то предмета, скрытого в траве лесной поляны. Зоркий глаз Тарзана искал объяснение испуга лошади.

— Что это? — воскликнул он, соскакивая с седла. Через минуту все четверо окружили кучку человеческих костей и череп, лежавшие в траве.

Тарзан нагнулся и поднял кожаную сумочку, которая застряла между обглоданными костями. Крик удивления сорвался с его губ, когда он почувствовал маленькие круглые предметы внутри ее.

— Сокровища Опара! — воскликнул он, высоко поднимая сумочку. — А вот это — все, что осталось от Верпера!

И он указал на кости у своих ног.

Мугамби засмеялся.

— Чему ты смеешься? — спросил Тарзан.

— Я наполнил сумочку бельгийца речными камешками, прежде чем убежал из лагеря абиссинцев. Я оставил бельгийцу простые камни и взял с собой то, что он украл у тебя. Открой сумочку — и ты увидишь.

Тарзан распутал ремешок и высыпал горстку камешков к себе на ладонь. Глаза Мугамби широко раскрылись от удивления, а Джен громко вскрикнула от восторга, когда из порыжевшей истасканной сумочки посыпались блестящие, ярко сверкающие камешки.

— Сокровища Опара! — воскликнул Тарзан. — Но как попали они снова к Верперу?

Никто не мог ответить на этот вопрос, потому что Чолк и Верпер были мертвы, а кроме них никто этого не знал.

— Бедняга! — проговорил человек-обезьяна, вскакивая в седло. — Даже после смерти он вернул мне потерянное. Пусть же его грехи покоятся вместе с его костями!

ПОСЛЕДНИЙ ИЗ ПЛЕЙСТОЦЕНА

Честь обнародовать эту историю принадлежит Буйному Пату Моргану, хохочущему, отчаянному, черноволосому потомук славных ирландских забияк.

Она и посвящена Пату Моргану, бывшему пилоту, лейтенанту американских ВВС, экс-изобретателю, боксеру-любителю, а главным образом — великоленному собутыльнику.

Мы должны были обедать вместе в «Вандоме» в тот день. Я дожидался Пата в баре, обсуждая вместе с прочими исчезновение борца-профессионала по прозвищу Скала. Без сомнения, все помнят его стремительный взлет к славе и как спортсмена, и как высокооплачиваемой кинозвезды. Его исчезновение занимало всех не меньше десяти дней. Мы пытались решить, похитили Скалу или полученные письма с требованием выкупа — дело рук какого-нибудь психа, когда вошел Пат Морган с экстренными выпусками «Геральд» и «Экспресс», которыми размахивали газетчики на улице.

Я пошел с Патом к нашему столику; он выложил газеты. Кричащий заголовок занимал чуть ли не полстраницы.

— Так его нашли! — воскликнул я.

Пат Морган кивнул.

— Полиция нашла не только его, но и меня. Я только что из главного управления. — Он пожал плечами, нахмурился и медленно заговорил.

— Мне всегда нравилось возиться со всякими изобретениями. Когда жена умерла, я постарался забыться, сосредоточившись на лабораторной работе. Это была плохая замена тому, что я потерял, но думаю, все же это меня спасло.

Я работал над новым горючим, куда дешевле и компактнее, чем газолин; но я обнаружил, что оно потребует радикальных изменений в устройстве двигателя, а у меня не было денег, чтобы перевести чертежи в металл.

Почти тогда же умер мой дед и оставил мне приличное состояние. Большая часть его ушла на экспериментальные модели, и вот, наконец, я отладил одну. Штучка вышла — просто блеск.

Я купил корпус и установил в нем двигатель, затем попытался продать и двигатель и горючее государству, но не тут-то было. Как только я доходил в официальных переговорах до некоей точки, я словно утыкался в невидимую каменную стену и застревал намертво.

Я так никогда и не узнал, кто или что тормозило меня, но я вспоминал тот случай с паровиком Добра.

Затем я обозлился и начал игру с русскими. В Европе

снова задували ветры войны, и советские товарищи решительно заинтересовались новой авиационной техникой.

В ходе переговоров я и встретил доктора Стэйда, тоже контактировавшего с русскими. Профессор Марвин Стэйд, таковы были его полный титул и имя, был парнем что надо. Здоровяк, плотного сложения, холерического темперамента и с самыми пронзительными синими глазами, какие мне доводилось видеть. Вы наверняка читали в газетах об экспериментах Стэйда с замороженными собаками и мартышками. Он замораживал их в камень на дни и недели, затем оттаивал и возвращал к жизни. Он осуществил также уникальные исследования по части гипнотического обезболивания при операциях. Но Ассоциация хирургов и Министерство здравоохранения разрешили вдребезги его программу, поэтому он был в ярости. Мы с ним были два сапога пара, оба озверевшие, и у нас были к этому все основания. Один Господь знает, насколько честно мы боролись за наше дело — он за победы над болезнями, я — за прогресс воздухоплавания!

Красные приняли доктора с распростертыми объятиями. Они согласились не только дать ему возможность продолжать эксперименты как угодно широко, но и финансировать их. Они даже пообещали разрешить ему употреблять людей в качестве подопытных. Я думаю, что у них в распоряжении был большой запас контрреволюционеров.

Когда Стэйд узнал, что я планирую перегнать самолет в Москву, он спросил, нельзя ли ему со мной. Он любил рекламу в той же мере, что и науку, и известность ему совсем не претила. Я сказал, что риск слишком велик и что я не хочу брать на себя ответственность ни за чью жизнь, кроме своей собственной, но, презрительно фыркая, он своим обычным голосом отвергал каждое мое возражение. Наконец я пожал плечами и сказал: «О'кей».

Не буду утомлять вас деталями полета. Жаль, что вы не могли прочесть об этом в газетах, потому что просочились по официальным каналам хоть одно слово, нам бы оказалась очень холодный прием. Пресса плотно закрыла всю информацию о нас, и точка. Были трудности с паспортами, отказы зарегистрировать самолет и все такое прочее. Но мы справились.

Двигатель работал отлично. Горючее — тоже. Все было отлично, включая мою навигацию, пока мы не оказались над самой забытой богом частью планеты — где-то в Северной Сибири, по моим картам. Именно там мой свежизобретенный карбюратор и забарахлил.

К тому времени мы набрали десять тысяч футов высоты, но пользы от этого было мало. Приземлиться было негде.

И тут я увидел крошечное желтое пятно впереди. Сверху оно казалось не больше моей ладони, но это было чистое место — крохотное святилище в самом сердце неприютельского лагеря. Мы сближались, и оно росло, пока не превратилось в несколько акров красновато-желтой земли, свободной от деревьев. Это был самый чудесный пейзаж из всех виденных мною раньше!

Когда машина прокатилась и остановилась на поразительно ровной земле, я повернулся и поглядел на доктора Стэйда. Он закурил сигарету. Его спичка догорела, он ухмыльнулся, и я понял, что он в порядке. Смешно, но никто из нас не заговорил с тех пор, как смолк мотор. Да и что было говорить?

Мы вылезли и огляделись. Неподалеку маленькая речка бежала на север, чтобы в конце концов припасть к Ледовитому океану. Спасший нас клочок земли находился к западу от изгиба реки. На восточной стороне вид-

нелся крутой утес, поднимавшийся над рекой футов на триста. Нижний слой выглядел как грязное стекло.

Когда мы приготовили и съели ужин, зарядил дождь. Долгие северные сумерки были стерты сердитыми тучами, что катились низко-низко с севера. Гром рушился на нас. Молнии рассыпали бледные бриллианты вокруг. Мы заползли в кабину и расстелили подстилки и одежду на полу за сиденьями.

Дождь все лил. То, что он когда-то сделал с древней Арменией за сорок дней и сорок ночей, с безымянной рекой где-то в Сибири он сделал за одну ночь. Никогда не забуду этот потоп.

На следующее утро вода бежала по новому руслу в нескольких ярдах от самолета, а утес отступил по крайней мере футов на пятьдесят к востоку. Передняя часть его обрушилась в реку и была снесена. Нижний слой был чистым, сверкающим льдом.

— Это интересно, — сказал доктор.

Спустившись к краю реки до нового утеса, он вдруг громко позвал меня. Я никогда не видел, чтобы профессор проявлял столько энтузиазма, разве что когда он честил своих неприятелей — медиков. Пришлось бежать.

Ничего такого восхитительного я сначала не увидел.

— Что это тебя так заинтересовало? — спросил я.

— Иди сюда, ирландец тупой, и погляди на человека пятидесяти тысяч лет от роду, а то и постарше! — Стэйд наполнил немец, наполнил шотландец, только это и объясняет его жуткий юмор.

Он был одет в меха и оброс могучей бородой. Человек лежал на боку, подложив руку под голову, словно крепко спал.

Стэйд был в экстазе. Он стоял там, выкатив глаза, и таранился на тело. Наконец шумно перевел дыхание.

— Ты сознаешь, Пат, что мы смотрим на человека, жившего пятьдесят тысяч лет назад, человека каменного века?

— Это подарок для тебя, док, — сказал я.

— Для меня? О чем ты?

— Ты можешь оттаять его и вернуть к жизни.

Мое предложение было шуткой, однако Стэйд был убитвенно серьезен, когда принялся за дело. От меня толку было немного, потому что через пару дней я свалился в странной комбинации простуды и лихорадки, отчего большую часть времени был слегка не в себе. Но когда я мог, я работал.

Две недели у нас ушло на постройку грубой хижины из молодых стволов, скрепленных глиной. Там были очаг и скамья для принадлежностей, захваченных с собой Стэйдом. Еще две недели мы вырубали нашего пещерного человека изо льда. Мы вынуждены были быть очень осторожными: была опасность расколоть его.

Я дал ему имя. Во льду, облаченный в шкуры, с мохнатым лицом, он был похож на громадного мордатого медведя-гризли, которого я видел однажды в Йеллоустоуне. Звали того гризли Джимбер-Джо, так же я окрестил и наше открытие. Лихорадка меня шатала — я чувствовал себя, словно после недельного загула.

Стэйд развел в очаге ревущее пламя, и наша хижина-лаборатория нагрелась, как духовка. Пропеллер с самолета, медленно вращаясь, обеспечивал циркуляцию воздуха сквозь сделанное для этой цели отверстие в стене. Я помогал устанавливать ледяную глыбу с нашим подопытным перед огнем, затем, окончательно отупев, свалился, предоставив все прочее Стэйду. Это был его праздник.

Все прочее я помню довольно смутно. Сначала Стэйд сделал большому Джиму переливание крови. Донором был я. Потом он сделал ему инъекцию адреналина. Склонив-

шись над обмякшим телом, доктор время от времени взглядывал на меня. В его глазах полыхало пламя. Внезапно он дернулся к своему пациенту, и я услышал его сдавленный вскрик.

Джимбер Джо открыл рот и зевнул!

Стэйд ввел ему полторы унции вытяжки передней доли гипофиза. Большой Джим сморщился и засучил пальцами. Он определенно оживал, и это меня испугало. Я чуть не зарыдал. Мы словно бы вмешивались в дела, вершить которые положено лишь Богу.

Мы сотворили чудо.

Большой Джим оказался отличной особью мужского пола, шесть футов три дюйма и красивая мускулатура. Лицо под бородой оказалось привлекательным, с правильными чертами, хотя челюсть была несколько тяжеловата. Стэйд сказал, что ему лет двадцать с небольшим.

Часа через два гость из прошлого сел и взглянул на нас. Нахмурившись, он быстро огляделся, будто ища оружие. Но его не было. Стэйд проследил за этим. Он попытался встать, но был еще слишком слаб.

— Не огорчайся, приятель, — сказал я ему, когда он наконец откинулся обратно. Он следил за нами: глаза его были широкими, спокойными и по-звериному внимательными. Затем он снова уснул.

Проболел он долго. Мы оба побаивались, что он не выкарабкается. Все это время мы нянчились с ним, как с младенцем; зато когда он начал поправляться, он стал доверять нам. Он больше не хмурился, не шаркался и не тянулся за оружием, когда мы оказывались поблизости; теперь он улыбался нам, и это была щедрая, привлекательная улыбка.

Сначала он бредил, все время говорил на странном языке, в котором ни слова было не разобрать, с плывущим «л» и долгими гласными. Одно слово он повторял в бреду чаще других — «лилами». Иногда оно звучало как молитва, иногда — с мукой и отчаянием.

Карбюратор я починил. Ничего серьезного с ним не произошло, просто слегка засорился. Мы могли лететь, ведь наводнение спало; но был Джимбер-Джо, которого мы для краткости стали называть Джимом. Нельзя же было оставлять его умирать, а для полета он был еще слишком слаб, поэтому мы и застряли.

Как только он достаточно окреп, начались уроки английского. Поначалу все шло невыразимо медленно. Но Джим оказался способным учеником, и, несмотря на отсутствие основ, быстро продвигался. У него была превосходная память. Он никогда ничего не забывал — если что-то узнавал, то навсегда.

Было бы слишком долго рассказывать о неделях его выздоровления и обучения. Он полностью поправился и научился говорить по-английски — и превосходно, потому что Стэйд высокообразованный человек. Это хорошо, что Джим научился английскому не у меня — казармы и ангары не то место, где можно приобрести академический выговор.

Если Джим был интересен нам, вообразите, чем были для него мы. Однокомнатная хижинка, выстроенная нами, казалась ему чудом архитектуры. Он рассказывал, что его народ жил в пещерах, и он все думал, что это за странную пещеру мы нашли, пока мы не объяснили ему, что построили ее.

Зантриговала его и наша одежда, а уж оружие было нескончаемым источником восхищения. Когда я впервые взял его на охоту и подстрелил зайца, он остолбенел. Может быть, он был просто напуган шумом, дымом и мгновенной смертью добычи; но если и так, этого не показал. Джим никогда не выказывал страха, возможно потому,

что он его никогда и не ощущал. В одиночку, вооруженный лишь копьем с каменным наконечником да каменным ножом, он охотился на большого красного медведя, когда его настиг ледник. Он рассказал нам об этом.

— За день до того, как вы меня нашли, — сказал он, — я охотился на красного медведя. Дул ветер, снег и дождь хлестали меня. Ничего не было видно. Непонятно, куда было идти. Скоро я устал. Я знал — если лягу, то усну и никогда не проснусь. Но в конце концов не выдержал и лег. Если бы вы не появились на следующий день, я бы умер.

Как было ему объяснить, что его «вчера» — это пятьдесят тысяч лет назад?

В конечном счете мы все же продвигались, хотя я сомневаюсь, что он воспринял громадную дыру во времени от того момента, когда он покинул родную пещеру для охоты на большого красного медведя.

Когда он впервые понял, где оказался и что тот день и его времена никогда не вернуться, он снова выдохнул знакомое слово — «лилами». Теперь это было почти рыдание. Я не знал, что столько сердечной боли, столько жажды можно вложить в единственное слово.

Я спросил его, что оно значит.

Отвечать ему пришлось долго. Он старался справиться со своими чувствами, что было совсем неожиданно. Обычно казалось, что у него эмоций нет.

— Лилами — это девушка, — говорил он, — то есть была девушка. Она должна была стать моей подругой, если бы я вернулся с головой большого красного медведя. Где она сейчас, Пат Морган?

— Старайся не думать о ней, друг, — посоветовал я. — Ты никогда больше не увидишь Лилами снова.

— Нет, увижу, — ответил он. — Если я не умер, не умерла и Лилами. Я найду ее.

Самолет был настолько вне представлений Джима, что он даже не задавал о нем вопросов. Думаю, что другой человек при сходных обстоятельствах перецугался бы. Треск пропеллера, грохот выхлопов, дикий крен при взлете должны были испугать Джима, но он никак этого не показал. У него была физиономия вполне современного и весьма пресыщенного молодого человека.

Я дал ему свой старый костюм — брюки, горные ботинки и кожаную куртку. Он был гладко выбрит. Наблюдая, как мы скоблим свои подбородки, он настоял, чтобы и его побрили, а затем научился делать это сам. Трансформация была впечатляющей — из пещерного человека в Адониса через несколько движений ножницами и безопасной бритвой!

Я смотрел на него и думал о цивилизации, с которой ему вот-вот придется столкнуться. Очень скоро, думал я, Лилами для него станет лишь слабым воспоминанием. Но я не знал еще Большого Джима...

Мы, наконец, добрались до Москвы, и здесь чертовски дорого заплатили за неожиданного пассажира. Но что меня достало, так это их настойчивое желание доказать, что мы все шпионы, контрреволюционеры, нацисты, фашисты, капиталисты и все остальные, кого в Советской России предали анафеме.

Конечно, паспорта у Джима не было. Мы старались объяснить, что в плейстоцене паспортами не пользовались, но это ни к чему не привело. Они собирались нас расстрелять. В конце концов на помощь пришел американский посол, и они в качестве компромисса согласились выпереть нас из страны. Это меня устраивало — по сравнению с тем, что могло бы быть. В одном наш «русский опыт» пригодился: Стэйд и я решили держать язык за зубами относительно родословной Джима. Это было

предложение Стэйда, и, признаюсь, я удивился, услышав его. Добрый доктор никогда не отказывался от рекламы, а здесь ведь для него был отменный шанс постучать в барабан. Подумать хотя бы о научных почестях.

Однако Стэйду все это было неинтересно, так он сказал. Он внезапно стал со мной застенчив и кроток — начал говорить о трудностях с установлением абсолютной научной истины, и все такое прочее. Предложил подождать немного — пусть наш гигант ориентируется сам. Он бы оставил Джима ненадолго на мое попечение, так как его ждут неотложные дела в Чикаго...

Я пожал плечами и согласился.

Мы прибыли в Америку, окутанные завесой молчания. Фактически Джима везли в США контрабандой, и нам приходилось об этом помалкивать. А что еще мы могли сделать! В конце концов, квота на плейстоценцев еще не введена.

Когда мы вернулись домой, я забрал его к себе на Биверли Хиллс: соседям было сказано, что это мой старый друг Джим Стоун из Скенектади.

Города, особенно большие, потрясли Джима. Он считал, что небоскребы — это большие горы с пещерами. Как ни смышлен он был, но представить, что человек может построить нечто столь колоссальное, Джим не мог.

Таскать его повсюду было просто подарком. Кино, например, для него было такой же реальностью, как смерть или налоги. Однажды мы смотрели сериал про пещерных людей, и Джим аж подпрыгивал на месте, ему было очень трудно сдержаться. Он просто изнемогал от желания влезть в одну из этих отличных пещер! А уж когда злодей схватил ведущую актрису за волосы и поволок через декорацию, Большой Джим выскочил в проход и помчался к экрану. Я сгреб его за фалды пиджака. Да, повеселились мы с Джимом...

Как-то вечером я взял его на борцовский матч в «Олимпик». У нас были места в партере. Одинокий Волк и Маленький Скелет наносили друг другу увечья за канатами ринга. Это взвинуло Джима.

— И это, по-вашему, великие войны? — спросил он. Затем, прежде чем я успел что-либо предпринять, перелетел через канаты, схватил и швырнул обоих в третий ряд.

Одинокий Волк и Маленький скелет пострадали, однако публики и устроители были за Джима. До конца вечера менеджеры подписали с ним контракт на встречу с победителем, и неделей позже наш пришелец из каменного века выступил на ринге перед Маленьким скелетом.

Вспоминая тот вечер, я смеюсь до сих пор. Скелет известен своим дурным характером, а также тем, что владеет всеми грязными трюками, которые знают другие борцы, да еще изобрел несколько своих. Но испробовать их на Джиме он не успел. В ту секунду, когда они сошлись на ринге, человек из времен мамонтов схватил его, добежал с ним до канатов и швырнул теперь уже в четвертый ряд.

Фокус этот, к восторгу публики, был проделан трижды, после чего Скелет остался среди зрителей. До сих пор никому не удается уговорить его выйти на ринг.

Почти то же случилось и в боксе. Я дал Джиму кое-какие предварительные наставления в мужественном искусстве делать из ушей цветную капусту. К тому времени он уже был известен как борец. Каждый вторник он приходил в «Олимпик» и сокрушал несколько завсегдаев, швыряя в них противников. Он никогда не боролся, не строил рож, но и никогда не давал противнику шанса. Он просто хватал его и вышвыривал с ринга. Однажды ко мне обратился менеджер:

— А боксировать это чудо не может? — спросил он.

— Не знаю. Бороться он не умеет, однако всегда выигрывает. Почему бы не попробовать! Ставлю тысячу зеленых, что он отключит любого из ваших «Великих Белых Надежд».

— Принято, — сказал менеджер.

В следующую среду был бой. Я предостерег Джима:

— Не забудь, — настаивал я его, — что надо боксировать, а не бороться.

— Я должен бить? — поинтересовался Джим.

— Да, бить покрепче.

— Порядок. Давай его сюда!

Они пожали руки и разошлись по углам: гонг. Белая Надежда бросается вперед, начинает размахивать руками... Это его не спасло. Большой Джим выдал один жуткий удар правой, перенятый, верно, у пещерного медведя, и Белая Надежда повисла на верхнем канате. Это был конец боя. Прочие кончались так же...

И тут Джима заметили киномагнаты.

Однажды, когда мы еще обсуждали наш контракт в кино, довелось попасть на просмотр. Лорна Даунс играла главную роль. Как только она появилась на экране, Джим вскочил.

— Лилами! — закричал он. — Это я, Колани!

В это время злодей как раз издевался над Лорной. Джим прыгнул к экрану... Черт бы с ним, с экраном, однако Джима попытался задержать управляющий. Это была ошибка. После того, как управляющего принесли с тротуара, мне пришлось употребить все красноречие, чтобы поладить с ним и уберечь Джима от тюрьмы.

Когда мы вернулись домой, я спросил, что все это значит.

— Это была Лилами, — сказал он.

— Это не Лилами, это Лорна Даунс. А то, что ты видел, даже не сама Лорна — это ее движущееся изображение.

— Это была Лилами, — мрачно сказал этот громила. — Я тебе говорил, что найду ее.

Лорна Даунс тогда совершала рекламное турне со своей последней картиной. Джим собрался отправиться за нею. Я объяснил, что он подписал контракт на съемки и должен выполнять условие. Еще я сказал ему, что Лорна Даунс через несколько недель вернется в Голливуд, и он, хотя и очень неохотно, но согласился подождать.

Наконец Лорна вернулась. Я был с Джимом, когда они встретились. Это было на съемке в студии, посередине эпизода, но когда он увидел ее, то выскочил из кадра и побежал... Никогда прежде я не видел столько счастья и любви на мужском лице.

— Лилами! — сказал он голосом, звеневшим от чувства, и потянулся к ней.

Она отпрянула.

— Эй, парень, в чем дело? — поинтересовалась она.

— Ты не узнаешь меня, Лилами? Я Колани. Вот я и нашел тебя, и теперь мы можем уйти вместе. Долго же я искал тебя...

Она поглядела на меня.

— Вы его опекун, мистер? — спросила она. — Если так, то верните его в школу, и пусть его там запрут понадежнее.

Я отвел Джима в сторону и поговорил с нею. Всего я ей не сказал, но достаточно для того, чтобы она поняла, что Джим не сумасшедший, что он славный парень и что он в самом деле верит, что она и есть девушка, которую он знал в другой стране.

Он стоял поодаль, она присела и смотрела на него

несколько секунд, прежде чем ответить, затем сказала, что будет с ним добра.

— Это будет интересно, — добавила она.

После этого они почти все время были вместе. Очень было похоже, что кинозвезда влюбилась в пещерного человека. Их можно было увидеть вместе и на просмотрах, и в тихих рестораничках, и на долгих автомобильных прогулках...

А потом однажды вечером она отправилась на вечеринку с коктейлями без него. Куда идет, не сказала: он разыскал ее и около семи приехал туда.

Лорна сидела на коленях у какого-то типа, и он, обняв за талию, целовал ее. Разумеется, это ничего не значило — для них. На вечеринке девушка может целовать кого угодно, конечно, кроме собственного мужа. Но для Джимбер-Джо из пятидесятого тысячелетия до рождества Христова это очень даже имело значение.

В два прыжка он перелетел комнату. Не сказав ни слова, он просто сгреб Лорну за волосы и сдернул ее на пол, затем схватил парня и запустил его через всю комнату. Вот теперь это был настоящий пещерный человек, без всякого сомнения!

Лорна вырвалась из его рук и залепила ему щечину.

— Пошел вон, дурак здоровый!.. — завизжала она. — Ромео несчастный! Кончено! Все с тобой!..

Пальцы Джима сжались в кулак, но он ее не ударил. Ярость ушла с его лица, плечи опустились. Без звука он повернулся и побрел прочь. Больше его никто не видел — до самого сегодняшнего утра.

Пат Морган поднял руку, заказывая официанту еще пару хайболлов.

— Вот и вся история Джимбер-Джо, — сказал он. — Понимай, как хочешь. По твоему лицу я вижу то, о чем и сам не раз думал: ты считаешь, что Стэйд воспользовался моим состоянием, а может, и заигнотизировал меня, чтобы внушить, что я видел то, чего никогда не происходило в той сибирской лачуге... Вполне возможно. Подобрал он какого-нибудь беглого, одичавшего до потери цивилизованного обличья мужика и... Чувь все это!

Он постучал по газете, где аршинными заголовками сообщалось о находке тела Джима-Скалы. Рассказывалось о взлете Джима к славе, об исчезновении, об обнаружении его этим утром, о возможном самоубийстве.

— Здесь не все, — сказал Пат Морган. — Полиция вызвала меня опознать тело, и это был точно Большой Джим. Они обнаружили его в камере холодильника продуктового склада — видимо, он был там уже не первую неделю. Лежал на боку, руки сложены под щекой. Более спокойного человека — живого ли, мертвого — я не видел. К лацкану его пиджака была приколота записка, адресованная мне. Полиция ничего не могла из нее понять, а вот мне она сказала все. Вот она: «Я иду искать настоящую Лилами. И не оттаивайте меня снова».

Леонид
ОСИНЦЕВ

ПОЧЕМ СОТНЯ ГРЕБЕШКОВ

Рисунок
Николая Мооса

В Исетском Зауралье до революции и в первые годы после нее жило более собока кустарных промыслов. Некоторые из них, как последние из могикан, дошли и до наших дней...

Большинство промыслов появилось здесь вместе с русскими и других национальностей переселенцами во второй половине XVII века и позднее, когда народ буквально хлынул за Камень, на привольные сибирские земли. В Шадринском уезде все промыслы, за редким исключением, использовали местное сырье, опирались на местную потребу.

Строили переселенцы жилье. Для него нужны были транспортные средства — сани, телеги, и возник так называемый экипажный промысел, а помимо него — колесный, плетение ездовых коробков. Транспортные нужды вызвали к жизни кузнечное, шорно-сыромятное и веревочное дела.

Печи научились ладить — сначала из битой глины, а потом стали класть из кирпича.

Предметами домашнего обихода жители обзаводились с помощью кустарей-кузнецов, столяров, бондарей, гончаров, ткачих-половичниц, гребенщиков.

Земледелие, в частности выращивание льна и конопли, давало сырье для ткацкого и вязального промыслов. Животноводство породило

кожевенный, а он, в свою очередь, давал сырье для сапожного и шорно-сыромятного дела. Шерсть шла пимокатам, ткачихам, вязальщицам, шкуры животных — в овчинно-шубное производство. Была основа для мукомольного, маслостолового и других производств. Потом возникли мясное, колбасное, сыроваренное дела.

В Зауралье, как, впрочем, и по всей России, промыслов было очень много. Расскажу о некоторых из них.

В ПОДСАРАЕ КИРПИЧИ...

Кирпичный промысел в окрестностях Шадринска и в уезде перед «той ерманской» развивался быстро — им занималось более семисот хозяйств, причем только в пригородной Барневской волости, в том числе в деревнях Бакалде, Ершовой и Осевой, кирпич делали 250 семей. Далее шли Далматовская, Каргапольская, Белоярская, Мехонская и Ольховская волости. Спрос был так велик, что крестьяне-кустары производили ежегодно более 11 миллионов штук.

Обычно промысел начинался весной, когда земля оттаивала, и мастеровые, найдя хорошую поляну, снимали дерн с площади примерно 25 квадратных метров. Открывшийся слой глины вскапывали сантиметром на 20, а затем выливали несколько бочек воды и заходили в эту будущую яму, по-здешнему — затопь, двух лошадей, которые часа два топтали, месили глину. Из одной ямы вынимали пластов пять или семь, стараясь вычерпать до дна.

Женщины таскали мятую глину в сарай, по-местному — подсарай (они, крытые соломой, стояли обычно возле ям). Здесь мятая глина складывалась в кучу, а сверху притопывалась, чтобы не высохла.

А в подсараях мужики резали глину на кирпичи на деревянных станках. Обычно из одной ямы выходило около 750 штук. Кирпичи здесь же складывались и лежали месяца два, затем их переносили в яму и только в октябре обжигали.

Между прочим, в уральской колыбельной песенке есть слова:

*Баю-баю-баю-бай.
Пооди, бука, в подсарай.
В подсараях кирпичи,
Буке некуда легчи.*

Кирпич в тех же ямах, из которых делали выемку глины, обжигался от двух до четырех суток — продолжительность каления зависела от степени сухости кирпича. К слову сказать, крестьяне жалели на обжиг добрые дрова и чаще всего обходились мелким березняком и ольховником или использовали старые подгнившие постройки.

В некоторых селениях Каргапольской волости делали подовый, то есть огнеупорный кирпич, который шел на кладку: подов в печах и ценился выше.

После обжига кирпич лежал в ямах до самого сбыта. Продавали его в Шадринске и Кургане, а также использовали для местных нужд.

ИВАЧЕВСКИЙ ЭКИПАЖ

Экипаж — легкая, не грузовая рессорная повозка. И хотя промысел назывался экипажным, у нас таких рессорных колясок не делали, а мастерили так называемые ходки. Если же на дроги сверху ставился пологий кораб из тонких досок, то получалась обыкновенная телега. А если помещался ездовой завитой коробок с наделкой, то выходил уже местный выездной экипаж, называемый ходок.

Обычно в ходок впрягались выездные кони. И хотя у него не было рессор, ехать на нем было мягче, чем на телеге, так как коробок был короче тележного, и березовые дроги, соединяющие две пары колес, больше пружинили при езде.

Для зимнего гужевого транспорта экипажники делали сани и кошевы. Причем сани были двух видов — простые и розвальни. Простые — узкие, так называемые дровни, а розвальни — с обочинами, соединенными с собственно санями веревочной сеткой или прочной тканью.

На розвальнях не только перевозили грузы, но и совершали поездки — в гости или по делам. На розвальнях всегда было сено, чтобы ехало теплее и мягче, а также чтобы покормить в дороге коня. В сено прятали провизию и разные предметы быта.

Кошевые или кошевки — легкие зимние повозки — делали двух сортов. Простые, незатейливые обшивались рогожей, а более дорогие имели изящную фигуру и обивались коврами и кожей. В кошевую, как и в ходок, усаживалось два пассажира, а впереди на облучке восседал кучер с вожжами и кнутом или вицей в руках. Бывало, езживали и без кучера.

Экипажным промыслом в уезде занималось 80 хозяйств, из них особенно славилась экипажники деревни Ивачевой Сухринской волости, что недалеко от Шадринска. Они поставляли на рынок добротную и привлекательную продукцию, поэтому спрос на ивачевские экипажи был большой. В таежной деревне Зарубиной, что находилась в Смолинской волости, делали обычные телеги и сани. Промысел был распылен и по другим селениям обширного уезда. А два мастера, надо полагать, высокой квалификации, жили в Шадринске.

124 хозяйства поставляли на местный рынок колеса, но большинство колесников обитало в селе Ольховское Озеро.

ЕЗДОВЫЕ КОРОБКИ

Плетение коробков возникло, главным образом, из-за обилия тальника (ивняка) и черемухи в Исетском Зауралье. Вторым причиной развития промысла стал большой спрос на плетеные коробки у степных жителей Оренбургской губернии и Асмолинской области. 120 хозяйств в долине Исети ладали коробки.

Простой завитой коробок требовал немного инструмента — топор, нож, молоток да железный брус. Но если ездовой коробок с наделкой, то есть облучком, то тут уж никак не обойтись без струга, долота, стамески, да и верстака.

Кроме прутьев тальника и черемухи, для остова коробка требовались осиновые или березовые дуги, а для наделки — доски, которые шли на сидение, а также «спину» и локотники. Для оковки брали круглое и обручное железо, а для покраски — олифу, сажу, керосин и лак.

Было время, когда тальник и черемуху рубили в своих огородах. Потом стали добывать на стороне. Значительные заросли были у деревень Боровой, Мыльниковой, Воробьевой и в окрестностях Мехонки. Крестьяне, на чьих землях рос тальник, продавали его пайками на корню.

А о черемуховых прутьях и говорить нечего — вокруг них полный ажотаж. Шадринские перекупщики ловят черемуху у въезда в город, а затем по более высокой цене продают кустарям. А не хочется переплачивать 2—4 рубля за кубометр, поезжай в места заготовки — Мехонскую волость или в деревню Притыку возле Черноярки.

Зимами коробки плели в жилых избах или саманных помещениях, а летом на вольном воздухе, под навесами.

В деревнях Боровой, Тумановой и в Самаревской волости делали, в основном, завитой некованный коробок, а из деревни Осокиной Барневской волости на рынок поставляли окованные с наделкой. Некоторые кустари изготавливали только вицы, то есть один плетень, а в мастерских шадринских скупщиков доводили их до ума — пристраивали наделку и оковывали.

Нередко скупщикам в Шадринск сдавались и готовые плетеные коробки, а те сбывали их в Крестах, на местных ярмарках, но главная продажа была в городах Троицке и Кустанае, селах Чумлянском и Куртамыше.

**ВО КУЗЕНКЕ
МОЛОДЫЕ КУЗНЕЦЫ...**

Более четырехсот хозяйств в уезде занимались кузнечным промыслом. Веселый стук-перезвон молотка

и наковальни вместе с петухами будили сельских жителей.

Наибольшее число кузниц находилось в Бродокалмакской и Далматовской волостях, но шадринцам больше были известны агапинские и погорельские кузнецы. Возникновению промысла в Агапиной способствовало то, что рядом, в селе Иванищевском, жили шорники, шили конскую сбрую, а для нее надобны были удила, кольца к уздам, пряжки, бляхи. В предвоенный год в Агапиной стояло около дюжины кузниц, а в Большой Погорелке семь, зато в некоторых — по два горна.

Небольшие кузенки в Агапиной строили из самана, покрывали дерном или тесом. В помещении, как обычно, находились горн и меха, наковальня, тисы, лежали молотки, клещи, зубила, рапили. Так как изделия были небольшие, то кузнецы обходились без молотобойцев.

В Большой Погорелке кузницы строили побольше, и мастера в них работали с молотобойцами. Деревня находилась на небольшом проезжем тракте, здесь ремонтировали повозки, сбруи, оковывали экипажи, а рядом с кузницами стояли станки о четырех столбах, в которых ковали лошадей.

Кроме предметов для сбруи, в кузницах под Шадринском делали долотья наварные и простые, тисы, скобы, накладки для дверей и сундуков, подтяжки для телег, конские путы, ухваты, сковородники, боронные зубья...

А где же брали материал? Железо, в основном, покупалось в Шадринске, но некоторые кузнецы пользовались старым хламом. Уголь привозили крестьяне из Буткинской тайги.

Поверхность материала не шлифовалась, поэтому местные изделия не выдерживали конкуренции, например, с ярославскими. У тех товар, благодаря шлифовке, выглядел лучше да и цена его была ниже.

КОЖЕВНИКИ

Иванищевские шорники способствовали появлению в Агапиной кузнечного промысла, и они же да еще сапожники повлияли на развитие кожевенного промысла в Канашинской волости, где появилось около 30 мастеров.

Наиболее зажиточные имели кирпичные, под железными крышами кожевни, у других, что беднее, мастерские были деревянные и не таких крупных размеров. В кожевне ставили два дубильных и один зольный чан на 50—65 кож каждый, квасник на 25 кож да один или два запасных подчанка. Тут же клали печь с котлом, запасались необходи-

мым инструментом — клещами и стругом. А кожи хранили в кирпичных амбарах — кладовых.

Кожевни чаще всего находились во дворах. Только богатые мастера, имевшие до пятнадцати дубильных чанов, строили кожевни подальше от жилья, так как дух от них был тяжелый.

Кожевенный промысел в селе Кашни вызвал к жизни дуботолочное производство, и вокруг села было построено около ста ветряных мельниц для толчения дубового корья.

В селе выдывали конские, коровьи, бычьи и верблюжьи кожи. Сырье шло из Тюмени, Петропавловска, Куртамышя, Чумляцкого, Кустаная, Троицка, Челябинска, Ирбита, с Крестовско-Ивановской ярмарки и местных торжков.

Кашнинские кожевники старались брать для выделки кожи подешевле, так как партнеры — ивановские сапожники — шили, в основном, бахилы и обутки.

При производстве кож получались и другие товары. Например, мездра, которую продавали клееваренному заводу в Шадринске. Шла в дело и шерсть: ольховские пимокаты брали, например, коровью, ее использовали ткачихи половиков. А конские хвосты и гривы употребляли для веревочного промысла.

Раньше скотоводы вместе со шкурой продавали и рога, но в описываемый период они уже шли в гребеночное производство. В уезде было зарегистрировано 32 хозяйства, занятых выделкой гребней, и все они находились в Крестовской волости. Промысел этот трудоемок, включал в себя до 20 операций. Кроме того, вредно отражался на здоровье мастеровых, так как при строгании, нарезке и шлифовке зубьев было много пыли и стружек, а запах от распаренных в печке рогов с непривычки был просто невыносим. Не зря в этих краях бытовало выражение: по чем сотня гребешков?

КОНОПЛЯНЫЕ ВЕРЕВКИ

Веревоный промысел в Каргапольскую волость занесли в середине XIX века переселенцы из деревни Никитиной Усть-Кишертской волости Кунгурского уезда, где издревле было развито веревочно-канатное производство. Жившие по соседству переселенцы из Осинского, Красноуфимского, Оханского и Пермского уездов с интересом присматривались к плетению веревок и шнуров, а потом и сами освоили их производство.

Мастерские находились в лесу, около деревни, и представляли собой большое деревянное колесо до 4 метров в диаметре под навесом, а также несколько табурок и катушек,

отсыколен. Работа шла в любое время года.

Для веревок использовали местные материалы — трепаную коноплю, куделю, очес. Нужны были также волос для ожигания, клей, смола и воск. Конопля покупалась в Кургане, Ирбите, Каргаполье, Шадринске и по соседним деревням, да на удворных землях засевали ею до 10 десятин.

Трепали коноплю для пряжи женщины, а мужчины пряли нитки. Находилась работа и детям — они крутили колесо. Работа длилась около 5 дней, а на шестой нитка скручивалась в веревку. Тут участвовала вся семья. Скрученная веревка отшваркивалась от кострики и слегка натиралась клеем, а укупорочный шнур — воском.

Далее веревка ожигалась: ее обертывали жгутом из волоса, прикрепляли его к вальку с постромками, впрягая в них лошадей, которая и провозила жгут с одного конца веревки на другой. После такой операции веревка приобретала твердость и лоск.

Канаты вырабатывались крайне редко, больше — веревка и укупорочный шнур, на который в торговом краю был большой спрос. Шнур назывался — мотаус.

ОСИНОВСКИЕ БОЧКАРИ

По местным преданиям бондарный промысел в Усть-Миасской волости возник еще в XVIII веке, когда в этих местах весело дымился винокурный заводик, а при нем находились бочкари с наемными рабочими. В бочках нуждался винокурня, требовались они для засолки грибов и капусты, для держания патоки и воды — пожары в те времена возникали довольно часто.

Но вот заводик закрылся, бочкарей наделили землей, и выросло поселение Осиновский заводчик. Долгое время осиновские кустари работали на скотопромышленника Фрола Колесникова, которому бочки нужны были под сало. А в описываемое время промысел переживал не лучшую свою пору, так как заказы шли только от паточных заводчиков, производство же патоки зависело от урожая картофеля. А какой урожай в засушливом 1911 году! Но как бы там ни было, а в год кустари производили до 4500 бочек.

Готовые бочки сдавались на завод, видимо, в начале лета. Но так как за лето они рассыхались, то перед заливом патоки кустари приезжали, разбирали свою продукцию, снова сколачивали бочки, окамышивали и забивали сучки.

Постепенно ремесло из Осиновского заводчика перешло в село Усть-Миасское, деревню Шахматову и в Водениковскую волость.

Внимание государственных предприятий, организаций, банков, страховых компаний, коммерческих служб.

Внимание государственных и независимых издательств, КЛФ и частных лиц.

«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ»

один из немногих в стране журналов, имеющих наивысший читательский рейтинг — 460 тысяч подписчиков — принимает заказы на рекламу.

«Уральский следопыт» читают всей семьей — следовательно, около полутора миллионов человек могут стать потенциальными клиентами или потребителями Вашей продукции.

Являясь российским, журнал имеет десятки тысяч подписчиков на Украине, в Казахстане, а также в других суверенных государствах. Реклама в «Уральском следопыте» — реклама в масштабах Содружества.

Редакция дает рекламные объявления как внутри журнала, так и на обложке (вкладках) в черно-белом и цветном исполнении.

За дополнительную оплату редакция может взять на себя разработку рекламных идей и художественное оформление.

ОБРАЩАТЬСЯ ПО АДРЕСУ:

620219. Екатеринбург, ГСП-353, ул. Декабристов, 67, редакция журнала «Уральский следопыт»; тел. 22-45-01, 22-10-74.

«Уральский следопыт» подготовил специальный выпуск газеты, посвященный математику-прогнози-сту Мохаммаду Сидику Афгану (журнал рассказывал о нем в № 7 и 12 за 1991 г.). В многостраничном издании — новые прогнозы известного прорицателя, его адрес.

Желающие приобрести спецвыпуск должны прислать в редакцию (620219, г. Екатеринбург, ГСП-353, ул. Декабристов, 67, Кононовой Александре Дмитриевне) три рубля, не забыв в разделе «Для письменного сообщения» на бланке почтового перевода указать свой адрес. Помните об инфляции — поторопитесь с заказом!

Раздел ведет
Александр СЕМЕНИН

РЕПА

Издавна репу считали у нас исконно русским овощем. Ее варили и жарили, квасили и парили, пекли и ели в сыром виде. И возделывали в былые времена на Руси почти повсюду. В северных же краях репа была едва ли не главным продуктом питания. Да и не только у нас. В III веке до н. э. древнегреческий ботаник Теофраст рассказывает о ней как о самом любимом овоще своих соотечественников. Еще лет 300 назад репа, вместе с хлебными злаками, лидировала в наборе жизненно необходимых для человека продуктов. Тогда европейцы не знали картофеля, и крестьянские наделы были засажены в основном репой.

Сеять репу — занятие непростое, ведь семена ее очень мелкие, почти пылевидные. В наше время опытные огородники, чтобы равномерно рассеять семена, предварительно смешивают их с песком (в соотношении 1:10). А раньше существовал другой способ посева — «расплывывание» семян сеяльщиком, идущим по полю.

Сегодня репа занимает весьма скромное место в пищевом рационе нашего современника. Даже для жителей сельской местности она стала скорее баловством, забавой. А между тем по двум важнейшим показателям — питательности и продолжительности хранения — предшественница картофеля многим овощам даст фору. Ее корнеплоды богаты сахарами, минеральными солями, витаминами В₁, В₂, В₆, РР. Хранят репу в подвалах или овощных ямах в чуть увлажненном песке или в полиэтиленовых пакетах при температуре воздуха от 0 до +2 °С. Если главная опасность для картофеля, заложенного в овощехранилище, — различные гнили, вызываемые грибковыми болезнями, то качество корнеплодов репы ухудшается, главным образом, от их высыхания.

Большое достоинство репы — ее скороспелость. От посева семян до сбора корнеплодов проходит всего 60—70 дней, так что даже в условиях короткого уральского лета можно собирать два урожая (сеют репу в начале мая и в первой половине июля). Мелкие ее семена не заделывают в почву, а равномерно рассыпают на выровненной и слегка уплотненной поверхности, после чего осторожно поливают из лейки с мелким ситечком. Всходы появляются уже через 4—6 дней.

Репа — двулетнее растение, в первый год образует съедобный корнеплод, во второй — зацветает и завязывает семена. Иногда (при прохладной затяжной весне, сменяемой сухим жарким летом) начинает цвести уже в год посева, что конечно же нежелательно, ведь у ранозацветающих растений корнеплоды очень мелкие. Впрочем, существуют различные сорта репы, вес корнеплодов которых колеблется от десятков граммов до нескольких килограммов.

Помните известную сказку? Дед, бабка и внучка все вместе пытались вытащить уродившуюся на грядке чудо-репку. Тут надо сказать, что достигнув очень больших размеров, репа становится жесткой и дупливой. Самыми нежными и вкусными бывают корнеплоды размером в перечнике 5—8 см.

Вот несколько агротехнических правил. Почва под репой должна быть умеренно влажной, достаточно питательной и рыхлой. Не впрок растению слишком сухое и

жаркое лето — репа вырастает горькой и жесткой. Сладость и сочность придают ей подкормки печной золой и поваренной солью (соответственно: 3 стакана и 5 граммов на квадратный метр почвы). Совершенно недопустимо внесение свежего навоза — корнеплоды израстают и становятся малосъедобными.

На наших полях и в огородах растет, в основном, репа «Петровская». Это старинный русский сорт, за восковую окраску корнеплодов названный «Вошанкой». Выращивают его в северных и центральных районах России, Средней Азии, республиках Закавказья — везде урожай «Петровской» высок и стабилен. Широко культивируют также сорта: «Карельская беломясая», «Майская красноголовая», «Самаркандская местная», «Грибовская».

В некоторых областях России находят применение и «вершки» репы. Молодые нежные листья используют для приготовления салатов. Иногда отваривают стебли (они образуются у растения на втором году жизни), по вкусу напоминающие спаржу. И все-таки самое ценное в репе — ее «корешки». Из них можно приготовить немало вкусных блюд. Вот некоторые из них.

Репа тушеная. Очищенную репу нарезают на мелкие части, заливают небольшим количеством воды и тушат в закрытой посуде до состояния мягкости. На 500 г репы берут 60 г сливочного масла или маргарина, 1 столовую ложку сахара, соль по вкусу.

Репа пареная. Одно из старинных русских блюд. Особенно хорошо удается репа в русской печи: очищенный корнеплод нарезают на дольки, закладывают в горшок, добавляя в него немного воды, затем ставят горшок в истопленную печь на всю ночь. К утру блюдо готово.

Репа с яйцом. Репу очищают и трут на мелкой терке. Сваренные яйца нарезают, смешивают с натертой репой, добавляют нашинкованный репчатый лук, сметану и соль. На 2 репы берут 3 яйца, 1 луковицу, 2—3 столовых ложки сметаны.

Еще раз о тессерах, или из опыта карточной системы древнего мира

В первом номере нашего журнала за 1991-й год была помещена статья молодого екатеринбургского философа Виктора Руденко «Талон для тессериста», где он описал свою коллекцию талонов на продукты питания, обувь, одежду и т. д., собранную в разных уголках страны, коснулся истории вопроса. И, несмотря на всю болезненность затронутой автором темы для подавляющего большинства соотечественников, на горькую иронию, с которой пишет он о своих «экспонатах», публикация вызвала немалый читательский интерес. В редакцию до сих пор приходят письма от коллекционеров с просьбами помочь наладить обмен, люди присылают неотоваренные карточки (все равно, мол, пропадать, а тут для пользы), Виктору даже предложено участвовать в выставке. Что ж, во всем этом видится лишь добрый знак. Значит, не настолько еще погружены мы в собственную бедность, чтобы не быть в состоянии взглянуть на нее со стороны, не попытаться понять ее причины, не улыбнуться лишний раз — пусть и сквозь слезы — над неуклюжим своим житьем-бытьем...

А исследователь тем временем продолжает свою работу, и очередные его открытия если не вселяют оптимизм, то по крайней мере хоть в чем-то, хоть чуть-чуть успокаивают. Может быть, помните: в первой статье В. Руденко лишь вскользь упоминает о «прапрапрадедах» современных талонов — римских тессерах, а основное внимание уделяет их отечественной, в частности — советской генеалогии. Однако новые данные красноречиво доказывают: нет, не нашей распадающейся империи принадлежат первые рекорды в изощрениях по части распределения разного рода товаров.

Когда бы человеческая жизнь была столь же долгой, как в ветхозаветные времена, то наш повидавший виды современник, как выясняется, воспринял бы появление талонов, карточек, заборных книжек, «заказов» и «приглашений» если не с радостью избавления от ностальгии по прошлому, то уж привычным, давно знакомым явлением — точно. Больше того. Он бы наверняка

с удовольствием дал современным изобретателям карточных систем массу полезных рекомендаций.

Уже, в прошлом столетии любители древностей обратили внимание на странные свинцовые и бронзовые полужетоны-полумонеты, долгое время считавшиеся лишь курьезными довесками к частным нумизматическим коллекциям Борджиа, барона Рекунаро, а впоследствии и к собраниям крупнейших музеев Рима, Парижа, других европейских столиц. «Штучки» эти оказались не просто забавными. Впервые верно названные в XVII веке известным итальянским антикваром Франком Фикарони римскими тессерами, они играли заметную роль в жизни пращуров нынешних европейцев.

Знатоки в курсе, что раковины каури, шкуры животных, какаобы стали первыми деньгами чело-

вечества. Прародители современных карточек и талонов менее известны. Между тем, путешествие в их биографию, располагай мы машиной времени, представляется не менее романтичным и захватывающим, нежели чем в родословную денег. Отважившемуся на него обязательно пришлось бы окунуться в стихию азартных игр: ведь именем «тессера» в античном мире обозначали некоторые виды игральные костей. Он непременно оказался бы замешанным и в остро сюжетные детективные истории, когда с помощью тессер гостеприимства — совместимых половинок деревянных досочек или глиняных черепиц — распознавали друга или врага. Наш путешественник неминуемо столкнулся бы с костяными палочками гладиаторских тессер и познакомился с сочными римскими ругательствами, занесенными опять

Иллюстрации М. Ростовцева из книги «Римские свинцовые тессеры», С.-Петербург, 1903 г.

же на особые палочки-тессеры. Куда бы он ни отправился — в баню или на зрелище в театр — везде ему понадобилось бы показывать «контролеру» тессеру — своеобразный входной билет. Оттиском тессеры-печатки (по-гречески «симболом») он скрепил бы свое тайное послание, а случись ему знатиться с важными вельможами, он наверняка бы стал свидетелем заключения договора, результатом которого явилась бы выставленная в общественном месте бронзовая тессера-плита, возвещающая о сути соглашения. Короче, наш герой увидел бы невероятное разнообразие древних предметов, общий объединяющий признак которых — прямоугольность. Этот признак и отражен в греческом слове «тессера». Лишь позже им стали называть и некоторые ромбические или круглые монетовидные жетоны. Но не будем расплываться и пытаться охватить все семейство тессер — оно слишком велико и разнообразно. Остановимся на так называемых легитимационных (от латинского «легитимус» — «законный») «документах», которые требовалось предъявлять при раздачах дармового или дешевого хлеба, масла, вина, а нередко и денег.

Точная дата возникновения этих «документов» неизвестна. Но с уверенностью можно сказать, что они появились на закате римской республики, когда экономический кризис привел к необходимости раздачи хлеба беднейшим слоям населения. Хлебные раздачи — так называемые фрументации (от «фрументум» — хлеб, зерно) — впервые введены императором Гаем Гракхом (153—121 гг. до н. э.), и уже во время реформ Августа (63 г. до н. э.—14 г. н. э.) фрументационные тессеры были неотъемлемой частью жизни двухсот тысяч римлян, имеющих право на участие в раздачах. В некоторые же годы число законных получателей доходило и до трехсот тысяч. Были это в основном представители римского городского плебса, императорской гвардии (преторианцы), городской полиции. При императоре Севере (208—235 гг. н. э.) к ним добавились пожарники, отслужившие более трех лет. Правом на бесплатные продукты обладали также некоторые коллегии аппариторов — низших технических служащих при высших магистратах, имеются сведения о тессерах для отдельных воинских легионов. Еще имели их дети с одиннадцатилетнего возраста.

Заметим, что в отличие от нашего «талонноладельца» римлянин не усматривал ничего постыдного в том, что пользуется «карточкой». Напротив, во времена республики принадлежность к категории «фрументум публикум» означала для него, гражданина, имеющего право на получе-

ние части государственного дохода, определенную степень свободы и исключительности. Государство в свою очередь и не пыталось умалчивать или как-то прикрывать факты раздач. Напротив, организуя выдачу хлеба, оно манифестировало свою заботу о гражданах. Ведь во времена империи тессеры успешно пропагандировали монархическую идею как реальный показатель материальной зависимости народа от правителя. Не случайно сенат и принципс тщательно оберегали свое право на проведение раздач, особенно денежных. Символично и то, что особый уполномоченный по раздачам обладал одним из значительных префекторских титулов.

Согласно выводам видного русского исследователя начала века М. Ростовцева, история римских легитимационных тессер, насчитывающая более трех столетий — свидетельство поистине неисчерпаемых возможностей в «талонном деле».

Первоначально выдача хлеба проводилась ежемесячно и в один день, но не всегда в одном месте. Особую роль при раздачах играла тессера-нуммария — бронзовый монетовидный «талон» небольшого размера (8—35 мм, 15—18 мм), выдававшийся на каждую отдельную фрументацию. Аналогичные тессеры служили и для получения нерегулярных добавок, осуществлявшихся из личного фонда императора. Наряду с ними циркулировали свинцовые тессеры так называемых конгиариумов (от «конгий» — мера жидкостей, 3,28 л) — нерегулярных денежных и других даров, приуроченных к праздникам и обычным фрументациям. Выдавались они, тем же получателям хлеба. Примечательно, что среди тессер конгиариумов попадает первый известный нам «талон» на вино — тессера винария. Больше же частью это тессеры, обслуживающие денежные раздачи. О денежных раздачах следует сказать особо, и не только потому, что эта интересная форма государственной заботы не известна нашему населению. Привлекательной и притом поучительной для начинающих политиков, желающих заручиться поддержкой народа, является ритуальная сторона дела. В первые годы империи такие раздачи носили сугубо индивидуальный характер и обставлялись с большой помпой. Совершались они лично императором и членами его семьи. Император восседал на трибуне, около него стояла свита, рядом сидел счетчик. Перед трибуналом держали табличку, на которой был описан характер совершавшегося акта. Граждане, облаченные в тоги, поднимались на трибуну и получали деньги из рук самого правителя. Весь этот спектакль длился несколько дней.

В эпоху от правления Клавдия до правления Севера раздачи централизуются и проводятся в течение месяца уже в единственном месте — здании в Риме, именуемом Минуциев портик, имевшем несколько выходов — остиев. При этом появляется новшество, о котором впервые упоминает Персий (34—62 гг. н. э.), — новшество, возможно, в какой-то степени предопределившее и пути развития нашей карточной системы. Каждый представитель «фрументум публикум» теперь владеет наследственным «документом», устанавливающим за ним раз и навсегда право на государственный хлеб. «Документ» этот — тессера фрументария — скорее всего был изготовлен в виде деревянной дощечки, на которой рядом с именем получателя указывался день и место получения хлеба в определенном остии Минуциева портика. В отличие от наших правил, все еще запрещающих передачу или перепродажу карточек, римские установки на этот счет были более либеральны: такая «хлебная карточка» могла быть продана, завещана, куплена или подарена. Переняв столь ценный опыт, отечественные власти могли бы позаимствовать и форму их распределения, до максимальной простоты доведенную небезызвестным императором Нероном (37—68 гг. н. э.): Нерон элементарно разбрасывал наследственные тессеры толпе.

Хотя при Клавдии фрументационная тессера была выделена в особый «документ», система нуммарий все еще сохранялась. Но нуммарии стали выполнять роль контрольных марок. Каждый обладатель наследственной тессеры получал контрольную марку-талон и шел в назначенный день в портик. Там, не предъявляя основной тессеры, он отдавал куратору свой «талон» и получал хлеб. Чиновник складывал тессеры в одно место и затем проверял число получавших по спискам и сверял его с контрольными марками.

В период правления Севера и в дальнейшем вновь произошли изменения. Впервые появился известный нам талон на растительное масло (римляне получали оливковое). Раздачи опять децентрализовались и перенеслись поближе к хлебопекарням. Специально «под них» в разных местах устраивались трибуны, на которых в бронзе были выбиты списки лиц, имеющих право получать хлеб в этом месте. К трибунам ежедневно являлись получатели со своими тессерами. Монетообразные тессеры исчезли и во многом потому, что римлянам, так же как и нам, приходилось вести борьбу с подделками. Фальшивоталонное дело, несомненно, процветало в великой империи. Именно этим можно было объяснить регулярную переотливку тессер для

каждой фрументации. Издержки борьбы с «фальшивотессерщиками» не могли не сказаться и на качестве изготовления этих «документов». В отличие от монет, не требующих ежемесячной перечековки, они были гораздо менее художественны, грубы. Массовость и спешка выпуска, однородность действия вынуждали использовать для их производства менее привлекательную по сравнению с благородными металлами бронзу, а позже просто свинец, на котором императоры не желали даже оставлять изображения своих августейших голов.

И все же нельзя не подчеркнуть, что при всей неприглядности с точки зрения свободного римлянина, для нас по своему художественному оформлению римские «талоны» остаются непревзойденными образцами такого рода «творчества». Нет, они ничем не напоминали наши унылые серые казенные бумажки. Композиция тессеры была тщательно продумана, иллюстрация на ней, помимо необходимой информации, несла весомую пропагандистскую нагрузку. Чего только не было на тессерах! Модий (мера сыпучих тел) и дерево с фруктами, Фортуна и три Грации, Меркурий, Минерва, Виктория, соединенные руки, зерна, якорь, кратер, рог изобилия, скорпион, змея египетская в венце между двумя пальцами, кузнечик, венок, сосуд с колосьями, мухи, улитки, слоны, якорь, плуг, попугай, рыба, кролик, ящерица, мыши — вот наиболее характерные символические изображения, которые римлянин, да и мы с вами пока еще легко можем расшифровать. Муравьи, несущие зерно, кузнечик, улитка — олицетворение собирательства и скопидомства, коими достигается уверенность общества в своем правительстве и в завтрашнем дне. Соединенные руки — знак согласия и связанного с ним успеха. Рог изобилия и Фортуна с весами пояснений не требуют. Ящерица — постоянный обитатель зреющей нивы. Слон, носорог, скорпион, попугай символизируют щедрую хлебную провинцию Африку. Царская змея — не менее щедрый Египет. Эфесская муха — благодатную Азию. Плодовые деревья — изобилие. Якорь и плуг — атрибуты торговли.

Что можем изобразить мы? Фортуна или Харона из царства мертвых? Пальму или солому? Рукопожатие или кукиш?..

А вот римские правители не могли отказать своим несостоятельным под-

данным не только в пище, но и в необходимых развлечениях, прекрасно понимая: для уважения к себе одного хлеба мало, нужны еще зрелища. И Рим дал своим маломужным гражданам театральные тессеры. Мало того: из глубины веков до нас дошли даже тессеры частных бань — возможность полной бесплатной помывки с благовониями, опять же на зависть нашим согражданам, измученным нехваткой мыла.

Регулярные и нерегулярные раздачи хлеба, денег, вина проводились и в так называемых коллегиях — объединениях людей определенной профессии или приверженцев совместных культов (Апполона, Надежды, Геркулеса). В период развития коллегияльной жизни в Риме, особенно во II в. н. э., в коллегиях кожевников, тибрских рабочих, рыбаков, перевозчиков, торговцев, мебельщиков, лодочников и других раздачи приурочивались, как правило, к крупным датам: ко дню рождения императора, к Новому году, дню основания коллегии. Деньги выдавались кассой коллегии из процентов на капитал. Целью таких раздач, помимо взаимной поддержки, являлось, между прочим, совместное проведение пирушек и торжеств с воздаванием соответствующих почестей Бахусу. А чтобы подвыпивший или забывчивый владелец случайно не потерял свою тессеру, в ней проделывалась дырка, и «талон», таким образом, мог называться на бечеву.

Изобретение римлян не было забыто и в дальнейшей истории. Очень похожи на тессеры бронзовые и свинцовые марки Парижа и голландских

городов, регулировавшие жизнь здешних корпораций в XV—XVIII веках. О прилегающих же к Риму территориях и говорить не приходится, так как все они были подвержены взаимному влиянию. Кстати, очень даже не исключено, что сам Рим позаимствовал опыт использования тессер для регулирования функций городского хозяйства из Греции. Применялись они уже в Италии, Галлии, Испании. Свои тессеры имел Карфаген и Гадрумент, а в континентальной части Африки — Константина. Во многих музеях мира хранятся несколько отличающиеся от римских глиняные тессеры Пальмиры. По предположениям того же М. Ростовцева, они служили для контроля раздач, сопровождавших обряд погребения знати. Тессеры изготавливались в определенном количестве и раздавались людям, приходившим на погребение и имевшим право участвовать в погребальном пиршестве. Не напоминают ли они современные справки и талоны на приобретение погребальной водки?

Как бы ни были разделены временем металлические тессеры и наши бумажные талоны, и какими бы ни казались искусственными здесь параллели, между ними есть глубокая связь — уже без всяких иронических натяжек. В сущности, и те и другие рождены бедностью, той или иной формой хозяйственного кризиса государства. И те и другие есть особый голос власти: приказывающий и заискивающий; успокаивающий и пугающий; ехидный и усыпляющий. Другой вопрос, что, казалось бы, с течением веков существования человечества он должен бы для каждого нового поколения звучать все менее навязчиво и сделаться в конце концов почти неслышным. Однако увы — пока наша с вами практика лишь подтверждает справедливость известного тезиса: «новое — это хорошо забытое старое»...

От редакции: статья эта уже готовилась к печати, когда мы узнали, что коллекция автора пополнилась новыми талонами, на сей раз из... Соединенных Штатов Америки. И не историческими — образца 90-х годов XX века. Что это за талоны? Откуда взялись они в процветающей сверхдержаве? Об этом читайте в следующем материале Виктора Руденко, который также появится на страницах «УС».

«Уральский следопыт»-92

быть ли планете Несс новой Большой Базой человечества — или навсегда остаться глухой космической провинцией?..

Учены нами настойчивые просьбы читателей: печатать **ЗАРУБЕЖНУЮ ФАНТАСТИКУ** — подготовлен перевод повести **Ричарда Маккенны «Ночь Хогги Дарна»**. Автор — американский фантаст послевоенного «призыва», удостоенный в 1966 году премии Небьюла за рассказ «Тайник» (единственное, по-видимому, его произведение, известное до сих пор русскоязычному читателю). В повести, как и у Г. Прашкевича, действие происходит в далеком космосе — на планете, вот уже много веков обживаемой выходцами с Земли, но не смирившейся и все яростнее противостоящей колонистам...

Продолжим мы и публикацию материалов «Заочного КЛФ», в частности — рефератов, присланных участниками наших викторин.

Страницы нашей «**ЗАВЕТНОЙ ПОЛКИ**» познакомят вас с необычайной судьбой уральского декабриста **Андрея Лощманова**; некоторыми героями еще нигде не напечатанной книги **Роберта Штильмарка** (автора «Наследника из Калькутты»).

Екатеринбургская Терпсихора; попытки открыть Америку задолго до Колумба; рассказ о **Петре Хрипунове**, выдававшем себя за Петра III — все это вам предложит «Следопыт»-92.

Вашему общению с журналом будет по-прежнему помогать «Краеведческий бумеранг»; откроется еще много незнакомого о знакомых заводчиках **Демидовых**; вместе мы пройдем в российских селах по следам первых народных библиотек; вместе будем возделывать «**Огород «Уральского следопыта»**»...

Вероятно, самая важная проблема, которая стоит в это странное время перед всеми нами, а особенно перед молодежью, — **КАК ВЫЖИТЬ?** И физически в том числе... Интерес, проявленный читателем к очерку **Александра Кивы** о «русском стиле» самооборонит, объясняет редакцию продолжить начатую тему. Но мало уметь драться. Существует множество различных систем, так сказать, «самоохранения». Например, автор по своему уникального учебного пособия «Школа экологического выживания» **Геннадий Чеурин**, интервью с которым в нашем портфеле, убежден: ценнее опыта северных народов ничего и быть не может.

Так что, если хотите выжить — читайте «Уральский следопыт!»

В царской армии для награждения нижних чинов был утвержден Георгиевский крест. В рубрике «**КТО ВО ЧТО ГОРАЗД**» екатеринбуржец **Ю. Г. Курепин** расскажет о своей коллекции, посвященной этой награде. Любопытно, что полных георгиевских кавалеров, имеющих все четыре степени, к 1917 году более было 42 тысяч солдат и унтер-офицеров... Россия — поистине страна беззаветного героизма. В той же рубрике своими размышлениями «**Зачем талон американцу?**» поделится коллекционер карточек и талонов **Виктор Руденко**.

Давний автор «Уральского следопыта» **Юрий Рязанов** начнет публиковать в журнале **справочник имен** под названием «**ИМЕННИК**». Около тысячи имен — мужских и женских, среднеазиатских, западноевропейских... Среди них вы, конечно, найдете и свое имя, узнаете, каковы его исторические, мифические, библейские, литературные или социальные корни.

Новый очерк **подросткового быта** готовит для журнала **Юрий Шинкаренко**. «Погоняло твое» — называется он. «Погоняло» с ребячьего жаргона переводится как «прозвище». Собрав картотеку — нескольких тысяч ребячьих кличек, автор всматривается: какую реальность отражают эти антропонимы, как сказываются в них мировосприятие, ценности, жизненные цели современных подростков.

Ироничная и ностальгически грустная, чутью злая и немного эстетская повесть ветерана екатеринбургского рока **Аркадия Застырца**, надеемся, придется по вкусу поклонникам рок-н-ролла и друзьям рубрики «**МУЗЫКА И МЫ**». Журнал представит читателю интереснейший коллектив, увы, пока больше известный публике Перу и Испании, чем нашей — «**Театр пилигримов**» из Иркутска. А вообще, музыкально-автобиографическая проза становится для «Следопыта» почти традиционным жанром. Кому еще из ваших кумиров — певцов, музыкантов — стоит, по-вашему, предоставить страницы журнала? Напишите!

У «Уральского следопыта» свой круг писателей. Они принадлежат разным литературным лагерям, но, встречаясь на страницах журнала, оттеняют и дополняют друг друга. И придадут нашей прозе собственное лицо: остросюжетность, повышенное внимание к светлым сторонам души, поправку на подростково-юношеские интересы, разнообразие стилистических приемов.

ЧИТАЙТЕ ВСКОРЕ: повесть **К. Лагунова «Юродивый»**, повесть об уральской природе **В. Акимова «Одна лошадиная сила»**, заметки известного культуролога **Г. Гачева «Жизнемысли»**, повесть о викингах **М. Семеновой**. Продолжает линию ужасов в литературе рассказ **В. Щепетнева «Мероприятие два дробь одиннадцать»**. По-прежнему изысканно творчество **Ю. Кокوشко**. Полон экзотики рассказ **Е. Пинаева**. С упорством, знакомым нам разве лишь по рассказам Джека Лондона, борются за свою жизнь герои **Юрия Иванова**.

Добрými друзьями придут к вам со страниц «Следопыта» персонажи новых произведений наших постоянных авторов **А. Варламова**, **С. Винокуровой**, **В. Кобылина**, **Н. Чемезова** и других.

По традиции — из номера в номер — в журнале будет печататься **ФАНТАСТИКА**. Вслед за «Сказкой про Вэньку» **Леонида Порохни** (журковатую эту «повесть для кино» любовно и с выдумкой оформил художник **Александр Коротич**) мы опубликуем новую повесть давнего нашего автора **Геннадия Прашкевича «Анграм-VI»**. Герой этого космического детектива инспектор **Аллофс** по крупицам собирает аргументы, которые позволили бы принять выверенное, единственно правильное решение,

ФАНТАСТИКА

— Кто этот Оргелл!— спросил я.— Художник! Я правильно понял: он выслан!

— Совершенно правильно, Отти. Этот человек выслан на Землю.

— Но почему!

Лин помедлил. Впервые он отвечал без улыбки:

— Этот Оргелл... Он ходил к Воронке.

Геннадий Прашкевич. «АНГРАВ-VI»

Воспользовавшись тем, что натиск противника ослаб, Морган подбежал к Корбину, чтобы заменить бластер.

— Морган, если мы оба останемся живы после всего этого, я убью тебя!— прокричал Коул.

— Нет,— пророкотал Морган.— Ты пробыл в лесу три недели и вышел оттуда. Три недели! У меня это заняло три столетия! Держи мою руку, брат по ярости!

Ричард Маккенна.
«НОЧЬ ХОГГИ ДАРНА».

ПРИКЛЮЧЕНИЯ

В конце XIX века подростки и юноши с огромным интересом читали ныне незаслуженно забытую приключенческую повесть Ольги Качулковой «РОБИНЗОНЫ В РУССКОМ ЛЕСУ».

Трудности и лишения, которые преодолевают тринадцатилетний изнеженный дворянин и его верный помощник — крепостной мальчик Вася, заблудившиеся по собственной глупости в заповедном лесу, стали для легкомысленных искателей приключений суровой школой жизни, закалили характер и помогли крепко усвоить, что только трудолюбие, мужество и дружба помогают выжить и остаться настоящими людьми в самых невероятных и безвыходных ситуациях.

ИСТОРИЯ

«Евгений торопливо перекрестился на церковь, вдохнул полную грудь колкого холоду и решительно скинул обувь. Ступни голых ног сразу болезненно пристыли к искристо-белой ледяной хрусткой мякоти, знобкая дрожь колыхнула тощее тело... Он долго готовил себя к этой выходке, готовил духовно, и лишь уверовав в неотвратимость и единственность надуманного пути, решительно и безоглядно вступил на него».

Герою Константина Лагунова важно не испытание собственного тела, но испытание духа. Готов ли он отомстить врагам Отечества, а значит — и собственным врагам!

Читайте повесть Константина Лагунова «ЮРОДИВЫЙ».

«Уральский следопыт»-92

УЖАСЫ

Новый рассказ Василия Щепетнева «Мероприятие два дробь одиннадцать».

«Замысел рассказа,— предваряет публикацию автор,— появился после того, как знакомый психиатр рассказал мне о случае группового оборотничества [ликантропии по-научному], имевшем место в одном из сел Воронежской области. Подобные случаи описаны в медицинской литературе многократно. Особенно часто они встречаются в периоды бедствий...»

ПРОРОЧЕСТВА

«И ОТВЕРНУЛАСЬ БОГОМАТЕРЬ...» Из публикации под этим заголовком вы узнаете о том, как 13 октября 1917 года неподалеку от португальского городка Фатима 70 тысяч человек одновременно стали свидетелями явления Богоматери. Она оповестила [за две недели до Октябрьского переворота!], что Россия распространит свои ужасные заблуждения по всему миру... После этого чуда высшая воля была явлена в различных местах мира — как предостережение о каре за греховность. Куда же идут Россия и весь мир — навстречу неминуемой гибели!..

КОНТАКТ С ИНОПЛАНЕТЯНАМИ

«ВСТЕТИМСЯ НЕ НА ЗЕМЛЕ». Уральский инженер Валерий Цветков более десяти лет назад рассчитал район Вселенной, где есть Разум. Вскоре его посетил робот-посланец, через которого землянин вел трехчасовой разговор с внеземной цивилизацией. Ему было сообщено о времени обширного контакта с человечеством, и это время приближается...

О всем этом вы сможете прочитать в «Уральском следопыте» до конца 1992 года.

МАТЕРИАЛИЗАЦИЯ ДУШ

«ПРИЗРАКИ И ШЕРЛОК ХОЛМС». Автор нашумевших книг «Нить Ариадны», «Нечто», «Несусветная реальность» московский экстрасенс Владимир Сафонов рассказывает в этот раз о невероятных случаях материализации душ. На страницах нашего журнала планируется опубликовать также беседу с самим Владимиром Сафоновым — по просьбам читателей.

сен 42-1992

